

литература • культура • молодёжь • время/декабрь 2018

ИДЕАЛЬ

16+

*Среда
обретения*

**НАСУР
ЮРУШБАЕВ**

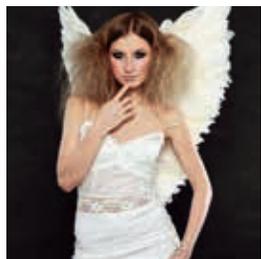
Герой номера

**ГУЛЬНАЗ
САФАРОВА**

Персона

**ФЛОРИД
АГЗАМОВ**

**ЖУРФАК
VS ИНТЕРНЕТ**

За образ обложки благодарим
модельера и дизайнера
ЕКАТЕРИНУ БОРИСОВУ

на правах рекламы

ИДЕЛЬ

Редаксовет:

Ильдар БАЯЗИТОВ
Разиль ВАЛЕЕВ
Римзиль ВАЛЕЕВ
Ркаил ЗАЙДУЛЛА
Айгуль ГОРНЫШЕВА
Фарид МИФТАХОВ
Газинур МУРАТ
Гульчачак НАЗИПОВА
Данил САЛИХОВ
Ляйсан САФИНА
Джавдат СУЛЕЙМАНОВ
Сюмбель ТАШШЕВА
Лаззат ХАЙДАРОВ
Данис ШАКИРОВ

Руководитель филиала

Радик Рашидович САБИРОВ

Главный редактор

Айсилу Айдаровна ХАФИЗОВА

Заместитель главного редактора

Ирина ЕРМАКОВА

Редакторы:

Галина БУЛАТОВА
Зулейха КАМАЛОВА

Корректор:

Ильсия ШИГАПОВА

Макет, верстка

Равиль ШАРАФУТДИНОВ

Главный бухгалтер

Лилия БИКБАЕВА
Тел. +7(843) 222-09-84, доб. 1270

Офис-менеджер

Гульнара ЧЕРЕПНЕВА

Учредитель: АО «ТАТМЕДИА»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Издатель: АО «ТАТМЕДИА»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Создано при поддержке Республиканского
Агентства по печати и массовым
коммуникациям «ТАТМЕДИА»

Адрес для писем:

420066, г. Казань, а/я-52. «Идель».

Адрес редакции:

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2, 7 этаж.

e-mail: idel-kazan@mail.ru

Адрес сайта: www.idel-rus.ru

Тел +7(843) 222-05-45

За достоверность рекламных объявлений
ответственность несет рекламодатель

При перепечатке ссылка на
«Идел - Идель» обязательна. Рукописи
не возвращаются и не рецензируются.
Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов.
Редакция не располагает возможностью
выступать ходатаем в
официальных организациях.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
под номером
ПИ №ФС 77-54276 от 24 мая 2013 г.

Тираж – 1347

Тираж сертифицирован

Отпечатано в типографии

АО «Татмедиа» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

Подписано в печать 03.12.2018

Заказ Е-3266

Формат 84x108, 1/16. Усл.-печ. л. 6,72

Уч.-издл. 8,5

Подписной индекс – П2361

Свободная цена

16+

СОДЕРЖАНИЕ

3 МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА
Светлана ШАЙХИТДИНОВА
СМИ vs соцсети

7 DIXI
Роман БАКАНОВ
*Почему иностранцы
выбрали журфак Казанского
университета?*

8 ИСТОРИЯ В ДЕТАЛЯХ
Дмитрий ТУМАНОВ,
Роман БАКАНОВ
Как и где появился журфак?

16 ГЕРОЙ НОМЕРА
Айсылу ХАФИЗОВА
*Гульназ Сафарова:
«Нисколько не жалею о
поступлении на журфак!»*

24 КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
Васил ГАРИФУЛЛИН
*Флорид Агзамов:
«Второй Тукай из меня не
получился...»*

30 ИЗ ТЕТРАДИ БЕЗ ОБЛОЖКИ
Роман БАКАНОВ
*Традиция, заложенная в
пятницу, 13-го*

33 СРЕДА ОБРЕТЕНИЯ
Айсылу ХАФИЗОВА
*Насур Юрушбаев:
Джалилевцев казнили за
подрыв всемогущего Рейха!*

38 РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ
Роман БАКАНОВ
*От станции «Свяжск» до
пристани «Маевка»*

43 ПРОЗА
Айрат БИК-БУЛАТОВ
*Истории про мой город и
простых людей*

46 ПРОЗА
Павел ГЕОРГИЕВ
Клоны Александра

48 ПРОЗА
Елена БАРАНЧИКОВА
Пророчество шамана

52 ПРОЗА
Харис ЗАКИРОВ
*Баня и «Твикс», Что сказал
Карамзин?*

57 ПРОЗА
Нури БУРНАШ
*Концерт для хавбека с
оркестром*

59 ПРОЗА
Татьяна МАДИЕВА
*Пути Господни
неисповедимы*

63 ДЕБЮТ
Эльвира МАРКОВА
*«Смотреть на радугу и не
предвидеть гроз...»*

65 ДЕБЮТ
Арина ГИЛЬМИЕВА
*«Что мне делать с душой,
проводник?»*

66 ПОЭЗИЯ
Евгений ЕВТУШЕНКО
*Казанский университет
(отрывок из поэмы)*

72 ПОЭЗИЯ
Алексей ОСТУДИН
Рецепт невесомости

76 ПОЭЗИЯ
Лоренс БЛИНОВ
Цикл стихотворений

78 В ПЕРЕВОДЕ
Гали РАХИМ
В тоске (рассказ)

Начинающему журналисту часто приходится слышать нелестное о задаваемых вопросах и обвинениях в некомпетентности. В пору студенчества кто-то из мудрых мне сказал: «Журналист не должен знать всего, он должен знать людей, которые ему все расскажут». И еще одна истина, которую начинающим стоит взять на вооружение: «Не бывает плохих вопросов, бывают неинтересные спикеры». Это то, что нам на журфаке КГУ не преподавали, все это мы постигали на практике – так умело и эффективно была выстроена система обучения самым популярным педагогом факультета – Флоридом Агзамовым. Основателя журфака КГУ помнят и любят все поколения журналистов-выпускников, число которых исчисляется десятками тысяч.

В этом номере мы почтили память Учителя и рассказали историю появления журналистского образования. В создании контента нам помогли преподаватели Казанского университета: Васил Гарифуллин, Дмитрий Туманов, Светлана Шайхитдинова и Роман Баканов.

Система обмена информацией меняется год от года все быстрее по мере развития техники. Бумажные СМИ отчаянно борются за подписку, а читатели уходят в Интернет. Но журналистское образование по-прежнему остается актуальным – так считают эксперты нынешнего номера, успешные практикующие журналисты. Как

и сотню лет назад, журналисты создают авторитетное и компетентное информационное поле, свободное от фейков. И сегодня на авторах материалов лежит двойная ответственность – критерием успешности является читаемость их текстов.

Замечено – популярность получают те журналисты, которые имеют смежные специальности. В этом номере мы представили «крупным планом» двоих журфаковцев разных поколений. Это популярная теле- и радиоведущая Гульназ Сафарова (поколение 30-летних) и кинематографист Насур Юрушбаев (поколение за 50). Но сходство между ними очевидно – сильнейшая мотивация, ответственность, организованность и трудолюбие.

Литературный блок номера составили произведения выпускников КГУ и тексты российских литераторов о Казанском университете. Поэзия Евтушенко и Остудина, дебютные тексты Арины Гильмиевой и Эльвиры Марковой – находка нашего блестящего литературного редактора Галины Булатовой.

Поздравляю вас с наступающим Новым годом и искренне надеюсь, что вы успели подписаться на наш журнал, который мы с любовью «вручную» делаем специально для вас!

Айсылу Хафизова

► Светлана Шайхитдинова

СМИ VS СОЦСЕТИ

Каковы роль журналистики и будущее профессии журналиста? Об этом рассказали выпускники отделения журналистики Казанского университета, которые сегодня являются экспертами в своей области.

АННА КАЧКАЕВА,
журналист, медиакритик,
профессор коммуникации,
медиа и дизайна НИУ ВШЭ,
автор и редактор учебника
«Мультимедийная журналистика»
(победитель Национальной премии
«Книга года – 2018»):

Журналистика умирает? Профессия в кризисе? А может, журналистика всего лишь стремительно меняется? Какими бы оптимистичными или пессимистичными ни были ответы, все они будут верными. Сегодня мы имеем дело с совершенно другой журналистикой по сравнению с той, которой учили 30

лет назад, когда я получала диплом отделения журналистики КГУ. Потому что изменилась страна, экономика, технологии, мы. Каждый человек – почти медиа. Он вплетен в медийное средство, всегда на связи и подключен к Сети 24/7. Он создает цифровой язык и изображения (пост, селфи, сторис), вовлечен в медийное сопереживание через цифрового себя и «френда» (лайк, шер, репост, эмодзи), медийное самовыражение, игровые механики (развлечение, киберспорт) и цифровую интерактивность (групповые чаты, онлайн-обучение). Уже выросло поколение, чье взросление произошло и происходит неразрывно от технологий, привыкшие к неограниченному доступу к информации визуалы – это и новые потребители медиаконтента, и его создатели. Уходит в прошлое понятие «СМИ», а для поли- или мультиканальных медиа уже не важен сайт и наличие традиционной редакции.

Важен совокупный контент, когда медиа «живет» одновременно на всех платформах, а главная страница становится витриной, общей «точкой входа» для распространения содержания в разных средах. В штате действующих редакций, которые могут работать удаленно, все больше программистов, создателей визуализированной информации, digital-менеджеров. Сетевые издательства превращаются в платформы монетизации авторских проектов и брендов, потребитель полезной и эффектно упакованной деловой информации часто может не знать, что это может быть не СМИ, а, например, подразделение банка. Или может не догадываться, что материалы верстает робот, редакция уже давно ничего не пишет, а «вечно зеленые» материалы ротируются, привлекая новых читателей, генерируя трафик и предоставляя площадку для рекламы. Грань между журналистикой и не журналистикой стирается на

глазах, статья, как форма письма, в каком-то смысле девальвируется, потому что многие тысячи людей делятся с окружающими качественными и талантливыми текстами. Пуш-уведомления, ставшие сегодня единицей контента. «Рассылки» и «карточки» как форма объяснительной и дайджест-журналистики. Исторические сериалы в виде социальных сетей. Мобильные устройства, победившие в области медиапотребления (для чтения СМИ больше не нужен настольный компьютер) и повсеместный теперь пользовательский опыт (быстрая загрузка, удобочитаемость текста, простота навигации).

Конвергенция нативной рекламы и мультимедийных проектов. Рекомендательные сервисы, дающие возможности публиковаться и зарабатывать на доходы от рекламы блогерам и медиабрендам, перспектива новой дистрибуции без СМИ, персонализированная экосистема. Эксперименты с дополненной и смешанной реальностью, у которых хорошие трансмедийные перспективы – от бумаги в погружение (ожидают, что рынок VR, виртуальной реальности, к 2025 году будет оцениваться в 80 млрд долларов). Актуализация темы роботизации: медиа, которые используют алгоритмы для создания

новостей, неизбежно встанут перед необходимостью ответить на вопрос о мере ответственности за ошибки не только человека, но и машины. Все это уже реальность мира медиакоммуникаций и мультимедийных медиа. Но несмотря на все стремительные перемены, которые происходят с медиа в цифровой среде, запрос на авторитетную, объясняющую, сопереживающую, необходимую миру журналистику, умеющую интересно рассказывать истории для всех существующих и возникающих платформ и каналов, работать для людей и в интересах общества, вряд ли когда-нибудь исчезнет.

РИНАТ БИЛАЛОВ, генеральный директор регионального отделения деловой электронной газеты:

Роль журналистики была и остается очень разной: информировать, решать проблемы общества, развлекать и так далее. Каждое

издание и каждый журналист выбирает свой собственный путь. В современной России журналистика слишком часто стала мутировать в пропаганду, и я вижу, как часто молодые журналисты не могут провести грань, не отличают одно от другого. Самая главная особенность сегодняшнего момента в том, что СМИ и профессиональные журналистские коллективы утратили монополию на информацию. Соцсети и каналы в мессенджерах сейчас зачастую дают более интересный и оперативный материал, чем многие СМИ. На мой взгляд, именно это определяет будущее

журналистики: с одной стороны – снижение качества информации, с другой – резкое увеличение участников информационного рынка и, как следствие, обострение конкуренции. Скорее всего, в результате станут невостребованными многие журналисты традиционных СМИ – те, кто не сумел перестроить мышление. Безусловно, талантливые журналисты всегда будут в цене, но я не завидаю тем, кто не работает над собой постоянно и не развивается. Люди, которые не владеют глубоко какими-либо темами, будут все меньше интересовать редакции и издателей.

РОМАН КОРОЛЕВ, с 2009 по 2014 год – корреспондент дирекции информационных программ и ведущий ток-шоу на канале «ТНВ», с 2014 по 2015 год – главный редактор татарстанского делового телеканала, с 2015 года – руководитель собственного

видеопроизводства:
На мой взгляд, журналистика, какой она была до развития интернета, уже не существует. Когда единственным каналом распространения информации была пресса (твой парикмахер и ближайший продуктовый рынок не в счет), ответственность

журналистов была куда выше – именно от них зависели не только точность и скорость передачи информации, но и подача, определяющая эмоциональный фон восприятия аудитории, и, самое главное – контекст. Сейчас контекст аудитория выбирает сама, сама интерпретирует информацию и экстраполирует ее на собственную аудиторию, приправив своими оценками и выводами. Кроме того, журналистика давно потеряла и одну из своих главных святынь – значимость первоисточника. Кто первый дал новость, помнит лишь поисковик, аудитория же не придает этому значения. Да и первоисточниками все чаще становятся непрофессионалы. Любой гражданин, снявший и выложивший в соцсети происшествие (сейчас это очень просто), автоматом становится

журналистом. А если он это делает регулярно, да еще и активно комментирует свои наблюдения, он вполне может тягаться в популярности и влиянии на аудиторию с каким-нибудь городским изданием. И это я не вспоминаю блогеров, которые осознанно и весьма успешно пытаются отобрать хлеб и деньги у зарегистрированных СМИ. Информационная память аудитории сильно сократилась. Аудитория сейчас хорошо запоминает только свои эмоции, а не цифры, факты и выводы. Она мало думает, но много чувствует – отсюда заполонившие все эмодзи и мат, вошедший в обиход, казалось бы, культурных людей. Поэтому в сегодняшнем информационном поле властвуют не блестящие аналитики и вдумчивые корреспонденты, а шоуранеры и

пиарщики. Оруэлл о таком и помыслить не мог – газеты не нужно перепечатывать, достаточно переврать факт эмоциональнее первоисточника, и событие в умах аудитории заиграет новыми красками... или вообще сотрется. Что изменилось бы в вашем мире, если бы внезапно перестали работать все СМИ? В моем, скорее всего, стало бы гораздо спокойнее. А в будущем журналистика как профессия не нужна. Наши дети не будут читать и смотреть пережеванные и переработанные кем-то за деньги новости. Они посмотрят прямую трансляцию участника событий. В крайнем случае, зададут ему пару вопросов. Лично. Получается, что все люди станут журналистами.

ВЛАДИМИР СЫЧЕНКОВ,
кандидат филологических наук,
спич-тренинг, обучает технологиям
публичности и продаж:

Журналистика в кризисе, а когда было по-другому? Мы переживаем очередной сложный период, который надо рассматривать как профессиональный вызов. Да, нивелируется ценность даже не экспертного мнения, а самого факта. Фейк правит миром. Люди не понимают, что происходит, зато

четко ощущают, что ими манипулируют. Я не хочу оценивать это в категориях «хорошо» – «плохо». По факту, журналистике нужно искать новые пути к рассудку и сердцу аудитории, чтобы вернуть доверие. При этом я оптимист. Журналистика как профессия будет развиваться, впитывая технологические инновации блогерства, укрепляя свои позиции как источника достоверной и беспристрастной информации.

РЕГИНА ЧИБРИКОВА,
педагог школы журналистики,
корреспондент информационно-
рекламного издания:

Информатизация, формирование общественного мнения, в какой-то степени пропаганда – журналистика сегодня редко

предстает обнаженной. СМИ сражаются на медиарене за рейтинги, а человек постоянно находится в плотном кольце кем-то продвигаемой информации. Современному журналисту не обязательно обладать аналитическим складом ума, желанием

помогать обществу. Достаточно умения оказываться в нужное время, в нужном месте и предупредить дедлайн. Краткость, оперативность и достоверность – сегодня, пожалуй, это одни из определяющих признаков востребованных аудиторией СМИ.

АНТОН ШАБАРДИН, старший корреспондент газеты «Республика Татарстан»:

Роль журналистики можно рассматривать в разных приложениях и разных плоскостях. В

Уходят на задний план печатная журналистика, радиоформат. Теряется ценность самого журналистского текста, как искусства слова. Будущее профессии журналиста? Работа нон-стоп. Пишущих журналистов уже сегодня мало.

широком смысле она является одним из важнейших факторов социальной коммуникации. В более узком – это элемент саморегуляции общества при условии, что в конструктивном ключе выстраивается, к примеру, взаимодействие власти и общества, этноконфессиональных групп, формируется некое единство пространства и целей. В то же время, что бы там ни говорили, журналисты – солдаты идеологической войны, где оружием может выступать даже пресловутая политкорректность.

Любящих работать с текстом еще меньше. Дети, воспитанные на видеоканалах, социальных сетях и развлекательных шоу, с трудом удерживают в руках газету дольше пяти минут. А ведь журналистика будущего – это именно они. Это то, что в мы в них вкладываем сегодня

Думаю, большинство нынешних функций журналистика будет выполнять и в дальнейшем. Однако границы профессии журналиста имеют тенденцию к расширению. В значительной мере это связано с развитием технических средств коммуникации. На роль журналистов могут, к примеру, претендовать блогеры, способные собирать многотысячную аудиторию. Вопрос лишь в том, насколько широко будут трактоваться профессиональные стандарты.

РУСЛАН СЕРАЗЕТДИНОВ, основатель контент-бюро:

Я придерживаюсь старого принципа «Долг журналистики – успокаивать обеспокоенных и тревожить убогатворенных» (Джером Лоуренс). Эта роль продолжает сохраняться, от нее журналистов никто не избавлял. Вопрос в том, как нынешняя журналистика ей соответствует. Если мы говорим

о «парадных СМИ», чаще всего принадлежащих государству, то они эту роль выполняют лишь в первой части. Частные СМИ, едва сохранившиеся, эту роль примеряют на себя уже в полной мере, каждое – с тем или иным успехом. К сожалению, практически исчезла способность журналистов быть независимыми, быть над ситуацией, уметь оценивать мнения разных сторон. Для этого необходим и жизненный опыт, и внутренняя уверенность в самом себе, и объем знаний, а этого нет или же очень мало. Значим в этих изменениях и экономический фактор – отрасль серьезно поменялась, из нее ушли деньги, и это ведет к оттоку сильных кадров. Они идут в

копирайтинг, в сценарии, в рекламу, PR, словом, в те отрасли, где умение коммуницировать по-прежнему ценится высоко. Естественно, этот отток также не повышает уровень современных журналистов и их соответствие роли, которую я обозначил выше. Если говорить о будущем журналистики, то я вижу тренды, отмеченные Мирошниченко еще лет десять назад – смерть газет (sic! как бы печально это ни было), рост гражданской журналистики и всевозможных форматов, создаваемых пользователями (UGC, что видно на примере vc.ru или тех же телеграм-каналов), слияние журналистики с другими отраслями деятельности (ИТ как флагман). ■

► Роман Баканов

Почему ИНОСТРАНЦЫ выбрали ЖУРФАК Казанского университета?

КИМ СИ-МОН (Южная Корея):

– Медведь, снег, водка и тетрис – вот имидж России для иностранцев. Многие задают мне вопрос: «Почему ты выбрал именно Россию и Казань?» Для моего народа Россия – далекая, но в то же время близкая страна. Корейцы считают ее тайной и чудесной. Особенно город Казань, в котором живет очень много представителей разных народов со своим характером, идеями и мыслями. Я сейчас учусь на журналиста в КФУ. Журналистика для меня имеет большое значение, может изменить многое в моей жизни. Поэтому я выбрал эту профессию. Я хочу стать журналистом, который защищает людей от абсурда и несправедливости.

ЛУИСА-ФЕРНАНДА ЛОПЕС-БУИТРАГО (Колумбия):

Россия давно привлекала меня своей культурой и качеством образования. Из всего многообразия городов я выбрала Казань, поскольку это один из самых красивых и уютных городов России.

КФУ – это университет с хорошей оценкой в международном рейтинге и престижный вуз международного уровня. В нем готовят и по гуманитарным направлениям и журналистике, что меня интересует. Я решила, что Казанский федеральный университет даст мне возможность получить качественное образование. Мне нравится учеба в КФУ, потому что преподаватели и однокурсники открыты для новых культур и всегда готовы мне помочь.

МУЛИЯ МИХАЭЛЬ ШУМАХЕР (Индонезия):

Я выбрал Россию, потому что образование в России лучше и дешевле, чем на родине; а еще из-за русского языка – это один из самых распространенных языков Евразии. Я учусь на журналиста для того, чтобы научиться исследовать, комментировать, анализировать все сферы жизни: социальные, экономические, политику, международные отношения, криминологию и т.д. Вторая причина, почему я выбрал именно журналистику, потому что она – четвертая власть, от которой зависят судьбы многих людей. Я постигаю международную журналистику, потому что хочу специализироваться на международной сфере. Я выбрал КФУ, потому что Казань – место встречи двух культур: русской и татарской. А еще потому, что здесь учились многие известные в мире люди.

► Дмитрий Туманов, Роман Баканов

КАК И ГДЕ ПОЯВИЛСЯ ЖУРФАК?

В 2017 году отмечалось 55-летие начала журналистского образования в Поволжье. Журналистика – одна из самых молодых наук, ей нет и ста лет. Полная история ее становления и развития в России еще не написана.

ПОДГОТОВКА ЖУРНАЛИСТОВ В РОССИИ

Потребность в специально обученных кадрах журналистика почувствовала в самом конце XIX века. Тогда в связи с потребностями

развивающегося индустриального производства не только в России, но и во всем мире стало внедряться обязательное начальное образование, которое способствовало преодолению массовой неграмотности

и росту дешевых печатных изданий. Издательское дело постепенно становилось прибыльным. В журналистику пришли капиталисты, нанимавшие на работу профессионалов в различных областях –

МИРГАЗИ СОЛТАНОВИЧ КАШАФУТДИНОВ (1907–1975)

С 1959 года на отделении татарской филологии историко-филологического факультета КГУ открылась специализация татарской журналистики по заочной форме обучения. Почти все предметы вели известный журналист и литературовед Миргази Солтанович Кашафутдинов (Гази Кашшаф) и аспирант кафедры татарской литературы Рафаэль Ахметович Мустафин. В 1960 году Гази Кашшаф успешно защитил диссертацию «Основные этапы развития татарской советской литературы и творчество Мусы Джалиля» и стал кандидатом филологических наук. Гази Кашшаф был основателем джалиловедения не случайно, ведь именно он упомянут в завещании Мусы Джалиля: «В случае моей смерти сбор

редакторов, литературных сотрудников, репортеров, художников, фотографов.

В 1902 году даже обсуждался проект создания высшей школы журналистики в Санкт-Петербурге. Руководителем ее должен был стать талантливый писатель, пустивший в оборот слово «интеллигенция» для обозначения высшего образованного слоя общества, выпускник юрфака Казанского университета Петр Дмитриевич Боборыкин.

Вместо этого в Москве **в феврале 1905 года** известный юрист, профессор Леонид Евстафьевич Владимиров, открыл первую в России частную школу журналистики. Курсы предназначались для того, чтобы «лицам, не получившим образования на юридическом факультете, дать систематическое собрание этико-юридических знаний, необходимых для понимания и обсуждения вопросов общественной жизни, составляющей предмет так называемой публицистики»¹.

¹ Цит. по: Есин Б.И. Путешествие в прошлое. – М., 1983. – С.158.

всех моих рукописей, стихов, песен, поэм, рассказов, пьес, эпиграмм, критических статей, дневников, писем как в черновом виде, так и в виде беловиков завещаю и доверяю моему лучшему другу, критику и писателю, члену ССП тов. Кашшафу Гази. <...> Завещаю ему всё моё творчество, завещаю привести в порядок мое литературное наследие и со своими комментариями опубликовать в печати по его усмотрению». Среди первых выпускников татарской журналистики – Шамиль Ракипов, Абдулла Сяляхутдинов, Тауфик Сагитов, Лена Шафикова, Эльмира Адиятуллина.

ИВАН ГЕОРГИЕВИЧ ПЕХТЕЛЕВ (1906–1969)

24 марта 1962 года по инициативе профессора Казанского педагогического института Ивана Георгиевича Пехтелева в Казанском государственном университете была создана кафедра журналистики. Известный литературовед, литературный критик и публицист, он стал первым ее заведующим. При нем за короткое время были созданы учебные планы, программы по общим и специальным курсам, изданы научные труды, учебные пособия, методические разработки,

установлены связи с редакциями газет, журналов, радио и телевидения, с вузами, научными центрами, общественными организациями. Коллектив преподавателей, собранный им, состоял не столько из теоретиков, сколько и из журналистов-практиков. Пехтелев сразу же наметил и научный вектор кафедры – исследование местной прессы: татарской журналистики, казанской прессы, печати Поволжья. Иван Георгиевич вновь и вновь говорил о том, что сотрудникам редакций не хватает журналистского мастерства, журналистской квалификации, «необходимы знания по существу и того, как писать». Он был сторонником жесткой дисциплины и не поощрял пропусков занятий даже ради редакционной практики.

Но самостоятельный статус журналистское образование получило только **в 1921 году**. В этом году были открыты первые Коммунистические институты журналистики в Москве и Петрограде.

В 1941 году в Свердловске был открыт первый в стране факультет журналистики. С этого года журналистское образование стало университетским. **В 1944 году** подобный факультет организован в Белорусском университете, **в 1946 году** открылось отделение журналистики на филологическом факультете Ленинградского университета, **в 1947 году** – Московского.

Но только в 1960-е годы журналистское образование в стране стало массовым. В эти годы специализированные кафедры и отделения стали открываться во многих вузах страны. Например, в Казанском университете.

ПОЯВЛЕНИЕ ЖУРФАКА В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

История журналистского образования здесь началась в 1959 году, когда состоялся первый набор на специальность «татарская журналистика» (заочное отделение).

В 1962 году состоялся первый набор студентов дневной формы обучения. Открылась кафедра журналистики. Руководить ею пригласили признанного литературоведа, профессора Казанского пединститута Ивана Георгиевича Пехтелева. Он был первым в Советском Союзе доктором и профессором журналистики. Обучение студентов велось по дневной, вечерней и заочной формам.

Второй заведующий кафедрой, доцент Лев Гдальевич Юдкевич, совершенствовал учебный процесс, конкретизировал научное направление, большое внимание уделил воспитательной работе студентов.

В 1972 году на историко-филологическом факультете создано отделение журналистики. Много лет оно оставалось единственным центром подготовки журналистских кадров для областей и автономных республик Поволжского региона. С созданием отделения университет приобрел новую специальность – «журналистика».

С 1972 года кафедру журналистики возглавил кандидат исторических наук, известный журналист Флорид Имамаметович Агзамов. Позже он стал и заведующим отделением журналистики в Казанском университете. При нем в 1992 году отделение выделилось в самостоятельный факультет журналистики. Через два года факультет преобразовали, присоединив к нему кафедры социологии и психологии.

ЛЕВ ГДАЛЬЕВИЧ ЮДКЕВИЧ (1913–1999)

Он возглавил кафедру журналистики в 1967 году, проработав перед этим чуть менее двух десятков лет редактором газеты «Казанский университет». На одной из первых лекций Лев Юдкевич сразу же заявил о своем кредо: «Журналисты делятся на две категории. Одни переходят улицу, увидев героя своего материала, другие дружат с ними всю жизнь». Сам он был из «других». В отличие от предшественника он был не строг, но требователен. В коллективе установились творческая атмосфера, демократические, товарищеские отношения между преподавателями и учениками. В студентах он видел, прежде всего, коллег. «Не умом, а нутром надо войти в журналистику. Понимаете – нутром», – твердил он как основной закон своей жизни. В анкетах Лев Гдальевич обязательно указывал, что внештатно работает в печати с 1927 года. Его жизненный опыт подсказывал ему, что работник средств массовой информации не может, не должен ждать новость, интересную для читателей, слушателей или зрителей. Ее нужно искать, и поиски эти должны быть повседневными. Таков, по мнению Юдкевича, один из залогов журналистского успеха.

В 2003 году отделение психологии преобразовалось в самостоятельный факультет, и с этого времени у факультета снова было новое название – журналистики и социологии.

Флорид Имамахметович Агзамов возглавлял отделение журналистики до 2002 года, подготовив не одно поколение известных в Татарстане и стране журналистов. С 2002 по 2016 год дело своего учителя достойно продолжил выпускник Казанского университета, доктор наук, профессор Васил Загитович Гарифуллин.

В декабре 2012 года факультет журналистики и социологии преобразован в Институт массовых коммуникаций и социальных наук.

29 августа 2014 года в Казанском университете создана новая структура: Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, включающая три отделения: философии и религиоведения, социально-политических наук и отделение массовых коммуникаций. Директор института – профессор Михаил Дмитриевич Щелкунов.

20 февраля 2016 года отделение массовых коммуникаций было

ФЛОРИД ИМАМАХМЕТОВИЧ АГЗАМОВ (1936–2005)

Набравшись опыта в различных изданиях, Флорид Имамахметович Агзамов возглавил отделение журналистики Казанского государственного университета в 1972 году. С этого времени вся его жизнь была связана с этим учебным заведением: до 1999 года, более четверти века, он заведовал кафедрой журналистики, с 1985 по 1990 год был деканом филологического факультета, с 1990 по 2002 год – деканом факультета журналистики, социологии и психологии КГУ. Флорид Агзамов неоднократно подчеркивал, что одним из основных принципов в деятельности журналиста является принцип «не навреди!», и предостерегал мастеров пера от агрессивного

вторжения в личную жизнь человека, граничащего с оскорблением личного достоинства. «Любить человека!» – именно так, с восклицательным знаком, формулировал смысл журналистской профессии Агзамов. Тема гуманизма в журналистике, гуманистических идей, гуманистических традиций была одной из главных в его научной деятельности, и в его жизни. Талантливый ученый и публицист, переводчик и энциклопедист, он воспитал плеяду крупнейших журналистов и писателей – Римму Ратникову, Владислава Фронина, Ильшата Аминова, Миляшу Айтуганову, Юрия Алаева, Айдара Халима, Нияза Акмала, Лябиба Лерона, Рифата Фаттахова.

переименовано в Высшую школу журналистики и медиакоммуникаций, которая является структурным подразделением Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ. Ее возглавляет Леонид Григорьевич Толчинский.

В структуре Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций три кафедры: национальных и глобальных медиа, телевизионного производства и цифровых коммуникаций, связей с общественностью и прикладной политологии. Подготовка студентов ведется по направлениям: журналистика (периодическая печать, национальная журналистика, международная журналистика, новые информационные технологии в СМИ), телевидение, реклама и связи с общественностью, медиакоммуникации. Выпускнику присваивается квалификация – академический бакалавр. Для тех, кто захочет учиться дальше, есть магистратура и аспирантура.

ТАЛГАТ ХАЗИАХМЕТОВИЧ МИННИБАЕВ (1953–1991)

В 1990 году заведующим кафедрой теории и практики журналистики стал Талгат Хазиахметович Миннибаев. О нем говорят, как о философе и романисте. «Любая форма анализа, который является начальной стадией журналистских действий, – подчеркивал он, – философский способ постижения сущности явлений». У него было все – и огромный запас знаний, и сила воли, и честность, и трудолюбие, и стремление идти вперед. «Научиться бы жить так, просто и мудро, всегда понимая: все, что ты ни делаешь – это лишь половина того, что следовало бы; половина того, что могло нагрнуть; половина того, что выпало, а потому и следует – терпеть, ждать, верить и не гневить...» – эти его размышления, доверенные лишь дневнику, определяли жизненные позиции Миннибаева. И в отношениях со студентами и коллегами он был особо тактичен, осторожен в том, что касается проявлений их индивидуальностей: «Когда люди заняты одним делом, одержимой цельной идеей, то и несовпадение интересов, различие образовательного уровня и жизненного опыта, – не говоря о психофизиологических склонностях и психологической конституции, – легко нейтрализуются, преодолеваются, и люди совместно борются за выход к новым творческим просторам». Внезапная тяжелая болезнь на 38 году оборвала его путь. Последние его размышления были связаны с сущностью журналистики: «Проблема состоит не в том, чтобы отметить всех и вся, а в том, чтобы вернуть людям уверенность в будущем, сформировать потребность в стабильности и качестве жизни, стремление преобразовать мир не в угоду своим перевернутым представлениям, а для утверждения человечности».

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РООТ (1927)

Заслуженный профессор Казанского университета, доктор филологических наук, академик Академии военно-исторических наук Андрей Александрович Роот полвека преданно служил журналистскому образованию. Работая с первого дня основания кафедры журналистики, он оставил множество научных работ, в том числе – исследования, посвященные Александру Ивановичу Герцену. Впервые воссоздавая основные этапы истории жанра передовой статьи, Роот на основании анализа-синтеза сотен передовых статей дал типологию этого жанра во внутреннем и внешнем контекстах. В период руководства кафедрой журналистики (с 1991 года) Андрей Роот инициировал открытие аспирантуры и совета по защите кандидатских и докторских диссертаций. Перешагнув девяностолетний рубеж, он и сейчас на личном примере учит накапливать интеллектуальные ресурсы и растить самосознание, повторяя как заклинание: «Необходимость растить научные кадры – первостепеннейшая наша задача». Сегодня основу профессорско-преподавательского состава кафедры с более чем 55-летней историей составляют его ученики, по-прежнему бережно и чутко прислушивающиеся к советам живой легенды журналистского образования в Поволжье.

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ДОРОЩУК

Взяв на себя в 1998 году руководство коллективом кафедры журналистики, Елена Сергеевна Дорощук заложила основы документооборота, позволившего в дальнейшем модернизировать учебный процесс, перейдя на двухуровневую систему – бакалавриат и магистратура. В 2002 году в Казанском университете появилась кафедра теории и практики электронных средств массовой информации. Инициатором ее создания стала Елена Дорощук. С ее именем связано появление еще одного направления научно-педагогической работы на отделении – исследование ценностно-психологической модели журналистской деятельности. Убежденность в том, что «обращение к идеям, позволяющим противостоять процессам деструкции, становится актуальной задачей современной журналистики», позволила Елене Сергеевне разработать собственные методики исследования деятельности журналистики. В последние годы она обеспокоена деградацией журналистики в классическом понимании ее как профессии словотворческой и активно пытается противостоять этому. По ее мнению, преодоление этого возможно обрести в интегративном образовании – воспитании «такого человека, который способен ощущать единство мироздания, комфортно чувствовать себя в этом единстве и, в то же время, беречь свою индивидуальность».

СВЕТЛАНА КАИМОВНА ШАЙХИТДИНОВА (1957)

«Человек-совесть» – так характеризует Светлану Каимовну Шайхитдинову всякий, кто хотя бы раз с ней соприкасался. Приоритетом ее научной и практической деятельности стали этические нормы журналистики. Светлана Каимовна – сопредседатель палаты медиасообщества Казанской региональной коллегии по жалобам на прессу и эксперт Общественной коллегии по жалобам на прессу. На ее счету свыше полусотни экспертных мнений по конфликтным ситуациям, участниками которых являются и ведущие федеральные телеканалы, и федеральные российские издания, и медиахолдинги, и небольшие региональные СМИ. География проанализированных ситуаций обширна – от Калининграда до Якутска. Да и в мире науки высоко котируются ее исследования по медиаэтике. Почти три десятка лет работает Светлана Каимовна в Казанском университете, более полутора десятков лет из которых заведовала кафедрой журналистики. И каждый раз, выходя к студентам, профессор Шайхитдинова учит, в первую очередь, заботиться о психологическом и нравственном здоровье своей аудитории. «Средства массовой информации под влиянием технологий и политической ситуации меняются, а правила поведения журналиста остаются всё те же», – не устаёт повторять она.

**ВАСИЛ ЗАГИТОВИЧ
ГАРИФУЛЛИН (1961)**

Один из ведущих специалистов в области изучения истории и теории татарской журналистики, профессор Васил Загитович Гарифуллин сегодня возглавляет кафедру национальных и глобальных медиа. Свой путь к этой непростой должности он начал в 1990 году, придя из практической журналистики ассистентом на кафедру татарской журналистики. В 1998 году он становится ее заведующим, с 2002 года – он декан факультета журналистики и социологии Казанского университета, еще через десять лет, в 2012 году, становится заведующим отделением массовых коммуникаций Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ. «В центре внимания общества, а значит и журналистики, должен стоять человек, его внутренний мир, его личность», – считает он. Когда его коллег или учеников просят назвать главную черту Гарифуллина, все, не сговариваясь, произносят – высокая порядочность. Васил Загитович ценит в студентах умелое владение словом, нестандартность мышления, желание как можно раньше попробовать себя в деле, в редакциях СМИ. Он убежден: чем больше студент пишет и чем раньше попробует свои силы в газете, на радио или телевидении, тем скорее станет профессионалом.

**ГАЛИНА ВИКТОРОВНА
МОРОЗОВА (1946)**

Студенты уверенно присвоили ей титул «Образец тонкого стиля и обладатель самой доброй улыбки», а коллеги искренне восхищаются ее неординарными организаторскими талантами. Имя доктора экономических наук, члена правления Национальной коллегии политологов-преподавателей России, исследователя региональных аспектов молодежной политики, крупного специалиста в области экономической социологии Галины Викторовны Морозовой давно уже стало гарантом высокого профессионализма. Свыше трех десятков лет она работает в Казанском университете, стабильно сохраняя звание лучшего специалиста. В 2014 году кафедра, которой она руководит не первый десяток лет, получила новое название – кафедра связей с общественностью и прикладной политологии, которое в полной степени отвечает образовательному профилю кафедры. Тогда же кафедра вошла в состав нового института – Института социально-философских наук и массовых коммуникаций.

**РЕЗИДА ВАГИЗОВНА
ДАУТОВА (1961)**

Решением Ученого совета Казанского федерального университета от 27 июня 2013 года на базе учебно-практической лаборатории Univer TV Института массовых коммуникаций и социальных наук создается кафедра телевидения и телепроизводства, цель которой – подготовка телевизионных специалистов. Ученый, публицист, талантливый организатор Резида Вагизовна Даутова сразу же соглашается возглавить эту кафедру. Она давно занимается историей татарстанского телевидения и знает, как еще в 1960-е годы на кафедру журналистики пришли практики Мария Гавриловна Шувалова и Виктор Иванович Беспалов, чтобы готовить кадры для телевидения. Но только сейчас та далекая мечта о специализации стала явью. «Журналист – человек думающий и имеющий право голоса, но все-таки всему надо знать меру», – убеждена Даутова и учит этому своих студентов. Когда-то, в 1997 году, став лауреатом первого республиканского конкурса «Хрустальное перо» – получив первую премию в номинации «Журналист года», Резида Даутова с честью выдерживает жизненный экзамен, ежегодно доказывая справедливость выбора жюри. ■

► Айсылу Хафизова

ГУЛЬНАЗ САФАРОВА:

«Нисколько
не жалею о
поступлении на
журфак!»

Одна из самых популярных выпускниц журфака КГУ поделилась лайфхаками успешного ведения интервью, рассказала о слагаемых успеха, об отношении к соцсетям, о материнстве и карьере.

ГУЛЬНАЗ МИНАЗИМОВНА САФАРОВА родилась в Казани 1 сентября 1986 года. Окончила музыкальную школу №10 (2000 год), татарско-английскую гимназию №16 на золотую медаль (2004 год), факультет журналистики и социологии КГУ с красным дипломом (2008 год), до 2011 года училась в аспирантуре, имеет статью ВАК, написала кандидатскую, но не защитилась – не чувствует в этом острой необходимости на данный момент. С 2004 года работает на радио, ведет концерты, мероприятия и собственную программу на канале «ТНВ». Заслуженная артистка РТ (2016 год).

С амая рейтинговая ведущая татарского радио, на котором работает более десяти лет, звездное лицо татарского музыкального телевидения и канала «ТНВ» была официально признана самой лучшей ведущей. Она вела программу на TV с одиннадцати лет, в двенадцать – вышла на сцену в качестве конференции. Гульназ около пятнадцати лет ведет международный эстрадный фестиваль «Татар жыры» («Татарская песня»), на котором первый президент Татарстана Минтимер Шаймиев дал высокую оценку ее работы. Она также снялась в нескольких фильмах. Гульназ Сафарова известна далеко за пределами республики – ведет мероприятия в Москве, Башкортостане, Сибири, Пермском крае.

– Вы мечтали стать врачом, почему пошли на журфак?

– Наверное, сказались находжение на сцене с малого возраста. Уже с пятого класса я начала писать небольшие материалы, их публиковали в газете «Сабантуй». Мне даже там дали корочку корреспондента.

Я была настолько горда собой! В старших классах я писала уже аналитические материалы, и папа (тогда – главный редактор газеты «Ватаным Татарстан» – прим. ред.) говорил, что я пишу лучше многих его журна-

листов, это давало мне стимул, мне хотелось доказать, что я могу еще лучше. Когда настало время выбирать, куда поступать, я пошла на журфак КГУ. Я не рвалась на телевидение как многие, о радио я даже не думала, мне просто хотелось писать, я получала удовольствие от этого. С первого курса подседа на жанр интервью, все мои научные работы посвящены именно этому жанру. Очень люблю общаться с людьми, узнавать что-то новое. Поэтому я нисколько не жалею о своем поступлении на журфак.

– Насколько сбылись ваши ожидания от учебы в КГУ?

– Все мои ожидания стопроцентно сбылись! Журфак дает свободу действий, там не нужно сидеть и зубрить, хотя я по своей натуре «ботаник» и «зубрилка». Но мне нравилась такая свобода. Я работала с первого курса (ведущей на радио – прим. ред.), совмещала, огромное спасибо преподавателям за то, что закрывали глаза на

некоторые мои недочеты в учебе, замечая, что я не высыпаюсь. Журфак дает больше практики, чем теории, мастер-классы от корреспондентов газет и ведущих телекомпаний очень пригодились мне в моей карьере.

Конечно же, на первом месте среди экспертов и учителей – мой папа. Он не учил меня целенаправленно, но всегда давал важные и полезные советы. Если надо было придумать заголовок, он заставлял меня писать десять вариантов, среди которых мы потом вместе подбирали подходящий, так у меня развивались фантазия и мышление. Еще один мой Учитель – это Васил Загитович Гарифуллин (профессор кафедры национальных и глобальных медиа Высшей школы журналистики Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ – прим. ред.). Это мой наставник, руководитель научных работ, он дал мне очень многое.

Мне также нравится, что эксперты делились мастерством, исходя из личного опыта. Например, журналист Ольга Юхновская говорила, что для журналиста все двери всегда открыты, мы не должны спрашивать, можно ли взять интервью, мы обязаны его взять, нужно вести себя уверенно, ведь мы – журналисты, мы – власть. Этот совет я запомнила, и теперь всегда, когда кому-то звоню, представляюсь, сообщаю, что мне от них нужно, и отношение ко мне становится совершенно другим. За это спасибо моим наставникам.

– За что вам стыдно, когда вы вспоминаете студенчество?

– Даже не знаю, у меня не было казусов. Я никогда не списывала, всегда готовилась, мне никогда не везло на экзаменах, я не из категории везунчиков. Я никогда не ищу легких путей, мне постоянно нужно работать. Во время учебы я билась

головой об стену, но старательно все учила. Единственное, за что мне стыдно – это, что я спорила с преподавателями. А вообще, я была примерной ученицей, постоянно все записывала, сокурсники часто обращались ко мне за помощью, и я помогала им, мне это нравилось.

– Вы взяли тысячи интервью. Поделитесь лайфхаками успешного интервью?

– К любому интервью нужно готовиться. Не нужно думать, что собеседник «легкий», с ним не сложно общаться и можно идти неподготовленным. В этом случае интервью провалится, я сама не раз убеждалась в этом. Нужно поискать информацию об этом человеке, чтобы вести себя с ним уверенно, чтобы можно было «подловить», сравнивая его ответ с другим интервью. Для меня также важно, чтобы собеседнику было интересно, чтобы он ждал вопросов и даже немного побаивался меня. Для того, чтобы собеседник раскрылся, нужно расслабить его. Я делаю это с помощью дайджест-вопросов, разминаю. Если это не прямой эфир, то можно поговорить о кофе, погоде и других незначительных мелочах, мозг собеседника даст слабину и впустит вас с вашими вопросами. Никогда не задаю вопросы из других интервью, это всегда раздражает собеседника, я понимаю это по его глазам. Никогда не нужно бояться смелых вопросов, но сейчас проблема в том, что многие молодые журналисты путают смелые вопросы с несурзными. Например, спрашивать о его зарботке – неэтично.

– Кто в вашей практике был самым «тяжелым» спикером?

– Я не могу назвать имени, это публичная личность, занимающая высокую должность. Я тщательно

готовилась к этому интервью. Чувствовала, что мне будет очень сложно, поэтому все досконально изучила об этом человеке. Это был радиоэфир, интервью мы обычно записываем час-полтора, а на этот раз сидели три часа. Мне было очень интересно, я внимательно слушала. Он хорошо и красиво отвечал, но мне было сложно энергетически. Видимо, он подавлял меня своим авторитетом, нечетко отвечал на вопросы, ходил вокруг да около, это угнетает.

– А кто был самый «легкий»?

– Таких очень много. Думаешь, ты все о нем прочитал, увидел, а он приходит и оказывается совершенно другим. Например, Ильдар Киямов (журналист, телеведущий – прим. ред.) открылся мне совсем с другой стороны. Я удивилась, какой он интересный и мудрый человек, ведь во время своего эфира он не раскрывается полностью, я не могла понять, что он за человек на самом деле. И таких собеседников было много.

– Вы всегда полностью расшифровываете интервью?

– Раньше расшифровывала, сейчас не хватает времени, потому что это огромная работа. Сейчас у меня больше телевизионное направление, а там с этим чуть легче. Поэтому я считаю, что труд печатных СМИ более трудоемкий, нежели телевидения или радио. Но я никогда не рвалась на телевидение, я всегда помнила слова папы: вначале нужно научиться писать и только потом идти на телевидение и радио, тогда ты будешь уметь формулировать свои мысли, и тебе будет легче.

– Как вы работаете с конфликтными ситуациями?

– Раньше я была очень эмоциональной, могла прямо в лицо бросить

что-то резкое, но со временем научилась регулировать этот процесс. Задаю себе вопрос: к чему это приведет, если я тоже перейду на высокий тон. Легче спокойно все уладить и найти общий язык, поэтому я за мирное решение вопросов. Нужно похвалить собеседника, сказать

что-то приятное – это не лесть или подхалимство, а подход, который можно найти к каждому. Сближение с религией тоже успокаивает, ты начинаешь по-другому мыслить и реже идти на конфликты, потому что это тебе не нужно. Кстати, я была вспыльчивой до появления ребенка. После тяжелых родов я поняла, что стала сильнее, ребенок дал мне такую силу, и это настоящее чудо. Я стала жить совершенно по-другому.

– Можно ли перебивать собеседника?

– Нужно! Все мы люди, порой уходим от темы, не нужно ждать, пока собеседник наговорится. Конечно, все это нужно делать интеллигентно и плавно, чтобы он даже не заметил этого. Кстати, этому очень хорошо учат радио и телевидение, где время ограничено. А когда я работала в печатных СМИ, то могла слушать по три часа, но мне было самой интересно. Потому что потом можно было выбрать интересные куски.

– Каким должен быть современный татарин?

– Он должен знать свое происхождение, свой родной язык, традиции, но при этом быть образованным, знать культуру, литературу. Быть развитым. Это не значит, что нужно надевать калфак, нужно быть современным и в то же время не забывать о своих корнях и не стыдиться этого. У меня есть знакомые, получившие блестящее образование за границей, они знают английский язык, живут и работают в Дубае, также знают татарский язык и учат ему своих детей. Я считаю, что это здорово.

– Сабантуй превратился в некий плакатный бренд, как вы считаете?

– Сабантуй сейчас повсюду. Все знают, что Сабантуй – это татарский праздник. Но я считаю, что Сабантуй тоже должен развиваться, мы должны обновлять его, но при этом основываться на том, что было раньше. Меня радует, что везде его ассоциируют с татарами, об этом знают и в Сан-Франциско, и в Австрии, это очень круто. Меня радует, что сейчас на сабантуях меньше гуляний, меньше выпивающих людей. Мне нравится, что на казанский Сабантуй приезжает каждый район, каждый что-то презентует, человек может прийти и познакомиться с культурными ценностями и достоянием соседних районов.

– Скажите, вас что-нибудь раздражает в татарской эстраде?

– Мне многое хотелось бы изменить, но сор из избы не выносят. Я работаю на татарской эстраде, это моя семья, моя территория, я бы многое там исправила, в то же время никому не дам ее в обиду. Однажды я зашла в магазин в поисках ткани для выступления. Услышав про татарскую

Я ЛЮБЛЮ НЕСТАНДАРТНЫЙ ПОДХОД. КАК ТОЛЬКО Я УВИДЕЛА ЭТОТ КОСТЮМ, Я В НЕГО ВЛЮБИЛАСЬ, ХОТЯ ОН ВООБЩЕ НЕ В МОЕМ ФОРМАТЕ – НЕ ПРИТАЛЕННЫЙ. ТАМ ТОЖЕ ЕСТЬ БЛЕСТКИ. НО ЭТО РУЧНАЯ ВЫШИВКА – ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, КАКОЙ ЭТО ГРОМАДНЫЙ ТРУД? В ЭТОМ КОСТЮМЕ ПЕРЕПЛелись ПОСЛЕДНИЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВЫХ ПОДИУМОВ И ЭЛЕМЕНТЫ КОРНЕВОЙ ТАТАРСКОЙ ТРАДИЦИИ. И ЭТОТ СИМБИОЗ ВЫЗВАЛ У МЕНЯ ВОСХИЩЕНИЕ.

эстраду, меня привели в отдел, где продавались блестящие и яркие материалы. Я разозлилась и выдала целый монолог о таком отношении к нашей эстраде (*смеется*). Мы развиваемся, снимаем очень много красивых клипов, артисты начали красиво одеваться, и я всегда обижаюсь на людей, оскорбляющих татарскую эстраду. Это говорят те люди, которые не следят за ее развитием. Если вы включите татарский музыкальный канал, то увидите, на каком высоком уровне снимаются клипы, их приятно смотреть, слушать эти песни. Конечно, нужно многое корректировать. Мне не понятно, откуда такая любовь к блескам и рюшам, к излишнему украшательству, ведь в исконном татарском национальном костюме такого не было. Артисты советской татарской эстрады тоже одевались сдержанно. Если посмотреть их фотографии и выступления, все было очень минималистично. Если смеяться, можно посмеяться и над любой другой эстрадой, в том числе над русской и зарубежной. Но лучше говорить об этом и направлять в нужную сторону.

– Чем вам понравился образ, который подобрала на фотосессию для нашей обложки модельер Катя Борисова?

– Я люблю нестандартный подход. Как только я увидела этот костюм, я в него влюбилась, хотя он вообще не в моем формате – не приталенный. Там тоже есть блески. Но бывают дешевые блески, дешевые пайетки, а бывают камушки, которые совершенно по-другому выглядят, дают лишь отблески. Это ручная вышивка – представляете, какой это громадный труд? Цветовая гамма потрясающая. Это все перекликается с последними коллекциями мировых брендов. Как раз это в тему нашего

разговора о современных татарах. В этом костюме переплелись последние тенденции мировых подиумов и элементы корневой татарской традиции. И этот симбиоз вызвал у меня восхищение.

Когда я выставила фото в этой одежде у себя в Instagram, посыпались комментарии, добрые и злые. Кто-то написал, что это не очень татарский костюм. Мне хочется сказать этим людям: «А вы изучали историю татарского костюма?» Они же подразумевают под татарской национальной одеждой атласно-акриловые костюмы самодеятельных коллективов советских времен. В фартучке и платье с рюшечками у татар ходила только прислуга, знатные люди одевались весьма изысканно. Они ничего не знают и строят из себя экспертов. Кто-то с иронией написал: «Да уж, Катя Борисова знает, наверное, что такое татарский костюм». Хочется у этого человека спросить: «А вы смогли бы сделать такой симбиоз?», но, боюсь, этот комментатор даже не знает слова «симбиоз». Это все ужасно раздражает, но я стараюсь быть выше этого.

Мне надолго запомнится эта фотосессия. Я была в роскошном костюме, это была нестандартная съемка, я почувствовала себя по-другому, меня это вдохновило.

– Какая социальная сеть является для вас предпочтительной?

– Социальные сети терпеть не могу, но я их веду. Я есть ВК и ФБ. Для того, чтобы высказывать свою позицию, больше всего подходит Фейсбук. Но наиболее массовый и общенародный – это Инстаграм. Это очень мощная площадка для резонанса. У меня более 90 тысяч подписчиков, я его веду, чтобы всегда быть на виду и быть информированной. Там я находила часто классных специалистов

себе на программу. Или у меня срывается съемка, мне героиня говорит, что не может прийти, а у меня три дня. Раньше я бы не знала, что делать, а теперь я кидаю клич, и все находится быстро. Но, если говорить о личном, я очень осторожно отношусь к соцсетям, не всю информацию о себе выкладываю. Я не пишу о своей семье, могу на пару дней позже выложить фотографии, могу зачекиниться не там, где я нахожусь. Не стоит выкладывать все подряд. Это недалековидно. Надо очень аккуратно с этим обращаться, потому что это действительно мощь, и она может обернуться против тебя. И я очень устаю от соцсетей. Поэтому у меня даже есть помощник, который работает по рекламной части. Но чаще я сама пишу, но это забирает много энергии и угнетает.

– Вам часто приходится сталкиваться с непрофессионализмом?

– Бывает. Сейчас многие получают образование, занимаются саморазвитием. Но в целом существует общая некомпетентность, выдаваемая за профессионализм и экспертное мнение, погоня за быстрыми эффектами. На эстраде такое тоже встречается, когда человек пытается все делать сам и считает себя гениальным. Я считаю, что нужно поручать все профессионалам: гримерам, стилистам, аранжировщикам, концертрансье. Задача певца – исполнять песню так, чтобы наиболее полно раскрыть ее смысл, а все остальное в номере должны делать профессионалы. Только в этом случае получится хороший продукт. Это касается всех отраслей – и в театре, и в кино. Действительно, меня поражает, когда человек приходит и говорит, что он режиссер и сам же написал сценарий, сам же и снимает. Я бы в таком фильме сниматься не стала.

По молодости у меня был такой интерес, я могла согласиться на что угодно, чтобы в новой ипостаси себя попробовать, но теперь, когда меня приглашают на какие-то мероприятия в жюри, я смотрю, что это за конкурс, кто организаторы, прошу показать план. Если все четко продумано и организовано на высоком уровне, соглашаюсь, но если какая-то липа – отказываюсь. Такого дилетантства очень много, и я стараюсь этого избегать.

– Вы любите Казань и Татарстан, а в какой стране вы хотели бы жить, если бы пришлось оставить родину?

– Я действительно обожаю Казань, мы ездили по всей России с гастролями и мероприятиями, за рубежом много была. Когда я приезжаю в Казань, меня как-то отпускает. Это мое. Действительно, это самый красивый город в России. Все четко, продуманно, красиво. Это здорово, когда ты всех знаешь, и все – твои друзья, это же такая роскошь. Казань совершенно особый для меня город, даже по энергетике. А если эмигрировать, то однозначно – в мусульманскую страну. Мне нравятся Арабские Эмираты, Дубай. Они меня притягивают. Что там выросло за сорок семь лет! Чистота, порядок, совершенно другой уровень образованности! Как они зарабатывают, как они тратят, они умеют жить и работать.

Я очень много раз была в Турции, но в основном знаю эту страну со стороны пляжного отдыха и экскурсий. Была также в Таиланде, Египте, Италии, на Кипре – и все. И среди курортных зон Турция у меня остается на первом месте – соотношение сервиса и цены идеально. Я в этом году в январе собираюсь в Стамбул, говорят, это совершенно другая Турция. У меня еще нет полного представления о стране. Моя предстоящая

работа связана сейчас со Стамбулом. Мне же все мало, я не умею останавливаться. Я хочу открыть свой магазин стильной одежды, для этого как раз ездила в Эмираты, выбирала там продукцию, сейчас поеду в Стамбул, а к весне хочу открыть свою точку в Казани, где буду предлагать «стайл» от Сафаровой. Я считаю, что у меня хороший вкус, я могу его передавать другим, одевать людей, нуждающихся в хорошей, качественной и недорогой одежде. Таких много, поэтому я думаю, что найду свою нишу.

– Из чего состоит успех?

– Успех состоит из небольшой части таланта, большей части труда, саморазвития и еще нужно это присыпать удачей и везением. Очень важно в нужный момент оказаться в нужном месте. Надо пробовать и не бояться, тогда действительно можно достичь успеха. Но талант тоже должен быть. Иногда видишь людей, которые так стараются, у них получается средний результат, хороший, профессиональный, но не хватило таланта, нестандартного решения. Но я обожаю людей, которые трудятся, я люблюсь ими. Для меня пример – Рустам Нурғалиевич Минниханов. Он встает ни свет ни заря, уже что-то сделал, уже выложил это в интернет. Когда я брала у него интервью, я спросила, как ему удается быть в пять утра на работе, прилетев накануне в полночь из какой-то поездки. А он у меня спрашивает: «А разве вы в это время спите?» Мне даже как-то неловко стало. Моя бабушка ровно такой же вопрос мне обычно задает, она тоже очень активная, многое успевает. Ей 82 года, она встает в пять утра, печет, три раза в неделю делает генеральную уборку(!). Она добилась огромных успехов в своей профессии – она очень востребованный ветеринар. Это же гениальные

люди! Практически роботы, настроенные на работу. Вот, это успех. Они для меня – пример. Если взять эстраду, это Гузель Уразова, она пашет, как лошадь. Поэтому я знаю, что получаю результат только потому, что работаю и пашу. А критики пусть успокоятся. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

Все свои деньги я зарабатываю сама, тяжелым трудом, работая круглые сутки, ночуя в аэропортах, пишу сценарии во время перелетов. У меня нет такого, чтобы просить денег у мужа. Он мне иногда задает вопрос: «Зачем ты туда едешь? Тебе нужны деньги? Я тебе дам». Видимо, это моя особенность – я работаю, как заведенная, не могу остановиться.

– А ребенок как же?

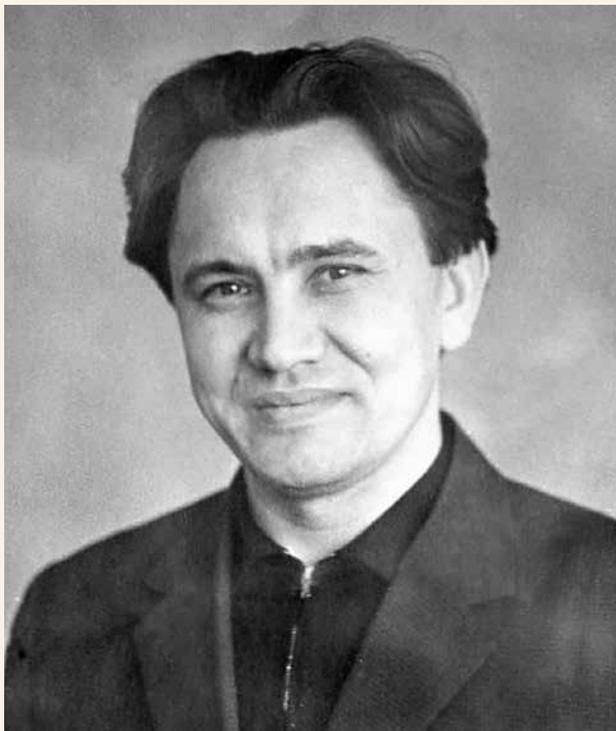
– Это моя самая слабая струнка. Я жалею, что не могу посвятить себя полностью своему ребенку. Я раньше считала, что женщина может успевать по всем аспектам своей жизни, совмещать материнство и карьеру, делать это одинаково хорошо. Но теперь понимаю, что какая-то область остается обделенной. Слава богу, у меня муж, который меня понимает и поддерживает, он не гнушается предложить мне ужин после тяжелого рабочего дня. У меня есть мама, которая ушла с работы, чтобы воспитывать внуков. Она всю себя посвятила своему мужу и своим детям, теперь точно так же она воспитывает моего сына, и я в сыне вижу свои черты – достигаторство, стремление сделать все на «пять». Мне даже приходится его немного расслаблять в этом отношении. Но, видимо, это гены. Потому что мы с сестрой Айсылу выросли в одной семье, но к жизни относимся по-разному. Я всего добиваюсь тяжелым трудом, а она живет легко, и ей все удается. Это просто природа. ■

МНЕ НАДОЛГО
ЗАПОМНИТСЯ ЭТА
ФОТОСЕССИЯ. Я
БЫЛА В РОСКОШНОМ
КОСТЮМЕ, ЭТО БЫЛА
НЕСТАНДАРТНАЯ
СЪЕМКА, Я
ПОЧУВСТВОВАЛА
СЕБЯ ПО-ДРУГОМУ,
МЕНЯ ЭТО
ВДОХНОВИЛО.

Электронная версия журнала «Делать правильно» является интеллектуальной собственностью ООО «Делать правильно». Любое тиражирование, копирование, перевод, распространение, а также использование в любой форме без согласия ООО «Делать правильно» является нарушением авторских прав ООО «Делать правильно» и Пользовательского соглашения с ООО «Делать правильно».

► **Васил Гарифуллин,**
доктор филологических наук, профессор Казанского
(Приволжского) федерального университета,
заслуженный деятель науки РТ

Он возглавлял отделение журналистики КГУ более тридцати лет и стал наставником многих поколений мастеров пера. В 1986 году к 100-летию со дня рождения Габдуллы Тукая была издана его книга «Тукай – журналист». В этом фундаментальном труде поэт предстает в новой ипостаси. Книга стала вершиной научно-педагогической деятельности Флорида Агзамова. А на пути к этой вершине пришлось пройти через большие испытания.

ФЛОРИД АГЗАМОВ: «Второй Тукай из меня не получился...»

Он родился 11 февраля 1936 года в деревне Бикметово Чекмагушевского района Башкирии. Пройдут годы, и название его родной деревни станет одним из псевдонимов журналиста Агзамова. Отца он почти не помнил. В самые первые дни войны работавший председателем колхоза Имамахмет Агзамов ушел на фронт и не вернулся. Юному Флориду пришлось испытать все тяготы, голод и холод деревни военной поры. Даже свой небольшой рост Флорид Имамахметович полушутя объяснял голодным детством. Однако это не помешало ему окончить школу с золотой медалью. Мечтал он о поэтической стезе, ибо очень любил поэзию: татарскую, русскую, мировую. Флорид был влюблен в творчество Габдуллы Тукая. Поэтические произведения своего кумира он знал наизусть. Односельчане вспоминают, как в холодном деревенском клубе они часами наслаждались, слушая поэмы Тукая в исполнении маленького Флорида. Читал он землякам и стихи собственного сочинения.

Большое стремление стать похожим на Тукая привело Флорида в Мекку татарского народа – город Казань. Поступить на историко-филологический факультет легендарного Казанского университета удалось с первой попытки. Однако и здесь его ожидали будни голодного студента послевоенной поры. Приходилось совмещать учебу с тяжелым физическим трудом, Флорид вместе с однокашниками частенько разгружал по ночам вагоны. Много лет спустя он не переставал удивляться тому, как эти парни и девчата, а среди них были и фронтовики в

Руководители газеты «Социалистик Татарстан». 1971 г.

солдатских гимнастерках, упорно вгрызались в науку. Да и учителя-наставники были непростыми, большими личностями на небосклоне татарской общественной, научной и литературной жизни: Якуб Агишев, Латиф Заляй, Хатип Усманов, Ибрагим Нуруллин, Диляра Тумашева, Мирфатих Закиев... Из их рук достойно приняло эстафету поколение Агзамовых, они и составили костяк татарской интеллигенции во второй половине прошлого века.

В те годы в университете не было отделения журналистики, а наиболее одаренных студентов из числа филологов направляли на работу в редакции газет и журналов. Партия определила Агзамова, успешно окончившего университет в 1959 году, в редакцию пестречинской районной газеты. С этого времени весь его жизненный путь был накрепко связан с журналистикой.

«Мне не суждено было стать вторым Тукаем», – шутил позже Флорид Имамахметович, вспоминая первые самостоятельные шаги. Талантливого работника пера заметили быстро – не прошло и года, как он стал сотрудником одного из ведущих изданий республики – газеты «Совет Татарстаны» (позже «Социалистик Татарстан»). Вскоре он стал заведовать здесь отделом литературы и искусства.

С особым упоением рассказывал он позже своим ученикам об этом периоде жизни. Ведь приходилось находиться в самом центре культурной и литературной

жизни Татарстана. Общался он тогда со многими известными личностями в области литературы и искусства – поэтами и писателями, композиторами и певцами. Частенько писал рецензии к новым творческим работам именитых авторов, многие из которых ныне считаются классиками. Организовывал Агзамов круглые столы, заседания редколлегии по актуальным проблемам культуры, выступал с докладами в писательской среде.

Многому научил молодого газетчика и главный редактор, легендарная личность в журналистике Шамси Хабибуллович Хамматов, заместителем которого и стал вскоре Флорид Агзамов.

Крутой поворот в его жизни случился в 1968 году. С подачи члена обкома Хамматова его направляют в Москву, в аспирантуру Академии общественных наук. После ее окончания в 1972 году Агзамову поручено возглавить отделение журналистики КГУ. И более тридцати лет он успешно работал на этом поприще. Основанный Флоридом Агзамовым факультет журналистики стал известным центром исследований по теории и истории региональной и национальной журналистики, а сформировавшаяся под его руководством казанская школа журналистики прославилась на всю страну. Большой вклад он внес и в подготовку национальных кадров. Его воспитанники Марсель Галеев, Набира Гиматдинова, Вахит Имамов стали лауреатами Государственной премии имени Габдуллы Тукая. Большинство республиканских газет и журналов на татарском языке успешно возглавляют сегодня его ученики.

Имея большой опыт журналистской работы, Агзамов требовал и от других коллег наличия постоянной журналистской практики. В учебном процессе на отделении

Встреча с писателями в редакции газеты. 1967 г.

журналистики гармонично сочетались теория и практика, была налажена тесная связь с работодателями. Впервые в стране Флорид Имамахметович смог добиться того, что в учебные планы и расписание занятий на отделении журналистики дополнительно к летней производственной практике была введена регулярная внутрисеместровая работа в редакциях. И сегодня в Казанском федеральном университете мы стараемся не терять эту важную составляющую подготовки будущих журналистов.

«Мы должны быть “играющими тренерами”», – постоянно твердил Флорид Агзамов и показывал пример. С его легкой руки организованная для студенческой практики учебная газета «Магрифат» превратилась в общереспубликанское издание, набрав двадцатитысячный тираж. В 90-е годы фельетоны Агзамова, опубликованные под псевдонимом «Бикмэтле», стали популярными среди читателей этой газеты. До самого конца своей жизни он состоял в редколлегии журнала

«Татарстан» и был его штатным сотрудником. Агзамов много лет был членом учебно-методической ассоциации по журналистике министерства образования страны, был членом президиума Союза журналистов РТ, председателем комиссии по работе с молодыми журналистами. Он принимал активное участие в деятельности Академии наук Татарстана, четверть века был незаменимым составителем настенных календарей на татарском языке, признанным переводчиком в области общественно-политической литературы. В 1982 году за плодотворную переводческую деятельность он стал лауреатом республиканской журналистской премии имени Хусаина Ямашева. В 2004 году был отмечен гран-при республиканского конкурса журналистов «Бэллур калэм – Хрустальное перо». Стал заслуженным преподавателем Казанского университета.

ОН И САМ БЫЛ ГУМАНИСТОМ

Флорид Имамахметович вел плодотворную научно-исследовательскую работу в области теории журналистики. Издал целый ряд книг исследований по одному из важнейших принципов журналистики – гуманизму, изучению журналистского наследия классиков татарской литературы, анализу состояния современной татарской журналистики.

Монографическое исследование Флорида Агзамова «Гуманизм советской журналистики» посвящено функционированию этого важнейшего принципа журналистики в нашей стране в период верховенства коммунистической идеологии. Естественно, оно написано в идеологических рамках той эпохи. Вместе с тем основная мысль книги заключается в том, что в любые, даже самые трудные периоды развития общества основной задачей журналистики неизменно остается бережное отношение к общечеловеческим ценностям. Одной из центральных идей, пронизывающих данное исследование, является мысль о том, что гуманизм является идеей по своему общественному содержанию, может быть, важнейшей из великих идей, выдвинутых человечеством на протяжении многих тысячелетий его истории.

Флорид Агзамов неоднократно подчеркивал, что одним из основных принципов в деятельности журналиста является принцип «Не навреди!». Автор предостерегает

Агзамов и профессор Диляра Тумашева

Агзамов и К.Петров со студентами. 1980 г.

мастеров пера от агрессивного вторжения в личную жизнь человека, оскорбления его личного достоинства. «Любить человека!» – так с восклицательным знаком он сформировал гражданскую и творческую позицию многих журналистов советского периода.

Монографический труд «Журналистское исследование активности личности», изданный в Казанском университете в 1989 году, уже в пору перестройки, посвящен анализу роли журналистики в повышении роли отдельного человека, личности в быту, производстве, общественной жизни. В это время девиз о «повышении роли человеческого фактора» был на устах у многих. Но зачастую он так и оставался пустым призывом, не подкрепленным конкретными действиями. Агзамов же в своей книге сумел объяснить, под влиянием каких условий этот самый человеческий фактор может проявить себя. В первую очередь, ученый исследует участие журналистики в улучшении условий труда и быта людей в контексте социальной программы достижения единства индивида и общества. Необходимо учитывать, насколько производство соответствует требованиям эргономики, целью которой должно быть повышение привлекательности этого труда.

Эти идеи являются особенно актуальными в наши дни, в период информационных войн, разрушающих представление человека о справедливости, гуманности, человеколюбию.

В другой своей книге под названием «В центре внимания – человек» Флорид Агзамов на примере деятельности татарских журналистов-очеркистов Гарифа Ахунова, Марселя Зарипова, Мадины Маликовой, Ильдара Низамова, Равиля Валиева и других мастеров пера раскрывает проявление принципа гуманизма в журналистской практике. Из книги видно, насколько эмоционально авторы очерков сопереживают радости и горю своих героев, насколько активно они живут интересами своих читателей, своих героев.

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ – ЧЕЛОВЕК

Такими же словами можно было бы определить и кредо жизни Флорида Агзамова. В центре его внимания всегда был человек, а как педагога, в первую очередь, студент. Он активно внедрял в жизнь практику индивидуального, лично-ориентированного подхода к обучению студентов-журналистов. В основе этого подхода лежат общие гуманистические традиции в образовании, заложенные величайшими классиками педагогики. При этом на вершину образовательного процесса выдвигается личность, обучение превращается в диалог и сотворчество педагога-профессионала, мастера своего дела со своим учеником.

Он не только знал всех студентов по имени, а знал черты характера каждого, постоянно интересовался их проблемами, находил возможность регулярно общаться со студентами вне учебы, отслеживал жизнь и творчество многих своих выпускников, подправлял, наставлял. И с коллегами любил общаться неформально. Самые вкусные пироги для такого общения по различным праздничным поводам готовил именно Флорид ага. Будучи сам интереснейшей личностью, он умел ценить в людях их достоинства и положительные личностные качества.

ОТКРЫЛ В ТУКАЕ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПУБЛИЦИСТА

Одной из важнейших задач кафедры татарской журналистики Флорид Агзамов считал изучение богатой истории татарской журналистики. Его сильно огорчал тот факт, что при богатейшей системе периодической печати народов Советского Союза в исторической и журналистской науке имеются скудные сведения об изданиях на татарском языке. Наследие было почти предано забвению в годы верховенства коммунистической идеологии. Более менее исследованной со стороны ученых-историков и филологов была газета на татарском языке «Урал», издание большевиков, редактором которой был известный

революционер Хусаин Ямашев. Но не эта газета определяла общественную мысль татарского народа в начале XX века, а те издания, к выпуску которых был причастен Габдулла Тукай. Именно он играл особую, чуть ли не организующую роль в становлении национальной журналистики. Раскрытию роли и места этой уникальной фигуры в татарской журналистике и посвящена монография Флорида Агзамова «Тукай – журналист».

Исследуя архивные документы, Агзамов добрался до корней журналистского мастерства Тукая. Творчество Тукая можно без преувеличения назвать энциклопедией национальной жизни начала XX века. Пожалуй, не было такой области в общественной, политической и культурной жизни того времени, где бы не чувствовалось влияние этого великого публициста. Деятельность выпускаемых на татарском языке в Уральске и Казани газет и журналов была тесно связана с именем Тукая. С 1904 года, когда в рукописном журнале «Әл-гаср әл-жәдид» («Век просвещения») появились первые его произведения, и по 1913 год, когда жестокая болезнь унесла жизнь поэта, им создано множество фельетонов, памфлетов и публицистических статей. «Главная магистраль творчества Тукая-публициста – проблемы, связанные с судьбой народа, раздумья о путях прогресса во всех областях жизни, поддержка любого ростка нового», – пишет автор.

ТУКАЙ – ТЕОРЕТИК ЖУРНАЛИСТИКИ И ФОЛЬКЛОРИСТ

В монографии «Тукай – журналист» в качестве целостной системы представлены взгляды классика по отношению к теории журналистики. Удивительно, что многие современные проблемы, касающиеся истории национальной периодической печати, функций и задач журналистики, ее основополагающих принципов, проблемы авторского права, учредительства изданий, теории перевода, были подняты в произведениях Тукая. В его работах можно найти характеристику всех основных изданий начала XX века, а также ведущих журналистов-публицистов того времени. А на вопрос, каким

С супругой Раей Харисовной и сыном Артуром

должен быть настоящий журналист современности, по словам Агзамова, мы находим ответ в произведениях Тукая, посвященных Хусаину Ямашеву.

Специальный раздел книги посвящен изучению роли фольклора в публицистическом творчестве Тукая. По утверждению Флорида Агзамова, именно в фольклоре Тукай находит корни самого гуманного подхода к решению всех насущных проблем.

Теория перевода, разработанная Тукаем, является актуальной и сегодня. При переводе с другого языка прежде всего должны учитываться традиции, обычаи и менталитет народа. К примеру, в одном из фельетонов он едко высмеивает Сагита Рамиева за то, что тот пытался перевести имя Льва Толстого на татарский как «Арыслан Юан», обвиняя Рамиева в псевдонационализме. Будучи известным переводчиком, Агзамов частенько использовал в своей практике рекомендации Тукая. По отношению к плохим переводным текстам он использовал излюбленное выражение Тукая «Чыктым аркылы купер» (дословная калька выражения «Перешел через мост», в татарском языке иной порядок слов – прим. ред.).

Особое место в книге Агзамова занимает исследование жанрового своеобразия тукаевской публицистики. Он приходит к выводу о том, что именно Тукаем впервые были введены в оборот многие из жанровых форм татарской журналистики. Некоторые традиционные жанры журналистики, например, заметка, используются Тукаем в пародийной форме в его постоянной рубрике «Телеграммы» в журнале «Уклар». Впервые в татарской

журналистике с подачи Тукая появились такие жанровые формы публицистики, как путевой очерк, стихотворный фельетон и памфлет. А вот программная статья «Умерла ли наша нация или она лишь спит» является блестящим образцом аргументации в публицистике.

Как отмечает Флорид Агзамов, Габдулла Тукай был настоящим мастером полемики. Полемизировал он с оппонентами из лагеря эсеров, националистов, кадетов, пантюркистов и панисламистов, выдвигая в качестве важнейшего своего идеала служение интересам простого народа. Тукай большую роль в своем творчестве отводил критике. Агзамов отмечает: «Тукай в своей публицистике, как и в прочем поэтическом творчестве, заговорил критическим словом. Его первые же произведения способствовали развитию сатиры в татарской журналистике». Его никогда не покидала мысль о необходимости продолжать традиции национальной сатирической печати, без которой он не мог представить развитие своего творчества и вообще татарской литературы. Он фактически редактирует сатирические журналы «Яшен» («Молния»), «Ялт-йолт» («Зарница»), на страницах которых в полной мере и раскрывается его талант как сатирика и обличителя.

Перечитывая Тукая, Флорид Агзамов поминутно удивляется не только мастерству его публицистики, но и непреходящей созвучности современности его взглядов и мыслей.

Таким образом, Флорид Агзамов впервые так ярко и выпукло, научно обоснованно раскрыл, насколько Тукай был блистательным публицистом, яростным и беспощадным полемистом, тонким критиком и терпеливым, мудрым воспитателем.

Решение некоторых задач, поставленных Агзамовым перед своими последователями, мы найдем в большом академическом издании, подготовленном к 130-летию поэта Институтом языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, – «Энциклопедии Тукая». К слову, в свое время Флорид Агзамов был членом рабочей группы, стоявшей у истоков подготовки этой энциклопедии.

Не будет большим преувеличением, если скажу, что в лице нашего наставника, великолепного ученого, педагога и журналиста Флорида Агзамова татарский народ приобрел такого оригинального исследователя, который смог возвести Тукая на новую высоту. ■

► Роман Баканов

ТРАДИЦИЯ, ЗАЛОЖЕННАЯ В ПЯТНИЦУ, 13-го

В то время я был аспирантом первого года обучения, часто ездил на конференции, собирая материал для написания кандидатской диссертации. Мне очень нравилось, как принимают гостей в СПбГУ, где каждую весну проходят и молодежная, и взрослая научные конференции. «А мы чем хуже? Почему бы не собрать людей у нас?» – думал я тогда. Действительно, Москва, Питер, Воронеж, Томск постоянно организовывали что-то свое, их ребята иногда выступали едва ли не на равных с маститыми учеными. Кроме пропаганды науки, мне хотелось решить и прагматическую задачу: принять коллег в Казани и показать им свой город.

Пошел я к завкафедрой журналистики Светлане Шайхитдиновой и декану факультета Василу Гарифулину делиться идеей. Они со мной согласились, сказав что-то вроде: «Раз хочешь больше работать – работай!» А что мне еще надо было, кроме одобрения? Ничего!

Первым делом озаботился датой проведения конференции. Москва и Питер проводили ее весной, воронежский журфак приглашал к себе молодежь в последние дни октября. Летом никто не приедет, в декабре сессия. Совместно с кафедрой решили провести мероприятие (неизвестно, получится ли оно еще) в ноябре, чуть раньше официальных празднований юбилея

Уже пятнадцать лет подряд в Высшей школе журналистики и медиакоммуникаций Казанского университета проводится международная научно-практическая конференция «Информационное поле современной России: практики и эффекты». Началось все в 2004 году.

университета. Какой мы по счету факультет в КГУ? Тринадцатый. Вот и славно: проведем научный форум 13 ноября в пятницу. Первые минуты одолевали мистические подозрения, но потом понял: для чего мы нужны, как не для того, чтобы опровергать суеверия?

А название? Чем мы будем отличаться? Придумать его было сложнее административных дел. Перебрали много вариантов, но они не подходили. Мы хотели объединить и печать, и радио, и телевидение. Искали... Помню, сижу в кабинете завкафедрой, обсуждаем с ней задачи конференции. Вдруг входит декан факультета Васил Гарифулин и говорит:

– Мысль пришла. Пишите: «Информационное поле России: практики и эффекты».

Записали. Хорошее название. Добавили к нему слово «современной» (перед Россией) – стало, на мой взгляд, отличное.

Взял себе в помощники таких же аспирантов, как я. Начали работу: определение тематики секций, составление информационного письма, выяснение электронных адресов потенциальных участников конференции... Выходов на коллег, скажу прямо, было немного. Параллельно обдумывали культурную программу для гостей.

В итоге к нам приехало... всего три человека. Две девушки и парень – аспиранты, делающие первые шаги в исследовании журналистики. Мария Аникина (МГУ им. М.В. Ломоносова), Ольга Чеботарева (Волгоградский госуниверситет) и Дмитрий Туленков (Саратовский госуниверситет) провели в Казани несколько дней, причем за свой счет. Первую конференцию и назвать таковой нельзя: мы собрались на кафедре журналистики на 13-м этаже, в аудитории 1309 2-го корпуса, пили чай с печеньем, делали доклады, обсуждали их. Нас было человек восемь. Завкафедрой журналистики Светлана Шайхитдинова

слушала выступление каждого, хвалила, уточняла, критиковала, предлагала идеи по продолжению исследований... Под ее руководством получилось не заседание научного кружка, а общение коллег. Сначала деловое, затем уже дружеское. Уверен, каждый тогда получил дельные советы по работе над будущей диссертацией. Вся наша «конференция» уложилась часа в три. Но инициативу решили продолжить на следующий год.

Учли ошибки первого «блина» и взялись за работу еще зимой, как только переехали в новое здание, расположенное во дворе главного корпуса университета. В ноябре 2005 года к нам приехали уже больше десяти человек из девяти городов страны, пришли казанские авторы, среди которых были доценты и профессора. Небольшая кафедра журналистики едва вместила всех желающих! Зато круглый стол получился насыщенным. Мы почти до вечера слушали друг друга, обсуждали качество исследований, спорили, опровергали, выявляли, искали... А потом устроили общую экскурсию – прогулку по историческому центру Казани с посиделками в кафе и песнями под гитару. Неформальное общение в итоге получилось длиннее научного.

С тех пор с каждым годом растет число участников нашей конференции. Теперь есть и пленарка, и сборник научных статей, который выпускается ко дню начала конференции (нынче он аж в двух томах получился), и своя эмблема.

В 2008 году в книге впервые были опубликованы статьи ученых из университетов стран ближнего зарубежья, а конференция приобрела статус международной. За 14 лет ее проведения участниками научного форума стали более 1200 человек – студенты, аспиранты, ассистенты, доценты и профессора отделений и факультетов журналистики из 47 вузов России, а также стран ближнего (Украина, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан) и дальнего (Венгрия, Финляндия, Словения, КНР и Канада) зарубежья. Приходят к нам и творческие работники редакций разного уровня.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ – ТРИ ЧАСА

Помимо знакомства с результатами научных исследований коллег, площадки для профессиональной дискуссии, секционные заседания конференции – это школа мастерства будущего ученого для студентов и аспирантов. Каждое выступление тщательно обсуждается коллегами,

ребята получают ценные советы от известных в своей области ученых и журналистов-практиков.

У конференции есть друзья. Мария Аникина из Москвы, Григорий Ваку из Чебоксар и другие. С некоторыми мы дружим домами и семьями. Илья Стечкин из МГУ им. М.В. Ломоносова в последние годы регулярно приезжает с семьей. Его дочь Анна с малых лет приобщается к науке.

За девять лет можно вспомнить много забавных случаев, произошедших с участниками конференции. Вот один, наверное, самый необычный. За день до начала, по-моему, четвертого научного форума, без пяти одиннадцать вечера заиграл мой мобильный. Смотрю, звонит Стечкин, который уже час как должен был с коллегой трястись в вагоне «Татарстана» в сторону Казани. Снимаю трубку, волнуясь: неужели они до сих пор в Москве?

Так и есть: опоздали на поезд, а на другие в сторону столицы Татарстана билетов нет. Ребята не унывают:

– Отправляемся на метро к МКАДу, там автобусом или на попутке. В Казани будем днем. Автостопом. Ты жди! – прокричал мне Илья.

Но ребят не было ни днем, ни вечером. Их мобильные были выключены или не отвечали.

И вот около 19.30 звонит Стечкин. Оказывается, они застряли где-то под Чебоксарами, бесплатных машин в нашу сторону нет уже часов пять. Парни дошли до милицейского поста, решили отдохнуть. Стало темно, моросил дождь.

– Может, сами приедете за нами? – предложение было одновременно вызывающим и тестирующим меня на профпригодность как организатора конференции.

Позвонил я коллеге Антону Анохину, аспиранту кафедры теории и практики электронных СМИ. Спасибо ему, не отказал.

Прыгнули мы в его «Форд-фокус» и поехали в Чувашию. Под Чебоксарами долго искали наших автостопщиков. Ночь, переходящий в снег дождь, карты у нас не было. Местность никто не знал. Выручили сотовые, по которым, как по навигаторам, мы и добрались до милицейского пункта «Лавсалы». Оказалось, что оттуда до Чебоксар – всего пара километров. А сколько мы плутали!

В общежитие Казанского университета гости были доставлены около трех утра. А через несколько часов

они уже выступали перед полной студенческой аудиторией.

На обратном пути коллеги снова чуть не опоздали на поезд: приехали менее чем за минуту до его отправления...

История конференции «Информационное поле современной России: практики и эффекты» еще очень коротка. Но в ней уже есть необычные поступки, волнения, удивления. Самое главное то, что со многими участками кафедры поддерживает научные и дружеские связи. Многие участники конференции ранее были студентами, аспирантами, а сейчас они уже защитились, преподают в вузах, работают в журналистике и исследуют ее.

Пятнадцать лет назад я мечтал хорошо провести конференцию как одно из мероприятий к 200-летию КГУ. Теперь хочу, чтобы она сохранилась как традиция кафедры национальных и глобальных медиа и всей Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций. Ведь конференция – дело, которому я отдал четверть своей жизни... ■

► Айсылу Хафизова

НАСУР ЮРУШБАЕВ.

ДЖАЛИЛЕВЦЕВ казнили за подрыв всемогущего Рейха!

В декабре автор сдает сценарий игрового полнометражного фильма под рабочим названием «В чем подвиг твой, Муса?» на утверждение в Министерство культуры РТ. Проект должен быть сдан в конце августа 2010 года.

Выпускник журфака КГУ 1989 года сегодня – известный свободный журналист, режиссер, сценарист, оператор, который ведет свою деятельность в Германии и России. Поводом для нашего разговора послужил новый проект фильма о татарском поэте Мусе Джалиле и его соратниках. Мы встретились в дни, когда Насур работал над сценарием фильма, проводя много времени в казанских библиотеках, успев собрать огромное количество сенсационных фактов из архивов Германии и России о героях-соотечественниках. Проект поддержан министром культуры РТ и будет реализован в 2019 году.

– Как и почему вы, деревенский парень, оказались в Германии?

– Вы знаете, я уже достаточно давно живу в Германии, хотя сам с Урала, из Барды, родины публициста Хусаина Ямашева, деда Габдуллы Тукая, популярной певицы Гузель Уразовой. Так получилось, что однажды я спас одну немку на первом курсе, при этом я даже не знал, что она немка. Однажды, в 1984-м году, я шел по улице Аделя Кутуя со своим другом, Сашей Долгуроковым, была глубокая осень, гололед, и впереди нас шли две девушки. Вдруг одна из них резко поскользнулась и шлепнулась ногами кверху, прямо как Чарли Чаплин. И я, как настоящий джентльмен, помог ей подняться, она поблагодарила меня и убежала с подружкой. Мы с Сашей вошли в общежитие и снова увидели их возле буфета, они разговаривали на немецком языке. Дальше так получилось, что мы с моими друзьями создали небольшую музыкальную группу, первый татарский инструментальный ансамбль, где я играл на трубе и гитаре, и она влюбилась в меня, это было взаимно. Начали встречаться, у нас все закрутилось, в итоге мы решили пожениться. Мы хорошо знали друг друга, она рассказывала, как попала на учебу в наш университет. Их

НАСУР АНДАРОВИЧ ЮРУШБАЕВ

родился 20 августа 1961 года в деревне Бакча-Аул Пермской области. Мама – татарка, отец – гайнинский казак, башкир. Учился в Бардымской средней школе, затем в сельскохозяйственном техникуме. Служил в армии на китайской границе, на Дальнем Востоке. После работал корреспондентом районной газеты, строителем, поваром в бригаде лесорубов. В 1984–1989 гг. окончил журфак Казанского университета. Женится, в 1989 году уехал в Германию. В 2018 году вернулся на постоянное жительство в Россию.

готовили серьезно, почти как разведчиков – отбирали лучших, отправляли в специальный лагерь, где обучали пить водку и материться(!). Поэтому она говорила по-русски хорошо. Когда мы женились, моим условием было то, что мы останемся здесь, в Казани, ведь я деревенский парень с ног до головы, не могу без коней, полей, грибов, я и в Москве-то не

был никогда, нечего говорить о Германии. Она согласилась. В 1987 году мы поженились, у нас была безалкогольная «комсомольская свадьба» в ресторане «Нарат» на Лебяжье, сейчас он уже сгорел. Поскольку я был на два курса младше нее, я доучивался в университете, а она поехала рожать нашего первенца в Германию. Я оставался в нашем общежитии номер три на Аделя Кутуя – мы договаривались, что пойдем в аспирантуру, я – на журналиста, а она – на преподавателя немецкого. Когда родился наш сын Феликс, я поехал его навестить. Когда вернулся в Казань, узнал, что у нас будет второй ребенок. А когда родилась Марьям, я окончил университет и уехал в Германию за семьей.

– Почему вы все-таки уехали в Германию?

– Мой отъезд выпал на 1989 год, тогда случилась «революция» – развал СССР, падение Берлинской стены, перестройка, и когда я предложил семье вернуться уехать в Казань, как мы договаривались, жена и ее родители резко воспротивились, и мы остались жить там. Я работал и таксистом, и художником-оформителем, но потом мне стало совестно: на что мои родители потратили деньги? Мне стало безумно стыдно, я решил работать по своей специальности. Я ушел с работы, хотя начальник очень не хотел меня отпускать. Однажды встретил на улице трех телевизионщиков, проследил за ними, они зашли в здание саксонского телевидения. Я записал адрес и на следующий день пришел туда. Рассказал о себе и попросился к ним на работу. Секретарша, к моему счастью знавшая русский язык, спросила, что я умею. Я ответил, что все, сделаю, что нужно, также у меня есть водительские права, она обрадовалась этому. Тогда

их офис закрывался, работников сокращали, поэтому меня взяли на четыре недели волонтером. Мне даже дали куратора, который оказался поляком, он показывал мне каждую кнопку, а их было огромное количество, я все это записывал и сделал дома свой собственный макет камеры, чтобы было легче запомнить. Когда работники уходили на обед, я просил куратора закрыть меня в комнате с техникой, она была вся в моем распоряжении. Уже через две недели мне доверили камеру и отправили одного снимать сюжет, ведь я заменял сразу трех сотрудников. Так у меня получилось добиться больших успехов, и в 2002 году я начал снимать свои фильмы, то есть спустя четыре года после того, как пришел в телекомпанию. Сейчас я живу в Лейпциге и занимаюсь любимым делом.

**И вдруг облака
раздвинулись, и лучи
солнца упали прямо
на фотографии Мусы
Джалилия и Абдуллы
Алиша. Я так испугался,
что у меня пошли
мурашки, не поверил
своим глазам.**

– Фильм о Джалиле – не первый ваш игровой фильм?

– К этому моменту я уже снял больше двадцати фильмов, большинство из них документальные. В 2017-м году состоялся мой дебют в игровом фильме «Отчий дом» (фильм «Нигез йорт» стал лауреатом Международного фестиваля «Мы вместе» в Турции – прим. ред.). С этим фильмом связана не очень приятная история, где со мной некрасиво поступили. Видите ли, чтобы снять хороший фильм, нужно иметь не только хороший сценарий, но и хорошую команду, это очень важно. В основу фильма «Отчий дом» я положил историю своего родного дома. Однажды мне в Германию позвонила сестра и сказала, что дом стоит пустой, женщина, которая там жила, умерла, и теперь он продается. Я первым самолетом примчался из Германии, купил его спустя сорок лет. Той ночью я очень боялся там уснуть, боялся, что приснятся мои родители и будут упрекать, что меня так долго не

было. Взял первую попавшуюся книгу почитать и наткнулся на рассказ «Отчий дом». Читая, я уснул, а утром позвонил автору, моему университетскому преподавателю Галимжану Гильманову, и попросил разрешения инсценировать его, он был не против. Министерство культуры Татарстана выделило один миллион на воплощение проекта.

– Почему вы решили снять картину о татарском поэте-герое?

– Я заметил, что в его сторону начались нападки, изучил его историю, обошел места, где казнили Джалиля и его сторонников, и там произошло необычное событие. Когда в один из осенних дней я пришел в берлинскую тюрьму Плетцензее, там не было ни одного человека, ни одного туриста, облака висели прямо над землей, ничего не видно. И вдруг облака раздвинулись, и лучи солнца упали прямо на фотографии Мусы Джалилия и Абдуллы Алиша. Я даже испугался, что у меня пошли

мурашки, не поверил своим глазам. Я вышел, сел на ступеньку и закурил, хотя в таком месте этого делать нельзя. Вдруг передо мной оказались черные ботинки – охранник-немец. Спросил, кто такой, что тут делаю. Я представился, сказал, что татарин из России, приехал сюда навещать родственников, извинился, что курю – душа болит. А он сел рядом и тоже закурил (*смеется*). Немецкий охранник рассказал мне всю историю казни джалилцев, да еще с такими деталями, которые не вычитаешь ни в одной книге, ведь он работал там всю жизнь. И это подтолкнуло меня снять фильм о подвиге моих соплеменников. В июле 2018 года я написал письмо Президенту РТ, где сообщалось, что в следующем году исполняется 75 лет со дня казни джалилцев-курмашевцев, а через два года 75-летие Великой Победы, и я планирую снять фильм под рабочим названием «В чем подвиг твой, Муса?». Хочется совместными усилиями историков, специалистов из Казани, Москвы, Германии, Турции расставить все точки над *i*, ведь чего только не пишут о героях-подпольщиках, как только не издеваются. Министерство культуры РТ отнеслось к проекту положительно и попросило сценарий, и сейчас я работаю над этим, работа архисложная, но идет.

– А где вы пишете свой сценарий?

– В основном я сижу в Центральной библиотеке на Вишневского, иногда в библиотеке на Площади Свободы, иногда бываю в торгово-развлекательном центре в районе Парка Горького. Информации собралось много, непросто все скомпоновать. Работу усложняет и то, что многие данные противоречат друг другу. Трудно найти настоящую правду. Приходится очень тщательно изу-

чать все материалы... Стараюсь избежать ляпов – это же всемирно известные люди. Знаете, что было написано в приговоре немецкого имперского суда? Их казнили «за подрыв военной мощи Третьего Рейха»! Мне очень повезло в том, что я знаю немецкий и могу читать документы в оригинале. Такие сценарии пишутся по три года, но у меня мало времени, поэтому я словно включил вторую скорость. Также постоянно встречаюсь с историками, у меня есть научные руководители – джалиловеды: профессор Искандер Гилязов, директор Музея боевой славы в Кремле – Михаил Черепанов, писатель Рустам Гайнутдинов, аксакал Шахинур Мустафин, сотрудники музея Джалиля в Казани, а также некоторые политики.

– Кто в команде проекта?

– Пока что я собираю самых нужных – генерального продюсера, директора, специалиста по кастингу, художника-постановщика, и идут поиски актеров. Фильм будет очень большим, это большая ответственность, ведь его увидит огромное количество людей. Срок сдачи проекта – август 2020 года, к празднованию Дня Республики фильм должен быть готов. Работы очень много... Например, я хочу построить возле Казани декорацию польского лагеря Едлино, лагерь Вустрау, где содержались легионеры. Фильм будет сниматься в Татарстане, под Новгородом, в Польше, Германии. Основную часть будем снимать в Казани, в павильонах. Так будет дешевле.

– Кто финансирует проект, помимо Министерства культуры Татарстана?

– Из-за нынешних санкций с немцами очень сложно договориться, к тому же, чтобы снять у них фильм, нужно подать заявку на три-четыре года раньше, потому что это очень долгий процесс. Вся надежда на республику, и если повезет, то, возможно, поможет Москва.

– Вы занимаетесь общественной работой?

– Я много работаю, ищу и захожу могилы наших погибших, татар, башкир. В 1813 году один татарин воевал на стороне саксонцев – Юсуф сын Мустафы, – я нашел его могилу и ухаживаю за ней. Также нашел двадцать четыре могилы пленных татар, землю с которых я привез сюда и передал родственникам погибших. Одного я нашел даже 9 мая 2015

года, прямо в День Победы. Копаюсь в архивах, после долгих поисков, я, наконец, обнаружил первую татарскую печатную книгу, ее искали 400 лет. Я привез ее Всемирному конгрессу татар, сейчас копия у Минтимера Шаймиева. Он сказал, что в жизни получал много разных подарков, но этот – самый главный. Также я нашел 43 пластинки с татарскими голосами во время Первой мировой войны, тогда немцы выявляли самых талантливых пленников и заставляли их петь, рассказывать разные истории татар и башкир, считать до тысячи. Было мной найдено 38 чеканок наполеоновских времен, которые я тоже привез в Татарстан. В этом году министр иностранных дел России Сергей Лавров и министр иностранных дел Германии господин Маас в Берлине дали почетную грамоту моему проекту, памятнику Дружбы народов, который установили в прошлом году в уральском Лейпциге.

На этом я не остановился: пришел в немецкую гимназию в Лейпциге, отобрал 40 учеников и попросил написать сочинение о том, что для них счастье, а потом поехал в уральский Лейпциг, одноименную казацкую станицу, и поступил так же.

Когда все было готово, я собрал все 80 сочинений в одну книгу, немецкие сочинения перевели на русский, а русские на немецкий. Хочу повторить такой же проект в Татарстане.

Недавно я приехал в свою деревню Бакча-Аул на Урале к родственникам и между делом за чашкой чая они сказали, что будут разбирать старые деревянные ворота. Ворота такие красивые, старинные, и я захотел их забрать себе. Родственники не понимали, зачем они мне, но после долгих уговоров отдали. На следующий день я пошел к мулле Хаджи Назиру Кучукову и рассказал о своем плане поставить ворота на въезде в деревню. Он был в восторге от моей идеи. Дело в том,

что в давние времена на въезде и выезде татарской деревни всегда ставили ворота. Да и не только в татарских деревнях. Ворота были везде: в Москве, Париже, Берлине, по всему миру. Считалось, что на них сидели невидимые ангелы, которые охраняют покой и счастье деревни. Свои ворота я покрасил в красивый зеленый цвет. Общими усилиями мы поставили эти ворота за три дня, и написали на них: «Ворота счастья». Одну часть ворот, маленькую, я специально оставил открытыми. Сейчас возле ворот посадили кусты сирени, через них проходят молодожены, приезжают фотографироваться татарские актеры, вешают разноцветные ленты, просят о счастье. Проект называется «Открытые ворота России. Возрождение». В Татарстане уже открыли несколько таких ворот, например, на границе с Ульяновской областью, также они есть в Челябинской области. В моем районе планируют открывать сразу в трех деревнях: Каен-авыл, Тубэнавыл, Эржэн. Вначале все думали, что я сошел с ума, а потом идея пошла в народ. Это наше корневое.

Проектов много, обо всем и не расскажешь. Дай Бог здоровья, хороших друзей, единомышленников, мира на земле, и все получится. ■

► Роман Баканов

От станции «СВЯЖСК» до пристани «МАЕВКА»

Помимо учебы, других разных внеаудиторных занятий (концерты, соревнования, собрания) студенты журфака Казанского университета любят путешествовать по Волге. Это им удастся как минимум дважды в год. И дело тут, думаю, не столько в тяге к матушке-природе, сколько в удовлетворении потребности пообщаться друг с другом в нерабочее время.

МАЙ, ДЕНЬ ПЕЧАТИ, СКОРО СЕССИЯ

«Когда поедem на маевку?» Этот вопрос у нас начинают задавать в начале февраля. Ответ «видимо, в мае» мало кого устраивает. Понимаю я этих ребят: длинные пары, скучные учебники, бесконечная редакционная практика заставляют мечтать. Мечтать о лете или хотя бы о предсессионных днях, когда уже тепло, учиться не хочется, а до экзаменов еще есть время.

В рабочие будни не успеваешь оглянуться, как наступает пора зачетов. Май – сложный месяц и для студентов, и для преподавателей: контрольные, подведение итогов по дисциплинам, академические рейтинги, защиты дипломов... А тут еще и профессиональных праздников ряд: день выхода первого номера газеты «Правда» (5 мая), день радио (7 мая), день трансляции первой в мире телепередачи (9 мая), день татарстанской печати (19 мая). В общем, соблазнов-поводов для веселья хватает. Грех не отметить! Тем более что впереди месяц контроля знаний под страшным названием «сессия».

Первый массовый выезд на природу на журфаке Казанского университета состоялся в конце шестидесятых годов. Студенты и преподаватели садились в электричку, добирались до «семисотки», разбивали лагерь на лесной поляне. Устраивали различные конкурсы, играли в футбол, волейбол, шутили, веселились, пели под гитару. Со временем инициатива переросла в традицию. Поездки помогали лучше узнать друг друга, на время преодолеть дистанцию между студентом и преподавателем. Спросите выпускников 1970–1980-х годов: уверен, они до сих пор с теплотой вспоминают те дни.

Устраивали различные конкурсы, играли в футбол, волейбол, шутили, веселились, пели под гитару. Со временем инициатива переросла в традицию. Поездки помогали лучше узнать друг друга, на время преодолеть дистанцию между студентом и преподавателем.

В «лихие» девяностые традиция ушла. Кто-то ходил в походы, но массовые выезды были от случая к случаю, да и то по инициативе студентов. Раифа, Свяжск, Студенец, Нижний Услон – маршруты знакомые. Культурной программы не было – разбивали палатку, организовывали стол...

В середине 2000-х молодые преподаватели кафедры журналистики решили возродить традицию совместных со студентами поездок. Выбрали третье воскресенье мая: занятий нет, тепло, День печати Татарстана скоро. Думали над маршрутом, но оригинального ничего не нашли. Кинули по группам клич: «17 мая, 7.30, сбор в речном порту возле пригородных касс. Кому не спится – ждем!».

Первым пришел старший преподаватель кафедры журналистики Юрий Фролов – бессменный участник почти всех массовых студенческих журналистских выездов. Он принес раритет – флаг с изображением воробья и пословицей-назиданием: «Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь». Полотнище еще первую маевку помнит. За Фроловым пришло еще человек тридцать-сорок, включая в то время завкафедрой журналистики Светлану Шайхитдинову. Мы отправились на теплоходе в Печищи (Верхнеуслонский район), откуда днем после подвижных игр и походного обеда ушли на пляж Верхнего Услона. Искупавшись, позагорав, вдоволь напевшись под гитару, последним рейсом

мы вернулись в Казань. Все надеялись на продолжение, договаривались «сплавать куда-нибудь» тем же составом после сессии, но, как часто бывает у журналистов, так и не собрались.

ГИПС НА СЧАСТЬЕ

У студентов память хорошая. На следующий год в марте они мне заявили:

– Хотим на маевку!

Если так, то надо ехать. Дождавшись Дня печати Татарстана (19 мая), собрались инициативной группой (участие в маевке добровольное) – не более тридцати пяти человек. Речпорт, Волга, Печищи, горы, футбол. Программу решили разнообразить конкурсами, в которых преподаватели участвовали наряду со студентами. Вы давно играли в «испорченный телефон»? Похоже, именно для журналистов эта игра придумана. Можете пронести во рту ложку с яйцом метров так пятьдесят? Надо не просто не уронить яйцо, но и соперника победить. Ведение мяча по-баскетбольному только на первый взгляд

кажется легким: правый волжский берег крутой и, разогнавшись, вы рискуете пустить мяч по склонам прямо в реку и больше его не найти.

А этого вам никто не простит.

Наша маевка веселая, поэтому даже проигравшие всегда получают небольшие призы: карманный фонарик, свисток, яблоко, блокноты, ручки, брелоки. Важно весь день сохранять хорошее настроение. И флаг яркого цвета все с тем же актуальным напоминанием «Слово – не воробей...», который мы поднимаем, как только разбиваем лагерь, напоминает о том, что с грустью нам не по пути.

Да и какая может быть грусть, если начинается футбол? К примеру, для меня это – самая главная часть поездки. Играем мы все на любительском уровне, но какие страсти кипят на поле! Парней на журфаке всегда очень мало, поэтому берем в команды и девушек. С ними не просто веселее, они придают ножному мячу что-то новое. Что именно? Не могу сказать, просто чувствую это во время соревнования. Правила соблюдаем, но они иногда нарушаются...

– Футбол – возможность выплеснуть накопленные за неделю учебы эмоции, – сказал мне как-то спортивный организатор, и через полминуты забил гол вратарю-преподавателю.

Во время игры никто себя не жалеет. За несколько лет возрожденной маевки без различных повреждений не обходилось. Кому случайно по пальцу достанется, кому по ноге... Мы же не профессионалы, разминке должного внимания не уделяем. Эмоций много, обиды тоже случаются – все хотят победить. Самый серьезный случай: одному из студентов в порыве борьбы сильно травмировали левую ногу. Но он, несмотря на боль и просьбы зрителей уйти с поля, продолжил игру. Минут через пять ему (не нарочно, конечно) «сломали» и вторую ногу. Травма была настолько серьезной, что в Казани парню сделали три операции. С тех пор мы «страхуемся»: берем с собой жидкий гипс, который можно оперативно наложить на перелом. Покупая каждый раз накануне поездки, года три уже возим его с собой. Слава Богу, ни разу не пригодился. Похоже, нам продают счастливый гипс.

Как приятно после игры снова вернуться к походному столу! Спасибо девушкам – тем, кто и за футболом успевает следить, и обед из сумок доставать. Оставшееся время мы проводим за разговорами об учебе, жизни, концертах и т.д. Это часы искренности, единения «перваков» и старшекурсников, студентов и преподавателей, возможность лучше узнать друг друга.

Несколько последних лет место нашей маевки – поляна на горе рядом с населенным пунктом Рудник (Верхнеуслонский район). Выяснилось, что студентам нравится романтика речных путешествий. Теперь мы два часа добираемся на теплоходе, поднимаемся на гору. Вот где живописные места! Виды на остров

У студентов память хорошая. На следующий год в марте они мне заявили:
– Хотим на маевку!

Как приятно после игры снова вернуться к походному столу! Спасибо девушкам – тем, кто и за футболом успеваешь следить, и обед из сумок доставать.

Свияжск, город Зеленодольск, на горизонте – Чувашия. Потрясающе! Столько простора! И еще: случается, что из Казани нас провожает дождь. Но как только приезжаем на место, всегда проглядывает солнышко и теплеет. Святое место!

Так было и на маевке-2018, прямую трансляцию которой мы вели в социальных сетях и на YouTube. Журналисты мы или нет, в конце концов?

ЭТО МОЙ СВЯЖСК, А ЭТО – ТВОЙ

Еще одна традиция: в начале сентября везти первокурсников на посвящение в Свияжск. Даем молодым

неделю на адаптацию в университете и тоже воскресным утром собираем в речном порту. Стопроцентной явки не требуем – все добровольно. Обычно приходят человек 25–30.

В первые дни учебы не все еще друг друга знают (тем более студенты из разных групп), поэтому случаются забавные диалоги.

В этом году, как обычно, стою возле пригородных касс – встречаю студентов. Вижу знакомое лицо.

– Девушка, вы с ЖС? – спрашиваю (дело было несколько лет назад, когда мы учились и работали еще на факультете журналистики и социологии – сокращенно ЖС).

– Нет, я первокурсница, – отвечает она мне. – А кто нас в Свияжск повезет?

Посещение острова-града – это, в основном, самостоятельная экскурсия. Спасибо Юрию Фролову: он там знает каждый уголок и историю. Раньше он все нам показывал, «открывал» для нас остров. Теперь я сама могу экскурсию провести и провожу. Так же как и на маевке, время в Свияжске летит незаметно. Прибыв на место, после традиционного инструктажа начинаем осмотр достопримечательностей. На это уходит около полутора-двух часов.

Затем организуем походный стол, играем в футбол и волейбол, то есть почти все, как на маевке. Ребята даже аналогию придумали – «сентябровка». Также рассказываем студентам о профессии журналиста, требованиях, предъявляемых к корреспондентам в редакциях.

С нами ездит несколько старшекурсников. Гуляя по острову, мы с ними вспоминаем: в том году этого не было, два года назад было грязно, а теперь вот – бетонная дорога. Увы, многие старые дома снесли, заменив на новые – из красного кирпича. В сентябре 2011-го негде туристу было присесть, а сейчас есть целых два небольших парка и скамейки. Кто-то вспомнил столовую, которую в этом году закрыли, но открыли кафе «Буян» в здании, где магазин. Местный «город мастеров» понравился всем. Репортерский взгляд выявляет детали, складывая которые ребята создают

представление об острове в целом.

Вечером мы возвращаемся в Казань полные впечатлений об этом историческом месте. Уверен: каждый из нас может оперативно сделать путевой репортаж, в котором представит оригинальный, присущий только ему, взгляд на Свяжск.

«И ЧЁ Я ОПЯТЬ ПРОСНУЛАСЬ РАНО?»

Такой вопрос задала мне четверокурсница, прибывав в порт за три минуты до отправления теплохода на маевку. Действительно, для чего нам – студентам и преподавателям – надо

вставать чуть свет в воскресенье и куда-то ехать, несмотря на погоду?

Все просто. Именно на природе, а не в вузовской аудитории, мы знакомимся, лучше узнаем друг друга, себя, студентов, а студенты – преподавателей. Так уж у нас повелось, что студенты и их наставники очень быстро становятся коллегами и друзьями. Большая, дружная семья казанских журналистов формируется именно там, на Волге, где-то в районе Свяжска.

Когда следующая маевка, не подкажете? ■

Видеоролик в версии журнала «Идеаль» доступен для индивидуального пользования. Любое тиражирование, копирование, передача третьим лицам электронной версии (раздел VII ГК РФ) и Пользовательского соглашения сообщайте в редакцию.

Родился 17 июня 1980 года. Поэт, журналист, кандидат наук, доцент Казанского университета, редактор службы национального вещания ГТРК «Татарстан», член союзов писателей и журналистов РТ. Печатался в журналах «День и ночь», «Октябрь», «Дирижабль», «Идель», «Квадратное колесо» и др. Автор нескольких сборников стихов и научных монографий по истории русской журналистики.

Айрат Бик-Булатов

ИСТОРИИ ПРО МОЙ ГОРОД И ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ

ЗА БАЛЕТ!

Маленькая драма разыгралась на автобусной остановке «Яшьлек», по старому «Московский рынок». Автобус ждал девочку. Юную балерину. Было уже больше десяти часов вечера. Она опаздывала: репетиция затянулась. А на Московском — последний 36-й, едет практически за город, в Залесный. Тут вся её семья. Папка, лысый, но в кепке (то снимает, то надевает), худощавый моложавый мужчина лет под сорок. Рядом жена. И ещё одна дочка, младшая. Ждём. Полный салон (ну ладно, полсалона!) злых после работы граждан, среди них выделяются две-три женщины старой закалки.

- Да мы поедем или нет?
- Да что это такое? Мы устали, домой хотим!
- Это что, ваш личный транспорт?
- Ездите на такси!

Папаше крыть нечем. «Ну потерпите ещё минуту, пожалуйста!» Эх, думаю, пожалуются они на водителя! А водитель... водитель за семью! За балет! Наверное, «по правилам» он не прав.

Кино длится уже минут пять-семь. Я начал смотреть с той минуты, когда возбуждённый мужик с середины салона (где он пытался

уговорить кондуктора) побежал к водителю, нервно открыл окошечко и что-то прерывисто стал говорить. Я подумал: ну, бож какой-то, просит бесплатного проезда, иначе чего он умоляюще прикладывает пальцы к точке, где кончается шея и начинается грудь.

Стояние затянулось, родители были уже на улице — ждали автобус, который из центра города привезёт их дочку для пересадки. Толпа орала. А водитель был за балет! И я подумал тогда, что я тоже за балет, хотя пассажиры были, наверное, правы...

Водитель через створку двери, ведущую в его кабину, смотрит по электронному табло, где тот, другой автобус, который дочку везёт. Видит, через сколько доедут, что-то говорит родителям, утешает что ли? Они улыбаются. Отец периодически забегают в автобус, пытаются утихомирить волнующуюся толпу. У всех свой «балет», все устали и хотят домой...

Наконец, ещё с улицы крик матери: «Бегом!»

Ага! Приехала!

Забегает смущённая девушка... Волосы в пучок. На ногах чешки! Мама боится смотреть на толпу. «Убью тебя! Я сама буду разговаривать с вашим мастером! Что это такое? Надоели эти

спектакли... Как я устала!». Мама с работы. Мама отлично понимает толпу. Юная балерина стоит потупив голову. Папа улыбается! Папа обнимает её. «Да не расстраивайся, всё в порядке уже!». Водитель гонит.

ВАСЬКА ИЗ ДОМА БРЕНИНГОВ

Ольга Арнольдовна Бренинг незадолго до смерти категорически отказывалась покидать квартиру на втором этаже здания аптеки. «Здесь родилась — здесь и умру!». В Казани начинали строить метро, должны были вестись подземные работы. Ей предлагали переместиться в комнату гостиницы «Совет», ныне Шаляпин Палас Отель, а она отказывалась... «Ну, крыша же может упасть, несчастный случай, вы можете погибнуть!» «Ну, умру так умру», — отвечала со спокойной улыбкой. Так и не убедили. Взяли с неё бумагу, что полностью берёт на себя ответственность, претензий ни к кому не имеет... Так и померла...

Рудольф Арнольдович, её брат, большую часть времени проводил уже в другой квартире. Но приходил подкармливать кота Ваську, который никуда из квартиры не хотел деваться... Потом не стало и последнего из стариков Бренингов.

Наследницей стала племянница, педагог музыкального училища Татьяна Арнольдовна Бренинг.

Этот дом я запомню на всю жизнь, хотя был там однажды, ещё при жизни Рудольфа и Ольги Арнольдовичей, в 2002 году. Здесь не было ни одной, кажется, вещи, младше 1950-го года, а большая часть вещей — и вовсе дореволюционной поры. Время здесь словно остановилось! В доме не было случайных людей. Долго считались они семьёй врага народа. Их отец, замечательный учёный, выдающийся аптекарь, фотограф и краевед, друг академика Арбузова, буквально спасал своими запасами лекарств казанцев в годы гражданской войны. Помимо нескольких европейских языков он выучил татарский, чтобы обслуживать пациентов из

местных деревень. Арнольд Иванович Бренинг был назван врагом народа и расстрелян. Я видел его детей: они были живые хранители не только быта, но и духа, ритма жизни дореволюционной Казани.

Кажется, я был там ещё раз, когда нужно было сделать фотографии для моей статьи о них в наш с Олесей Балтусовой сотоварищи журнал «Квадратное колесо»...

Но тогда, в первый раз, я оказался у них случайно, поразился и просто записал себе в дневник (социальных сетей же не было). А когда через год появился журнал, у меня уже был готовый материал. Мы дали его на вычитку старшим Бренингам, и неожиданно в ответ я получил целое письмо на двух, кажется, двойных листочках, исписанных мелко. Никогда ещё мои герои не писали мне письма, и такие трогательные!

Я, в отличие от Бренингов, плохой собира- тель, всё у меня теряется, ломается, я, напри- мер, прошу друзей-художников не дарить мне картин, что-нибудь всё равно случится, рамка сломается, картина будет долго стоять на полу и как-нибудь испортится... Я был уверен, что письмо это, конечно, потерялось и выкинуто с макулатурой. Но неожиданно первый двойной лист этого письма — нашёлся! 13 лет письму! Я передал его в музей (ГМИИ РТ) и благода- ря ему встретился с Татьяной Арнольдовной Бренинг.

Вещи, которые я видел в доме, находятся теперь на временном хранении в музее (пра- во собственности на них по-прежнему у семьи Бренинг). С квартиры на Баумана съехать — та- ки пришлось. Не соглашались, но им объявили: будут делать капремонт, не съезжаете — пла- тите, как собственники... Да ещё как-то ночью забрались вору на чердак, украли бамбуковую полочку, которую Арнольд Иванович своими руками делал, фотографии, какие-то открыт- ки, несколько самоваров... Потом несколько открыток с письмами от Артура Иванова- ча (брата Арнольда) оказались на известном самостийном книжном воскресном рынке на Тинчурина...

Хорошо, что музей сделал у себя бренинговское пространство. Моё бывшее телевидение ухватило за тему и попросило меня сделать сюжет. Мы с Татьяной Арнольдovной пришли в студию. Она принесла с собой несколько замечательных вещиц: кружевные перчатки, которым 101 год, лорнет, печати аптекарские, старинные визитницы с карточками...

В самой аптеке тоже есть бренинговский уголок с экспонатами, но там всё отреставрировано, шкафы новые, сделано помпезно, колонны позолоченные. «Зачем позолоченные? — спросила у ответственных за дизайн Татьяна Бренинг, — они же были одна чёрная, а другая зелёная?» «Так красивее», — заявили ей.

О Бренингах и здесь есть стенды с информацией, всё как полагается, но кажется, они здесь уже не хозяйева, они здесь просто в витринах. Кажется, духа знаменитой семьи больше осталось в пространстве Бренингов при Доме Сандецкого (ГМИИ РТ)...

А Ваську даже я тогда запомнил, знатный был кот...

Часы напольные, весы аптекарские, скляночки под стеклом и тихие призраки кружат вдоль колонн аптеки — одной чёрной и одной зелёной....

БОМЖОНОК

— А ты, миленький, масло-то сам возьми с холодильника, ходить уж совсем не могу, сыночек...

В конце апреля я обычно приезжаю в Зеленодольск к одинокой бабушке Валентине Ивановне Елантьевой и приношу ей гостинцы из Питера, от друзей. Бабушке нынче в июле месяце должно сполниться 88 лет... Её семью раскулачили в начале 1930-х, ходили они потом по деревням, побирались, лебеду ели. Во время войны с двенадцати лет работала она на военном заводе, снаряды делала. Стояла, хрупкая, на деревянных колодках (без них до станка не дотягивалась) полную смену в неотпливаемом цеху, с тех пор ещё ноги-то себе

застудила... Да и после жизнь не баловала, пережила и сына, и внука (чтобы лечить его, на какое-то время перебралась в Петербург, жила там, страсть полюбила пышки есть, и там-то появилась у неё подружка, годящаяся во внучки, доцент местного университета и моя коллега, с которой и я дружу, и вот от неё передаю теперь подарочки). А потом — вернулась в Зеленодольск, из-за каких-то бандитов лишилась квартиры и живёт теперь в обшарпанной общаге на одной из окраинных улиц. Сразу за домом начинается сильно замусоренный овраг, на лужайке перед ним гуляют ленивые кошки, а за оврагом уже и лесок виднеется.

— Бомжонок у меня был, а я над ним вроде как шефствовала. Я тогда в Петербурге жила, выхожу из Казанского собора под Пасху, вижу — сидит, а обуви-то и нет, ноги в полиэтиленовый пакет завернуты, шёл дождь. Я ему: чего ж ты без обуви? Ну, разговорились, так и так, мол, детдомовский. В 18 лет его выпустили, дали комнатку... А потом комнатку-то и забрали плохие люди, выбросили его на улицу. Я, говорит, каменщик, только у меня документов нету. Купила обувь ему. А на следующий день прихожу — опять без обуви сидит! Украла, говорит. «Ну что же ты! Пошли!» И купила ему вторую пару, такую же. Ты уж хоть привяжывай на верёвочку, чай, заметишь, когда у тебя утащить-то хотят!.. «Ты что кушать-то любишь?» «Я, бабушка, кашу люблю». И стала я ему каждый день кашу носить, еду какую, в баню провожала, бельё купила, простое уж, дешёвое, но крепкое, в аптеку пошла, а у него же вся голова в язвинах, купила лекарства, мази, через некоторое время у него прошло всё, волосы начали расти! А к себе не могла его забрать, сама жила там на птичьих правах... Спросила, крещёный ли он. Нет, говорит. «А в Бога веруешь?» «Верю, бабушка!» Ну, я договорилась с батюшкой, и окрестили мы его. А потом у меня рука сломана оказалась. Наркоманы сумку украли, силой вырвали, ну и я на месяц оказалась выключена, не ходила к Казанскому. Прихожу — а мне и говорят: «Бабушка, бомжонка-то твоего убили! Такие же бомжи и убили!» Ух, как мне плохо было, долго не мог-

ла успокоиться, потом в церкви сделали мы по нему отпевание, и батюшка сказал: «Землю можешь отнести на любое кладбище»... Ты, может, суп-то будешь?

«Нет, — отвечаю ей, — спасибо, бабуля. Только кофе допью. А вашу бы историю — Толстому, он бы из неё хороший рассказ записал». Валентина Ивановна лет двенадцать уже не выходит из дома, но оптимизма не теряет, хочет до ста лет дожить. Пару раз писала она заметки в газету «ЗОЖ» («здоровый образ жизни», маленькая газетка с рецептами для чтений в электричке), да это не то что заметки, а так, рассказ о себе в рубрику для поиска друзей по переписке. Я почитал эту рубрику тут же, у кровати Валентины Ивановны, там одна женщина пишет: «Жду "ЗОЖ", как младенец мамкину грудь». Надо же, думаю, для

нас — такая пустяковая газета, и смотреть здесь нечего, а кому-то продлевает жизнь!

И Валентине Ивановне начали приходиться письма из разных краёв: из Ставрополя, Краснодар. Вот, думаю, знал бы — в подарок бы ещё конвертов сунул. И однажды — так же через «ЗОЖ» — нашли её вдруг родственницы из Москвы, троюродные сёстры, их деды — братья родные. Приезжали даже как-то к ней эти сёстры. Как деда раскулачивали в 1932 году, она, трёхлетняя, смутно помнит. Дом был, железом обитый, ворота... Эти ворота потом в сельсовете стояли...

В свои 90 или почти 90 — пост держала. «Думала, не додержу, помру, попа уж позвала... но — сподобил Бог! А вот Господь таким, как мы, жизнь-то продлевает, спасибо ему! Цветочки вот посадила... Бог один — за всех молиться буду, за русских, за татар...» ■

Павел Валентинович Георгиев родился в 1974 году в г. Волжск Республики Марий Эл. В 2004 году окончил исторический факультет Казанского университета. В 2004–2005 годах работал в школе. С 2006 года – ведущий библиограф научно-библиографического отдела Научной библиотеки Казанского университета. В 2009 году защитил диссертацию по теме «Афинская демократия в отечественной историографии середины XIX – первой трети XX вв». Автор фантастических рассказов и более 30 научных публикаций. Любимые авторы Станислав Лем и Герберт Уэллс. Публиковался в журнале «Татарстан».

Павел Георгиев

КЛОНЫ АЛЕКСАНДРА

Рассказ (в сокращении)

— Ну, вот и всё! — молодой светловолосый человек с бокалом в руке устало откинулся на спинку кресла. — Теперь продюсеры могут утереться. А сколько было шума и возни! Я подведу, не смогу, не сделаю... Да, я играл самого себя. Все сцены без дублёров! Пять переломов и сотрясение. Но я же сделал!

Он устало махнул рукой и выпил содержимое бокала.

— Ну что, Гефестион, — он подмигнул зелёным глазом крепкому брюнету, также изрядно выпившему, — чем будем заниматься дальше?

Брюнет икнул и с трудом проговорил:

— Будем предаваться излишествам, уже можно. Тебя ждёт новый проект, ещё более крутой: «Александр идёт на Вавилон».

— Ха! Вот им! — блондин показал неприличный жест и швырнул бокал об стену. — Пусть не надеются, я не буду участвовать в этой комедии.

— А как же слава, деньги? — покачиваясь, спросил брюнет.

— Да это комедия, понимаешь? Комедия! А я герой. Я Александр Великий. А что они хотят сделать из него и меня?

— Да, но какие бабки за это обещают.

— Он великий герой! — блондин угрожающе сжал кулаки, пытаюсь встать. — Правда, какой я великий... — он обмяк и опустился в кресло. — С другой стороны, чёрта с два сейчас завоюешь мир. Во времена Александра он был ещё не изведен. Никто не знал, что там дальше, за горизонтом. Можно было зайти в соседнюю комнату и занять её. А теперь каждый угол этого мегаполиса забит супермаркетом или «Перекусом натошак». Да и на кой он нужен, этот мир. И бабки лежат не в казне Дария.

— Вот именно, — оживился брюнет. — Он завоёвывал его по-своему, а ты по-своему. Блобастер «Александр. Последний удар». В главной роли сам Александр Македонский! А? — брюнет весело замахал руками.

— Небольшая поправка, — усмехнулся блондин, — в главной роли не Александр Македонский, а его клон. — Клон, клон! — заорал блондин и стал наступать на брюнета.

Тот отшатнулся, упал на столик с бутылками и закуской, повалил всё на пол, оказавшись в луже алкоголя, бутылочных осколков, плавающих лимонных кружочков и разбросанных яблок.

— А-а-а, — блондин залился смехом, схватил яблоко и метнул в голову брюнета. Тот успел увернуться, и яблоко, ударившись о стену, разлетелось на мелкие кусочки.

— Нет, сейчас ты был похож не на Гефестиона, а скорее, на идиота Клита, поэтому я и убил тебя!

Блондин продолжал смеяться и швырял в брюнета мокрой закуской.

— Но я ведь не давал повода, — увёртываясь, лепетал брюнет.

— Нет, ты специально хотел задеть меня этой главной ролью. Ты хотел сказать, что в главной роли не он, а его клон.

— Нет, нет, — замахал руками брюнет, даже намёка не было.

— Да плевать я хотел, что я его клон...

Блондин грустно усмехнулся и посмотрел на бледного худого старика, сидящего в кресле:

— Ты для меня был Филиппом или Аристотелем.

— Скорее, Аристотелем. Хотя ни того, ни другого Александр особо не любил, — улыбнулся старый профессор.

— Не знаю, — блондин пожал плечами. — Больше всех Александр любил Гефестиона. Нет, Буцефала... А может, их обоих.

— Что ж, тебе лучше знать. Ведь он это ты... Но я не об этом. Я позвал тебя, потому что я умираю. Да, я был тебе вроде отца и, когда была открыта гробница Александра, настоял на эксперименте, чтобы клонировать его. Но я не сказал тебе ещё кое-что. Тогда было сделано два клона. Другого Александра решено было отправить не в лабораторию под присмотр спецов, как тебя, а в простую бедную семью. За ним наблюдали, но не опекали.

— У меня есть тайный соперник в моём же лице, — блондин усмехнулся. — Но я заинтригован.

— Так вот, — профессор откашлялся, — он был трудным подростком. Хотел быть всегда первым, самым лучшим. Его самолюбие не знало границ, а чем он мог выделиться? Связался с плохой компанией. Совершил несколько дерзких преступлений. А потом стал бродягой. Да ты, может быть, и сам его не раз видел. Он обычно сидит под Броленским мостом.

— Броленским мостом? Это ему я подавал столько раз, когда совершал по утрам пробежки? Этот страшный бродяга под мостом? Светло-рыжий, как и я, но меня-то освещают, чтоб я был смазливее. А этот... С задубелым лицом и старше меня лет на двадцать, ведь он не делает пластику каждые полгода. Непременно отпускающий грубую шутку по какому-нибудь поводу, когда я встречаю его. С табличкой, на которой идентификационный код, как у каждого нищего, чтоб могли перечислить деньги...

Так вот оно что... Значит, брат...

Блондин задумался.

— Я его вытащу. Прямо сейчас сброшу ему пару сотен, а завтра пойду под мост. Но почему ты не говорил раньше?

— Пойми, Александр, я не мог этого сделать, — профессор развёл руками. — Этот проект финансировал один богатый чужак. Он диктовал свои условия. И только сейчас, когда я смертельно болен, он разрешил мне сказать тебе это.

— Что ж, я благодарен тебе за всё, — Александр положил руку на плечо профессора. — Во всяком случае, я не могу пожаловаться на судьбу. Я — самый знаменитый актёр, сыгравший в самом знаменитом фильме самого великого человека в мире. Да, это был великий бизнес-проект... Что я могу для тебя сделать?

— Я уйду в ближайшие дни. Решил сделать эвтаназию. Хотел ещё кое-что тебе сказать. Будь осторожен с продюсерами. Ты, я слышал, хочешь выйти из проекта. Они могут не простить тебе этого.

— Спасибо за предостережение, я никого не боюсь. Меня тревожит другое. После этого блокбастера, где я повторяю путь великого македонца, честно говоря, не знаю, чем буду заниматься дальше...

— Вот и тот также говорил, когда победил Дария. Нет, Александр, тебе нужен новый проект. Иначе ты превратишься в бродягу. Подумай об этом...

Гефестион, он же брюнет и единственный друг Александра, стоял перед корреспондентом «Urgent news».

— Официальная версия — передозировка. — Брюнет нервно затянулся сигарой. — Но я не верю. Они убрали его. Просто убрали, потому что он вышел из проекта. Всё повторилось. И тому было столько же. Ровно тридцать три. Хотя, — брюнет задумчиво посмотрел вдаль, — последнее время он был не в себе. Всё искал какого-то бродягу. Пил без меры... ■

Елена Валентиновна Баранчикова – драматург, член Союза журналистов России. Родилась в г. Бийске Алтайского края. Автор пьес «Меч Аттилы», «Облако Чингисхана», «Фрида», «Репетиция одиночества» и др. Пьеса «Наводнение» получила приз международного конкурса «Свободный театр» (2016). Печаталась в литературных журналах «Дон», «Петровский мост», «Нана». «Пророчество шамана» – адаптированный для журнала фрагмент пьесы, написанной по мотивам легенды Чингиза Айтматова «Белое облако Чингисхана».

Елена Баранчикова

ПРОРОЧЕСТВО ШАМАНА

Рассказ

Чингизу Айтматову посвящается

Войско Чингисхана пировало в честь победы. Повсюду виднелись белые знамёна с конскими хвостами, все были веселы, в котлах шипели бараньи курдюки. Чингисхан восседал на золотых подушках на троне из верблюжьих шкур. На

нём была чёрная шапка с изумрудом и лисьими хвостами, спадающими на плечи. Рядом с ним были его жёны, которые по случаю праздника украсили свои одежды красными, жёлтыми и зелёными лентами.

Поблизости скакал привязанный за ногу серебряной цепочкой золотой петух. Чингисхан встал с трона, его глаза были прищурены, в этот момент закукарекал петух. Повелитель бросил взгляд на поднос с белым жемчугом, ему тут же его подали. Он резким движением вдруг опрокинул поднос, жемчужины рассыпались, сверкая и искрясь.

Чингисхан обратился к присутствующим:

— Бай-аралла, батар дзоригей! Спасибо, воины! Это награда вам за храбрость, собирайте! Вы заслужили её.

Воины бросились собирать жемчуг. Когда всё улеглось, повелитель продолжил:

— Небо поставило меня каганом. Я, как столб огня и мести, казнь самого Неба, как бич божий, пришёл, чтобы покарать врага, поразить его в самое сердце. Тень моя накроет весь мир! Остановлюсь, когда все сердца вселенной мне покорятся! Моё царство будет такой величины, что от его пупа в любую сторону всаднику надо будет скакать целый год. Буду мстить, приводя непокорных в ужас, их жёны будут визжать звериным криком. Потекут красные, как вино, реки, — он поднял ковш, несколько капель вина вылилось на стол. — Выпьем же персидского вина в честь бога победы!

Безымянным пальцем он слегка прикоснулся к вину и окропил трижды все четыре стороны. Воины встали, выпили, плеснув остатки вина на землю, и затянули протяжную песню.

*Великий каган – милость Неба!
Он повелитель планет,
Владыка всей вселенной!
Кто его видел, знает, что
Нет никого могущественней,
Нигде на подносе мира нет такого властелина...
Вихрь коней степных ощутишь,
Когда пронесёшься по курганам.
Истинную храбрость багадура увидишь,
Когда пройдёшь в походе за каганом...
Чингисхана сыны оставят после себя огонь,
Кровью и пламенем степь обожгут.
Все враги упадут на колени!*

Отовсюду доносились крики воинов:

— Воздадим хвалу нашему повелителю! Слава ему! Воздадим ему почести дарами и песнями.

Заржали жеребцы. Чингисхан прислушался:

— Это наши привязанные резвые скакуны перекликаются, тоже торжествуют! Кумыс, айран, жаркое дикого оленя и кобылицы, степных дудаков сюда. — Наконец по команде внесли золотые блюда, полные яств. — Пируйте, воины! Пусть ваша душа возрадуется, как солнце!

Каган чавкал и выбирал на подносе лучшие куски мяса, клал их в рот тем, кто особо отличился в бою. Танцовщицы изображали ланей, как к ним подкрадывается рысь, которую непременно застигала стрела охотника. Отовсюду разносились пронзительные звуки китайских хвалебных песен, играли флейты и тростниковые свирели.

Чингисхан указал на одного из воинов:

— Скачи на белой лошади, одевайся в белое платье и садись на высшее место, — он величественно поднял руку вверх, будто обращаясь к богам. — Дайте ему всё это! Ты славный воин, а теперь выпей подряд шесть чаш вина за победу! — Воин выпил чашу и тут же упал к ногам повелителя. — Отнесите его с почестями в повозку.

Когда закончился пир, Чингисхан остался один в шатре и стал молиться.

— Наш путь лежит к Итилю! Его воды делят поднос мира на две половины — Восток и Запад. Подлунной державой я буду править вечно. Я — мировой владыка, мои законы будут высечены на скалах. Они перевернут весь мир, и он падёт к моим ногам. Все, кто есть на земле, должны служить мне, а всё, что не служит моим победам, выжгу огнём и кровью. Сниму с неба сверкающий месяц, как саблю, никто не уклонится от копыт моих взмысленных всадников... Помогите мне, боги!

Вдруг полог шатра открылся. Телохранитель Мусук завёл воина со связанными руками. Его шлем украшал пучок чёрных орлиных перьев, чёрные косы растрепались по плечам.

— Оставь нас, — Чингисхан кивнул телохранителю.

Мусук тут же молча вышел.

Лицо Чингисхана нахмурилось и исказилось:

— Слышу гром — рычание богов за облаками, они гневаются! Не верю глазам! Джамуха? Анда, с тобой мы одного рода-племени. Играли на замёрзшей реке Онон, охотились на

сайгаков и волков. — Воин потупился. — Ты ли это, мой кровный брат? Бесстрашный Джамуха теперь стоит предо мной связанный?

Чингисхан стал развязывать ему руки. Тот понуро, как изваяние, стоял перед повелителем:

— Как в небе лишь одно солнце, так и в степи должен быть один владыка. Ты — коневод, а я — пастух.

— Вчера приснился сон, будто подо мной конь весь пятнами, и я скачу, погружаюсь в думы, спотыкаюсь о камни. И тут в небо взметнулся кара-бургут — чёрный орел. Когда я глянул на него, из его глазниц полилась кровь, и пятна на коне стали кровавыми. Я прильнул и стал пить кровь своего коня, пока не насытился. А птица промолвила: «В последний раз являюсь перед тобой...» и полетела прочь. Из моего тела вдруг вылетела тень и унесла меня вслед за ней в небесные просторы... Что значит этот сон, ты знаешь?

— Не скажу, одно лишь знаю, повелитель, никто не уйдёт от вечности, от её чёрного глаза.

Чингисхан был угрюм и задумчив.

— Когда-то мы менялись добытыми у врага золотыми поясами и конями!

— Ай, это были резвые скакуны! Ты и конь всегда под стать друг другу. Не было жеребца, который не смирился бы под твоей рукой.

— Что человек без коня? На коне ему верится, что он бессмертен.

— Твой Хубе, как ливень, такой появляется раз в тысячу лет.

— И ты пошёл против брата? Ведь мы были в союзе, ты всегда предупреждал меня о приближении противника. Мы вместе бились против меркитов! Что произошло?

— Ни ты, ни я тому виной... нас жизнь связала, Небо — развело.

— Твой род из младшей ветви степных ханов. Желает возвыситься и править сам? Скажи откровенно, как брату, не криви душой.

— Хотел себя уравнять с тобой... вот моя ошибка! — голос Джамухи ослаб, казалось, он не говорит, а шепчет. — Не хочу стать на твоём пути, мешать твоим замыслам и планам. Как орёл, ты паришь над землёй, зорко озирая просторы, а я подобен мыши, которая бежит у твоих ног. Оттуда, с высоты, ты волен бросить-

ся на меня и растерзать когтями. Всё приму, как должное... Предпочитаю смерть.

Джамуха опустился перед повелителем на колени и поцеловал ковёр между руками. Отцепил от серебряного пояса лисицу с длинным хвостом и положил её перед Чингисханом. Голос того раскатисто гремел, брови преломились и сдвинулись:

— Ты говоришь не о победах? О смерти? Какой ты воин!

— Прими в знак нашей дружбы перстень, он знает все тайны мира. Принесёт счастье и ответит на вопросы, что ты задавал. Когда одержишь 999 побед, вспомнишь меня, на небесах мне будет радостно. Если Небо вечно, то и ты — его посланник — тоже вечный, живи тысячу лет!

Чингисхан задыхался:

— Молчи, не говори об этом! Ещё не поздно, побратим, восстановим дружбу. Возьми, — он протянул металлическую пластину. — Это пайцза — пропуск для проезда по моим владениям. Тебе везде окажут содействие, дадут коней и проводников.

Джамуха ответил уклончиво:

— Не могу взять. Берегись врагов, которые сидят с тобою рядом в одной юрте, бесшумно ступают по твоим стопам...

— Аталык, ты заговорил, как шаман. Да, я хотел бы жить вечно. Пообещай, что приведёшь шамана, который обращает железо в золото и знает рецепт напитка, дающего бессмертие. Отдам тебе все земли на западе, куда только сможет ступить копыто скакуна.

— Хорошо, шаман придёт к тебе, но больше ни о чём меня не проси. Я не смогу исполнить твоей просьбы.

— В последний раз спрашиваю, ты отказываешься выполнить мою волю? Будешь упорствовать — прикажу казнить... Если воин не хочет крепко держать рукоять меча, на него повернётся острый клинок.

— За всё, что совершил, прошу лишь одного — расплаты. Смерти не боюсь, в каждом бою ждал с ней встречи. Убей по древнему обычаю без крови, не запачкав земли. Окажи милость во благо для души, она жаждет неба и должна испытать боль. Небо облегчит трудное.

Чингисхан позвал телохранителя:

— Эй, свяжи его и закатай в кошму.

Джамуха повернулся к Мусуку:

— Расчлени по суставам, но сначала сломай пельбваной мой хребет, чтобы не смог подняться с земли.

Он с треском разломил напополам рукоятку плети.

Мусук с силой толкнул его в спину:

— Не учи, сам знаю, не впервой! Пошли.

Чингисхан бросил вслед:

— Анда, ты растопил моё сердце. Вернись, я позабуду дерзкие слова твои. — Джамуха молчал. — Кто приходит под мою руку — тот со мной, кто уходит от меня — мой противник. Скажи свою просьбу, я выполню.

— Позволь спеть предсмертную песнь воина.

Мусук вопросительно посмотрел на Чингисхана. Повелитель кивнул и сделал ему знак рукой:

— Пусть поёт! В песне — наши ветра, стрелы тоже поют, как ветер.

Джамуха попросил:

— Подыграй на хуре по нашему обычаю...

Чингисхан хмуро взял в руки хуру и стал играть. Джамуха запел прерывистым голосом:

О небо, услышь стенанья

Воина с каменным сердцем!

Я привязал жизнь свою к мечу и копыю

И бросился на врага, как барс.

Когда же мимо меня проскачут кони

И их копыта раздробят моё истерзанное тело,

И когда друзья унесутся вслед за врагом,

Я с радостью буду слушать их затихающие крики.

Джамуха допел, Мусук повёл его к выходу. Чингисхан крикнул ему вслед:

— Когда мой конь вынесет меня на курган, буду до боли сжимать пальцы... буду ждать тебя, ведь у тех, кто дал клятву анда, жизнь одна на двоих. Мне будет тебя не хватать...

Через несколько дней утром близ юрты ускорившего в поход Чингисхана шаман причитал и играл на варгане. Он ходил по кругу, раскладывая камни. Так раскладывали камни на земле в честь умерших.

Просохнет камень, политый дождём,

Но будет камень жить и чернозём.

Уходит дождь за дальние холмы,

Дожди уходят, как уходим мы.

Горло шамана заклокотало, он ударил колотушкой в бубен, взвыл и обратился к небу:

— О, духи! Кружитесь, кружитесь, кружитесь... Вижу движение времени, перемещаюсь по трём мирам... поднимаю завесу будущего... Хотите знать, что будет с Чингисханом? Связь переходит от тела к телу, так наши предки рождены... Один день длиной в тысячелетие... Великие пустынные пространства... Дымный жёлтый океан, степь! Клубится, тяжело дышит, как женщина, дрожит, вздымаема ветрами, стонет, хрипит и плачет... Сына синего волка и рыжей лани ожидает судьба великого правителя, он создаст непобедимую империю. Скачет сюда. Вижу, убил брата, борясь за добычу... Куда ступит его конь, трава не вырастет... Погубит много людей. Шакалы уже почуяли добычу...

Воины, оказавшиеся поблизости, наперебой спрашивали:

— Кто он? Откуда пришёл? Мы не видим его!

Шаман ходил по кругу и едва внятно шептал:

— Все слушайте меня! Передо мной явился...

Вот в седле под белым знаменем, гонит сарозеков... Расступитесь! Это Он. Смотрите все!

И тут вдруг появился сам Чингисхан:

— Ты звал меня? Пришёл...

Все в страхе отшатнулись.

— Великий хаган, тебе знак свыше. Облако твоё всегда над тобой, скользит неприметно, как белая тень. Утратив облако, утратишь могучую силу... Жизнь встречается со смертью в потустороннем мире, он над нами... — шаман указывал рукой вверх, его бубен подрагивал.

Послышался ропот воинов.

Чингисхан приказал всем замолчать:

— Тише! Я как во сне, пелена перед глазами, не могу отодвинуть этот занавес... У всех багатуров одно лицо, пред боем шлемы сжимают виски и скулы, в глазах — звёзды и луна, это сиянье победы. Среди моей белой конницы один белый конь идёт в бой без седока...

Воцарилась гробовая тишина, которую прервал голос шамана.

— Не развязать узла, который завязали. Как только пропадёт облако — Небо отвернётся от тебя...

Видение внезапно исчезло. Шаман стал бить в бубен.

— Люди! Не обрезайте собственного ворота, не разрушайте согласия. У камня кожи нет, у воина нет вечности. Не поможет ни хитрость, ни смелость против того, что написано молниями там, на Небе. Хана положат на девяти белых войлоках, лицо укроют белым хадаком, ноги — покрывалом из соболя. Принесут в жертву взятого от матери верблюжонка. С ханом похоронят и его. Небесный хан улетит на крылатом коне. Через год верблюдица сама найдёт место, где был убит её детёныш, и закричит, по её крику отыщут это место. Верблюдицу заколют и совершат поминовение. Жён и наложниц убьют, чтобы они сопровождали вождя в той жизни. Рабов, что вырыли могилу, тоже. Пять тысяч лучших воинов, двенадцать лошадей проводят его в последний путь... Убьют всякого, кого встретят на дороге. Все последуют за ним, чтобы там служить ставшему богом. Ай, сколько их убито!

Шаман закрыл глаза, схватился за голову и закружился, как дервиш, будто не слыша ничего, что происходило вокруг:

— Над могилой Чингисхана прогонят лошадей, посадят деревья. Вижу быстроводную реку... Всё затопят водой, чтобы никто не потревожил могилу и нельзя было найти то место. Кара Неба коснётся тех, кто осмелится нарушить Великий запрет — хориг... Высокие хребты, что подпирают небо, леса, изрезанные реками, бездонные озёра будут вечно хранить тайну, пока на земле кто-нибудь ещё жив... Туман клубится над землёй! Ты слышишь, джихангир? Души убитых встанут навстречу Небу. Степи, Голубой Керулен, Золотистый Онон... Сколько воинов втоптали в землю! Призрачным теням суждено подняться... туда, наверх.

Шаман простирает руки вверх снова и снова, обращаясь к небесному божеству Тенгри:

— Умершие встанут в ряды небесных воинов... и там продлится битва... ■

Харис Миннахметович Закиров – член Союза журналистов РФ, заслуженный работник культуры РТ. Родился 15 ноября 1942 года в деревне Старое Аккузино Агрызского района, там же учился, а также посещал школы в Кучуке и Иж-Бобья. Окончил Казанский сельхозтехникум (1964) и Казанский государственный университет (1973). Со СМИ РТ сотрудничает более сорока лет, пробует себя в литературном творчестве. Автор сборников рассказов «Керпе мыгеы» («Ежовый ус») и «Поющий вяз».

Харис Закиров

БАНЯ И «ТВИКС»

В последнее время Ниаз начал брать с собой в городскую баню семилетнего Идриса: «Пусть привыкает к жаре, людям, пусть попарится с берёзовым веником». Поначалу Идрис не совсем охотно поднимался на полку. Но со временем привык париться и, если по какой-либо причине посещение бани затягивалось, сын сам напоминал о ней.

Сегодня о бане заговорил тоже Идрис. Правда, он не ограничивается двумя-тремя поднятиями на полку и парой раз натиранием мочалкой. После бани они идут в буфет, и сын начинает просить купить ему то и это: чипсы, крабовые палочки, минеральную воду. Хотя Ниаз сам кроме минералки других жидкостей не употребляет. Не соблюдает он поговорку: «Портки последние продай, но после бани выпей». А ведь многие, ссылаясь на полководца Суворова, поступают

именно так. В последнее время Ниаз перестал употреблять даже пиво: после бани такое пополнение не на пользу организму.

Попарившись, помывшись, и в этот раз отец и сын зашли в буфет бани. Ниаз, как всегда, не смог отказать сыну. Будучи мальчиком, Ниаз тоже любил «подарки зайца». Тогда вместо чипсов у них была картошка, разрезанная на тонкие ломтики и поджаренная в железной печке. Как вкусны были эти ломтики без соли, без масла — пальчики оближешь. В то время о кетчупе и майонезе даже не слышали. Сейчас в моде всякие ананасовые, абрикосовые, яблочные, вишнёвые напитки. Они стоят на полках и словно призывают: «Мы здесь, возьмите и выпейте нас!»

Судя по занятости мест в буфете, можно предположить, что люди охотно ходят в баню. Вот появилась ещё одна пара — мужчина и женщина. Почему-то без банных принадлежностей и без признаков на лице послебанного состояния. По-видимому, их интересует только буфет. Сделав покупку, они стали искать свободное место. Заметив беспокойство женщины, Ниаз подошёл к ней: «Идите к нам, сына я посажу на колени, а третий уже уходит от нас».

Услышав это, мужчина перенёс покупку на стол со словами: «Нам много места не требуется, можете не беспокоить вашего сына».

То ли из-за оказанного приглашения к столу, то ли от равнодушия к детям, мужчина угостил Идриса «Твиксом». Ниаз, никак не ожидавший этого, поспешил сказать: «Спасибо, спасибо! Я уже купил сыну сладостей».

Гости собрались перекусить, но женщина вдруг заметила по-татарски, что забыли купить её любимый сок. Она пошла к буфетчице, скоро вернувшись с пакетом, на котором был изображён ананас.

— Сегодня вечером уезжаю, — сказал Ниазу новый знакомый, учтя, что отец разговаривал с сыном на родном языке. — Всё время спешим. Поэтому решили посидеть здесь.

— Сейчас трудно найти не спешащего человека. Даже в баню трудно попасть. Далеко ли держите путь?

— В Чечню еду. Там служу. Приехал сюда в краткосрочный отпуск... Да, живём в беспокойное время. Покой можно найти только на кладбище, в тиши деревьев.

Ниаз, много раз слышавший по радио и телевидению о чеченской войне, до этого не встречал живьём человека, который участвовал в этой неразберихе. Поэтому он спросил:

— Кому нужна эта война? Сколько людей погибло уже. Погибает безвинный народ. По-моему, чеченцы не виноваты. Ведь они воюют за свою свободу.

— Я не политик. Я всего лишь солдат, выполняющий приказ.

На столь суровый ответ Ниазу нечего было возразить. Он хотел задать ещё несколько вопросов, но в это время сын потянул его домой:

— Пап, пошли, я хочу чая с душицей.

Конечно, на слова сына Ниаз не может не реагировать. Сам и научил его пить чай с душицей: после бани это — одно удовольствие. Но и побеседовать хочется с человеком. Правда, много ли узнаешь от того, кто так скупко ответил на первый вопрос.

— Пап, пошли уже!

Не успели выйти на улицу, как Идрис прижался к отцу: «Папа, папа...»

— Что такое? Ведь уже идём домой.

— Папа, я не взял «Твикс», который мне дал дядя.

— Почему?

— Знаешь, папа, по телевизору говорили, что за участие в войне дают деньги. За каждый день восемьсот рублей. А ты получаешь только шестьдесят.

Вот тебе на! И это семилетний сын Ниаза!

О том, что солдаты в Чечне за день получают восемьсот рублей, а офицеры девятьсот пять, Ниаз слышал давно. Как и о том, что эти деньги здорово помогают стать человеку зависимым от алкоголя. Но откуда о его шестидесяти рублях знает Идрис?

— Сестра сказала, — ответил сын.

— А она откуда узнала?

— Ты же сам сказал маме, что получаешь в месяц тысячу восемьсот рублей. Эту сумму дели на тридцать — получается шестьдесят. Значит, солдат получает в десять раз больше тебя.

— Это тоже вычислила сестра? А «Твикс» почему не взял?

— В новостях сообщили, что полковник изнасиловал чеченскую девушку, а потом её застрелил.

— Об этом я слышал. Сейчас идёт суд. Но причём здесь «Твикс»?

— Ай, папа, как же ты не понимаешь! В Чечне деньги дают за убийство человека. Эта девушка старше сестры только на три года. Нет, купленный за эти деньги «Твикс» я не хочу брать.

Разговаривая, отец и сын не заметили, как пришли домой. Вдоволь напилась чая с душицей. Ниас снова вспомнил об этом случае. И отец, и мать были горды поступком сына.

2002

ЧТО СКАЗАЛ КАРАМЗИН?

К рассказам внука по возвращении из школы Фанил давно привык. Если Ильшат молча проходит мимо деда, Фанил даже удивляется: не случилось ли чего? Но у Ильшата таких случаев почти не бывает. Вот и сегодня он, не успев перешагнуть порог дома, сообщил: «Славику купили сотовый. Он может фотографировать, там есть диктофон и интернет». Раньше новости были другого рода: «получил две пятёрки» или «в это воскресенье пойдём в театр». Теперь же всё чаще он говорил, кому что купили: японский телевизор, ноутбук или диктофон. Фанил прекрасно понимает, что Ильшат бросает камень в его огород. Если внук хочет, чтобы дед купил ему что-нибудь, то начинает издали. Именно после таких разговоров в доме появились телевизор «Samsung», видеокамера «Panasonic», фотоаппарат «Olympus». В то время Фанил ещё работал. Сейчас он вынужден отвечать Ильшату так: «Мы живём только на пенсию. С бабушкой еле дотягиваем до очередной пенсии. Потерпи. Пока ты можешь обойтись без мобильного телефона. Как-нибудь решим этот вопрос. Может быть, сам заработаешь немного». И хотя внук не был удовлетворён ответом, всё же не сопротивлялся. Ведь у бабушки с дедушкой столько расходов по дому, да ещё надо купить ему одежду, обувь, дать на кино...

Когда Ильшат с одноклассниками поехал в Санкт-Петербург, Фанил выделил ему солидную сумму. По возвращении внук делился:

— Дедушка, какой красивый Санкт-Петербург! Оказывается, он несколько не уступает европейским городам. Мы даже в Эрмитаже были!

Фанил убедился, что не зря дал внуку несколько тысяч на экскурсии. Он бы не радовался так. Или бы даже обиделся на деда и думал о погибшем на чеченской войне отце.

Да, Фанила испытывала судьба! С женой Гульфией вырастили они двух сыновей. Старший, уже будучи взрослым, скончался в аварии. Младший — отец Ильшата — погиб в Чечне, выполняя последнее задание перед демобилизацией. Сноха начала пить. Не прошло и года, как вышла замуж. Но пристрастие к водке разрушило её жизнь. Сейчас Фанил и не знает, где она. Не показывается даже сыну. Так дауати Фанил стал настоящим отцом и воспитателем Ильшату. Гульфия продаёт на базаре жареные семечки, арахис, чупа-чупсы, и основная забота о внуке лежит на его плечах.

Кто старается, тот чего-нибудь добивается. Фанил не ждёт, когда на него свалится ожидаемое. Проживающий этажом выше Каюм абзый научил его переплетать бухгалтерские и канцелярские документы. Даже подарил станок, на котором бумаги он превращает в книги. Когда кончается квартал или год, Фанил подрабатывает переплётом.

Подрабатывать ему пришлось с детства. В возрасте внука он собирал шиповник: и сейчас помнит, как при налоге пуд сухого шиповника засчитывался за центнер картофеля. Много лет спустя, когда попал в профилакторий, Фанил узнал, что из шиповника готовят настой и включают в рацион отдыхающих. Витамина «С» в нём даже больше, чем в лимоне. Семья Фанила собирала в лесу также черёмуху, калину, рябину, смородину, а затем продавала на сенном базаре в Ижевске. Сушёную черёмуху перемалывали на муку, мороженую калину продавали в натуральном виде, а из смородины делали пастилу. На выручку от пастилы он купил себе в восьмом классе зимние ботинки, а в десятом, продав ещё и ивовую кору, — часы.

В годы учёбы в сельхозтехникуме стипендии хватало только на две недели. Чтобы заработать на еду, приходилось выгружать из вагонов каменный уголь, коровьи и овечьи шкуры. Долго

не мог он забыть вкус соли, которая попадала в рот и глаза из развязанных шкур.

Сравнивая внука и себя в его возрасте, Фанил видит большую разницу.

— Дашь мне пятьдесят (двадцать, тридцать, сто) рублей? — если не ежедневно, то дважды в неделю просит Ильшат деда.

Фанил даёт, но каждый раз думает, что никогда не просил у родителей, а старался заработать сам. Детство Фанила прошло в деревне близ реки Иж. А Ильшат живёт в Казани. В большом городе всегда можно заработать. Например, картонные коробки — где только они не валяются: у подъезда, возле магазинов, в мусорных. Особенно много их на базаре. Не ленись, собери и отнеси в приёмный пункт «Стимул», где принимают картон так же, как пустые бутылки.

Однажды Фанил вышел с внуком на прогулку с «ельцинской» тележкой, которая тогда многих спасала. В девяностые в моду вошли шоп-туры в Польшу. Фанил тоже записался на поездку и на двух «ельцинских» тележках повёз товары в эту страну. Там он стал миллионером с польскими деньгами, продавая заодно и тележки вьетнамцам.

Прогуливаясь с внуком, Фанил зашёл в то место, где валялись разнообразные коробки. Каких только не было: из-под мандаринов, апельсинов... Деревянные немногочисленные ящики можно было вполне использовать в качестве обшивного материала.

— Давай вот так сделаем, — обратился Фанил к внуку, — возьми эту большую коробку, другие разрежем и заполним обрезками большую.

Взяв из кармана перочинный нож, Фанил начал заполнять большую коробку. Не прошло и пятнадцати-двадцати минут, как полную коробку он поместил на «ельцинскую» тележку. Чтобы Ильшат принимал участие в этой операции, Фанил велел ему подавать маленькие коробки.

Куй железо пока горячо — Фанил с внуком отправились в «Стимул». Народу было мало, в основном пенсионеры. Стопки картона ставили на весы и после определения веса узнавали, кому сколько полагается денег. Сегодня за килограмм давали рубль. Их груз потянул на восемнадцать кило. Деньги дед доверил получать внуку. Пусть,

мол, у Ильшата проснётся желание заработать самому. Правда, восемнадцать рублей не так уж много, на эту сумму можно купить разве что две буханки хлеба.

Было время, Фанил стоял в очереди и за одной буханкой. Случалось и локтями за хлеб драться. В его школе не было столовой. Три раза в день Фанил готовил еду сам. Школа — за сорок километров от родной деревни. Нанимался Фанил и картошку копать, и пилить дрова у местных жителей. Однажды на заработанные деньги купил кожаные перчатки. Но носить их не пришлось, украли в интернате.

— Ну как, понравилась тебе наша работа? — обратился Фанил к внуку, когда шли домой.

— Здесь хотя бы немного платят за картон. В школе нам ни копейки не давали.

Когда ученики ходили по домам собирать макулатуру, Ильшат тоже забирал из дома ненужные бумаги. Установили норму на каждого ученика. Значит, собирали бесплатно. Из ответа внука дед понял, что человека надо заинтересовать.

Фанил и его одноклассники пользовались каждым удобным случаем, чтобы заработать. Зимой они собирали золу, птичий помёт, делали скворечники, деревянные лопаты, чтобы выгребать, чистить землю с лемехов. Был интерес к работе, хотя работали они не за деньги, а за трудодни. Перед отправкой в поле запасались овощами: огурцами, помидорами. А хлеб, яйца и молоко брали из дома. Почему-то тогда в селе люди не выращивали помидоры, считая их «картошкой шайтана». А этот овощ выручал детей и в поле, и во время экскурсий.

Интересно, можно ли организовать экскурсии в Казани за эти макулатурные деньги? Зоопарк, цирк, кукольный театр разве не ждут юных друзей?! Только умей организовать эти экскурсии.

По пути домой Ильшат не обмолвился с дедом ни единым словом. Значит, картонная операция не дала ожидаемого результата. Но всё-таки Фанил хотел пополнить знания Ильшата по этому вопросу:

— Чтобы получить тонну бумаги, надо израсходовать четыре-пять кубометров леса. Если переработать эти картонные коробки, то можно сэкономить не один кубометр древесины. Если же организовать это дело в масштабе целого го-

рода, целой страны — то уцелели бы десятки, сотни гектаров леса...

Дни шли своим чередом. Скоро наступит лето — время каникул. У Фанила есть план — поехать жить в деревню. Если Ильшат согласится, возьмёт его с собой. Жаль, из года в год в деревне уменьшается количество домов. Отсутствие школ, магазинов, больниц вынуждает сельчан покидать родной очаг. Фанил будет жить в покинутом доме дальнего родственника. В деревне хорошо: хочешь рыбачь, хочешь собирай грибы и землянику. Нынче у него появилась новая задумка — заготовить банные веники, продав которые, можно приобрести Ильшату мобильный телефон. Так, за один выстрел он убьёт двух зайцев: Ильшат пройдёт урок Макаренко и будет обладателем сотового телефона.

Учеба Ильшата завершилась в конце мая, и они тронулись в путь. Хорошо сделали — купили билет на электричку. Ветер через открытые окна ласкает волосы, лица пассажиров, колыхает костюмы, свитера, которые заняли места на вешалках. Сидя возле окна, дед и внук едут до нужной станции. За окном мелькают незасеянные поля — результат перестройки. Вместо колхозов и совхозов возникли фермерские хозяйства.

А вот и станция — на ней появился двухэтажный вокзал с мраморными лестницами и комнатами для пассажиров. Есть отдельный зал для мам с маленькими детьми. Говорят, что этот вокзал соединяет восток и запад страны.

После городской суеты и зноя деревня напоминает пароход, прошедший длинный путь и остановившийся на отдых. И воздух, и жизненный ритм здесь совсем другие. Спокойствие и тишина навевают дрему. Кругом зелень, утром поют соловьи, вечером, распространяя запах молока, возвращаются с пастбищ коровы. Спустишься к речке — плещутся рыбы, из травы доносится чирикание стрекоз. Природа очень понравилась Ильшату, особенно рыбалка с удочкой. «Пусть пока отдыхает, а в начале июля приступим к заготовке веников», — подумал Фанил.

Без транспорта будет туго, потому что до пригодных берёз километров десять-двенад-

цать. В последние годы в деревне лошадь заменили мотоциклом. Если полвека назад на всю деревню было один-два мотоцикла, то сейчас такое количество техники в каждом дворе. Выручил Фанила друг детства. У него были легковая машина и два мотоцикла. После ухода младшего сына в армию второй мотоцикл оказался не у дел. Вот его он и отдал Фанилу.

В первой половине июля дед и внук приступили к заготовке веников. Связывая их попарно, сушили в тени. Если сушить на солнце, листья пересушиваются и опадают. За десять дней заготовили 450 веников. Если их продать по пятнадцать рублей, набирается более четырёх тысяч рублей. Должно хватить для покупки сотового телефона. У Ильшата заискрились глаза. Фанил тоже радовался за внука.

Каникулы закончились, Ильшата ждала школа. Значит, пора возвращаться в Казань. Попутка нашлась быстро и согласилась взять их груз. Веники выгрузили в гараже.

Кто ищет, тот всегда найдёт. Напротив их дома открылся торговый центр, в котором был киоск «Банькоф», где продавались товары для бани. Туда и сдал Фанил часть веников. Остальное стала продавать у бани бабушка Гульфия. Накопленной пенсии и полученной от киоска суммы хватило на покупку «LG» — в этом же торговом центре.

Первого сентября Ильшат пошёл в школу с новым телефоном. В каждом его шаге чувствовалась радость: позвонил друзьям, рассказал, как купили телефон.

Первые дни учёбы остались позади. Уже на третий день Ильшат перестал делиться школьными делами, не ложился вовремя спать, долго ворочался в постели. В чём дело? Фанил не смог не заметить изменения в поведении внука. Не успел его спросить, как услышал плач Ильшата.

— Мой телефон украли в спортзале, вытащили из кармана спортивной формы...

— Когда это случилось?

— Позавчера!

— Почему мне сразу не сказал?

— Боялся. Думал, ты меня бить будешь. Друзья обещали найти телефон, они догадываются, чья это рука.

В комнате воцарилась тишина. Фанил не только поднять руку на внука, даже ругать его не думал. Но он решил на завтра сходить в школу. Руководителю класса, директору школы надо об этом сообщить.

В школе ему посоветовали обратиться в милицию. Оказывается, это не первый случай. По правде говоря, не хотел Фанил в милицию идти. «Не пойман — не вор», — думал он. Однако, взяв чек и паспорт телефона, они направились к участковому.

— Рано или поздно — найдётся ваш телефон. В Казани каждый день набирается до ста украденных телефонов, — сказал старший лейтенант, составляя протокол.

«До ста украденных телефонов каждый день» — эта мысль не давала Фанилу покоя.

Когда всё это кончится? И кончится ли? Подумать только: там, где дают знания детям, воровство пускает свои корни. Правда ли, что в Германии и Турции воровства нет вообще? Вопросы появлялись один за другим. Ответ на них Фанил сам же и нашёл. Вспомнил, что ещё студентом читал крупного писателя и историка Карамзина. Во время его путешествия по Европе его спросили в Париже бывшие соотечественники:

— Ну как там в России?

— Воруя, по-прежнему воруют-с! — отвечал Карамзин.

Этот ответ прозвучал три века назад. Разве он не ответил бы так и сегодня?! ■

2007

Нури Бурнаш (настоящее имя – Исхандер Рубинович Абдуллин) – казанский писатель, преподаватель, журналист. Родился 4 марта 1975 года. Закончил филфак КГУ. Первая публикация состоялась в 1988 году в газете «Вечерняя Казань» (с предисловием Е. Евтушенко). С 1993 по 2000 год возглавлял литературно-философское общество «Altera Pars». Работал журналистом («Intertat.ru»), радиоведущим (авторская программа «Стоп-кадр» на радио «Пассаж»). Редактор литературного альманаха «Лица» (Казань, 1999–2001). Автор двух поэтических книг («Двадцать одно», «Графика»), книг прозы («Чагынский словарь», «Седьмая Пятница» – готовится к печати), а также нестрого букета публикаций в российских и зарубежных изданиях. Стихи переводились на татарский и немецкий языки. Член Союза российских писателей, участник фестивалей, победитель республиканского поэтического слэма (2015).

Нури Бурнаш

КОНЦЕРТ ДЛЯ ХАВБЕКА С ОРКЕСТРОМ

*феерическим достижениям нашей
ослепительной сборной по футболу посвящается*

Представьте: 22 пианиста... Представили? 22 пианиста – 11 в нашем триколоре, 11 в голландском – играют друг против друга исторический марш. Поочередно, на чёрных и белоснежных роялях, стоящих на громад-

ной сцене, исполняется одинаковый набор композиций. Желательно – незамысловатых и общеизвестных. К примеру, э-э-э-э-э-э... Шопен. Причем так: один игрок должен композицию начать, другой грамотно развить,

третий вернуть контрапункт, четвёртый с пятым накинуть секвенций и передать шестому с седьмым, которые... Упс, фальшивая нота — свисток судьбы — тема переходит к сопернику. Кто сумел довести композицию до логического завершения, тот — ура! — получает очко. Которое — ура! ура! ура! — совершенно случайно оказывается победным. Ну, просто наш пианист ухитрился вовремя при помощи жвачки заблокировать педаль своему голландскому визави, а судья не заметил. (Наш пианист, в общем-то, ничего другого не умел, и был вызван в национальную сборную специально ради этого.) И вот неожиданная победа! Букмекеры в шоке. А наши красные от духовного перенапряжения исполнители вскакивают, тискают своего коллегу, разрешившегося последней успешной тоникой и, перепрыгивая щиты с рекламными буквами в человеческий рост, несутся к фанатам. Те, размалёванные татушками в виде скрипичных ключей, высоко держат портреты Глинки и Баскова размером с дом, целуются, режут на трибунах и размахивают разноцветными тряпочками. За спиной у них комментаторы со специалистами — все выпускники консерваторий и лауреаты международных конкурсов. Они ведут квалифицированные репортажи на весь мир, захлёбываясь рассказывая о том, что наш Женя Кисин сегодня был в блестящей форме. Их воплям внимают миллионы телезрителей, вдруг осознавших себя рьяными меломанами, невзирая на полное отсутствие слуха и с твёрдым убеждением, что доминантсептаккорд отличается от обычного аккорда двенадцатью лишними буквами. После финального свистка арбитра восторг от национальной победы выливается на улицы, незнакомые люди обнимаются и пьют на брудершафт, в то вре-

мя как в несчастных Нидерландах наступает оранжевая трагедия: отставка правительства, эпидемия эвтаназий и первый за последний месяц случай регистрации гетеросексуальной семьи. Главный педагог наших пианистов, уроженец Гааги, перед телекамерами рвёт на Красной площади голландскую ксиву и размахивает нашей, свежесданной, вместе с орденом Владимира Горовица 1 степени... И, главное, пресс-служба Президента оперативно реагирует и выдает шефу текст поздравления к нации по поводу блестящего глассандо и непредсказуемого для противников рубато у наших изумительных пианистов. Президент, мозжечком ощущая рост своего рейтинга, по такому случаю обращается к нации, в слове «ангемитонно-пентатонный» делает всего две ошибки и со слезой умиления вспоминает, как он в детстве ходил в музыкальную школу и с радостью играл мазурку этого, э-э-э-э-э-э... Шопена. Выпуски новостей всю неделю начинаются и завершаются сюжетом об исторической победе наших орлов, а иногда даже только из него и состоят, несмотря на начавшуюся гиперинфляцию и жалкие попытки бен Ладена напомнить миру о своём существовании.

...А уже порядком подзабытый московской интеллигенцией форвард Руд ван Нистелрой в это же время на своём юбилейном бенефисе бьёт нашему голкиперу Акинфееву пятнадцатый показательный пенальти в концертном зале им. Чайковского. У нашего вратаря весь фрак изорван, бабочка съехала набок, но он совершает фантастические сэйвы, зная, что его искусству внимает небольшая, но преданная группа поклонников в полупустом партере — и он не имеет права их разочаровать. Вот только бы они не кашляли и не скрипели креслами — цены бы им, родимым, не было! ■

Родилась в 1954 году в Кировской области. С 1963 года живёт в Казани. Окончила Казанский государственный университет (физический факультет) и Московский педагогический университет (педагог-психолог). Рассказ «Пути Господни неисповедимы» занял 3-е место в межрегиональном конкурсе «СТИХИЯ Пегаса» (Оренбург, 2017).

Татьяна Мадиева

ПУТИ ГОСПОДНИ НЕИСПОВЕДИМЫ

Было вялое рабочее утро. Я скучно смотрела в давно немытое окно стеклянной высотки физического корпуса нашего славного университета. Соседи по лаборатории тихо сопели, ставя точки на графиках стратосферного Е-слоя.

Когда в тинейджерском возрасте я зачитывалась журналами «Знание — сила» и «Квант», физика казалась мне интереснее сказки про Али-бабу, поэтому после школы я решила поступать на физфак и поступила — таки с первого раза, хотя конкурс был 5 человек на место. Но романтика быстро закончилась. Оказалось, что физика — это совсем не волшебное проникновение в секреты мироздания, а биномы, полиномы, теоремы Коши и нудная необходимость ставить тысячи точек на графиках.

От такого однообразия жизни хотелось спать.

Вдруг сзади скрипнула дверь, и тихий голос позвал: «Тоня».

Обернувшись — «Ёперный театр! Явление Христа народу!» — я сразу узнала Сашку, хотя не видела его целую вечность, которая изменила его почти до неузнаваемости. Сшибая стулья и стучаясь об углы столов, я помчалась к выходу.

Помчалась — это, конечно, сильно сказано. Мчаться я могла только в мечтах. Главное в

моей истории то, что я хромая, т.к. в детстве, ещё не успев согрешить перед Богом, за что-то была наказана, переболев полиомиелитом. Это не пошло мне на пользу в плане походки, возможно, извратило мозги и испортило характер. В общем, когда я хожу, то излишне верчу задом и подволакиваю ногу. Добавьте к этому довольно крупный нос, наглый взгляд и глубокое убеждение, что я — первая красавица королевства. Откуда во мне родилось это убеждение, я проследить не смогла, возможно, какая-то генетическая мутация, но, слава Богу, с этим легче жить.

Хотя, надо заметить, я много работала над собой.

В детстве мне пришлось пройти через всевозможные лечебные детские учреждения, а это та ещё школа выживания. Основа лечения в ту пору была такая: изъять ребёнка из семьи минимально на три месяца и лучше всего в другой город, одеть во всё казённое, обрить наголо и обращаться с ним как с малолетним преступником, давая понять, что он перед всеми виноват и всем в тягость.

Последние пять классов я проучилась в специнтернате, где все были кривые и хромые. Тут-то я и полюбила себя, поскольку решила: пусть я такая, зато самая умная. В интернате была замечательная библиотека. Я читала ночи

напролёт, завернувшись в одеяло на подоконнике в туалете, и из-под парты на уроках. В результате поняла, что боюсь на улицу выходить. С собой надо было что-то делать. И перед последним классом уговорила родителей перевести меня в общеобразовательную школу с математическим уклоном во дворе нашего дома.

Нельзя сказать, что меня приняли с распротёртыми объятиями. Я сразу стала троечницей, меня несколько раз сшибали в коридоре, зато я сделала эпохальное для себя открытие, что привычка — великая вещь: через два месяца ко мне все привыкли, перестали на меня озирались и показывать пальцем. У меня появились друзья и защитники. Конечно же, мальчики! Я настолько сдружилась с мальчиками из нашего класса, что после выпускного вечера они сначала проводили меня до дома и только потом пошли с нашими девочками гулять по городу.

Поступив в университет, я занялась ауто-тренингом. Выработывала у людей привычку к себе, а может быть, у себя привычку к людям. Целый месяц ежедневно после занятий по сорок минут выстаивала в вестибюле центрального университетского корпуса. Все об меня спотыкались — и опять привыкли! Я в этом убедилась, когда за какой-то надобностью зашла в деканат. Декан, посмотрев на меня из-под очков, спросил: «Вы, матушка, что — упали? Что это Вы сегодня с палкой?» Я ответила, что всегда так хожу, вообще-то. Декан смутился, поправил очки и сказал: «Извините, я как-то не замечал». Выйдя в коридор, я долго смеялась, можно сказать — от счастья. Так решила моя основная психологическая проблема — через три месяца общения глаз замыливается даже на такую незабываемую красоту! И этот опыт я безвозмездно дарю миру!

Итак, ветром неожиданности меня сдуло в коридор, и я повисла у Сашки на шее. Вот это да! И не надеялась свидеться!

Сашка, нет, теперь уже Александр, стоял в модных черепаховых очках и в настоящем джинсовом костюме. Я наглядеться не могла! Кто жил в эпоху соцреализма, тот меня поймёт. Джинсовый костюм — все Дольчи и Габбаны отдыхают!

Сашка был мой одноклассник, приехавший учиться откуда-то из глубинки Ижевской области. Смешной, в нелепых очках, завязанных верёвочкой, с копной светлых волос, всегда в коротковатых потёртых штанах, старых ботинках. Несмотря на заикание, невнятную речь и сутулую запинаящуюся походку, он был милый, добродушный, юморной парень.

Мы с ним дружили, т.е. на переменах болтали обо всём на свете, на лекциях играли в балду. Он мне очень нравился, но кроме дружбы ничего не происходило. У меня была своя бурная жизнь, а у него наверняка своя не менее бурная семейная жизнь: во время учёбы в университете он женился, и у него родились два сына.

Ни дети, ни заикание, ни старомодные очки в сто диоптрий не мешали Сашке хорошо учиться. Когда на пятом курсе нужно было определиться с преддипломной практикой, и для отличников и хорошистов поступило заманчивое предложение поехать во Владивосток в Институт Океана, Сашка и ещё несколько человек рванули туда. А я, как утка с подрезанными крыльями, осталась у своего корыта.

Мне достался какой-то занюханый НИИ вычислительной техники, в котором никто толком не работал. А числилась там куча женщин, окончивших различные мехматы, при этом плохо разбиравшихся в математике, но хорошо умеющих вязать кофточки втихаря под рабочим столом и делать кубики льда из травяных настоев для протирки увядающих личиков. За год работы в этом НИИ я наслушалась поучительных историй на все случаи жизни.

Работа была у меня, значитца, такая. Тебе выдают некий иностранный патент. Методом научных умозаключений надо было найти специально не указанные из-за разных жуликоватых НИИ, вроде нашего, недостающие компоненты и выдать их как бы за свои разработки. И что вы думаете, искали и находили, и даже по этим разработкам статьи научные печатали, правда, в очень узких ведомственных журналах.

Ко всем престольно-социалистическим праздникам весь «офисный планктон» не просто резал тазик салата и покупал эмалированное ведро разливного пива, но и готовил культурно-развлекательную часть застолья

в виде капустников, доморощенных стихов и стенгазет. Отсюда росли ноги и мозги КВН. Здесь рождались большие служебные романы и мелкие производственные связи.

Работать одновременно было и весело, и скучно. Скучно потому, что работы как таковой не было, и офисная трепотня стала меня угнетать. Казалось, жизнь проходит мимо, а мы будто семечки лузуем на деревенской завалянке.

Вскоре какими-то окольными путями я устроилась работать инженером на одну из кафедр моего родного физического факультета.

Как всегда, судьба подкралась неожиданно!

Обновлённый Сашка выглядел просто красивчиком! Из куколки вылупилась бабочка! И, самое удивительное, он больше не заикался.

Мы отправились в ближайшее кафе, где Сашка живописал мне захватывающие картины своей жизни в далёком Владивостоке. В своём глубоко научном институте Океана он уже защитил кандидатскую диссертацию и два (два! — и это в восьмидесятые годы, когда и в Болгарию из нашего провинциального в ту пору городишки было нелегко выехать) раза съездил на тихоокеанском лайнере в кругосветку (вот откуда этот джинсовый беспредел!). И теперь решил посетить родные места, и страшно рад, что нашлись старые друзья хотя бы в моём лице...

Весь вечер мы говорили и не могли наговориться. Потом он пошёл провожать меня домой. Мы стояли в тёмном подъезде и даже целовались. Сердце щемило от острого чувства несбывшегося — вот она, чужая, но такая заманчивая жизнь проходит мимо тебя, и ты только слегка касаешься её. Вот тебя обдуло её ароматом и возбудило желание испить из этого источника... Не раскатывай губу, поезд уже ушёл, бабочки улетели!

Короче говоря, не заходя ко мне домой, Сашка ушёл. На следующий день он улетел в прекрасный город Владивосток, к жене и детям. Всё как должно быть. Спустя месяц он прислал мне открытку почему-то на английском языке: «My dear Antonina, I send you my hearty good wishes. Owing to you I eventually found the long-expected tranquility in my soul.

Thank you!» . Два дня я ломала голову над вопросом, есть ли в этом послании какой-нибудь скрытый любовный подтекст, но, к своему сожалению, ничего за уши притянуть не смогла и успокоилась.

Естественно, я забыла эту историю через неделю. Кто легко увлекается, тот легко и забывает, хотя, почти неосознаваемая мною, в глубине души осталась тлеть тонким комариным писком малообъяснимая тоска.

Прошло, возможно, два года. Мой ненасытный организм не давал мне жить спокойной жизнью. С годами я поняла, что ощущение счастья невозможно воспитать, наверное, с ним надо родиться. Сейчас, наблюдая за своим уже взрослым сыном и каждодневно видя его щемящую радость жизни, я уверена — ощущение счастья передаётся по наследству.

За это время я опять влюбилась. Эта любовь пришла ко мне сама, я её не искала и даже не ждала, хотя до этого предпринимала попытки выйти замуж. Приятельницы даже знакомили меня с понурыми лысыми типами, сильно уставшими от жизни и согласными на тихую семейную жизнь с нетребовательной инвалидкой. Но в отместку я веселилась, балагурила и ставила опыты психологического воздействия на приматов мужского пола. Я воочию увидела, что мужчин притягивает грубая лесть, и чем она проще, тем быстрее они ей верят. Если часто им её повторять, быстро к ней привыкают и с трудом без неё обходятся. Тогда внешность женщины уже не важна.

Когда-то на заре далёкой юности я ездила с приятельницей отдыхать в уютный город Евпаторию, и мы познакомились на пляже с двумя симпатичными студентками из Москвы, которые жили в Крыму уже два месяца без копейки денег. Мы решили вызнаться у них, как это может быть, и, глотая слюну от зависти к такой невозможной лёгкости бытия, услышали примерно следующее: пока живут на свете дураки, нам вкалывать за деньги не с руки. Они преподали нам мастер-класс. Вечером в кафе, сидя за барной стойкой, одна из них, томно закатывая глаза, обратилась к незнакомому парню: «Ой, я такая впечатлительная! Не знаете ли вы, что это со мной, вот потрогайте (потрогать, есте-

ственно, предлагалось в области груди) — как сердце стучит, когда вы рядом со мной! Как вы на меня необыкновенно влияете! Вы какой-то особенный», и через полчаса этот парень заплатил за всю нашу компанию.

И вот, имея на вооружении эту житейскую мудрость, я могла замутить какой-нибудь бестолковый роман ни уму, ни сердцу, а так, для ощущения полноты жизни. И однажды вдруг оказалась замужем за замечательным во всех отношениях человеком и сразу стала беременной.

У беременной женщины сознание разворачивается как бы внутрь себя. Сидишь на работе и вместо того, чтобы ставить точки на надоевшем графике стратосферного «Е — слоя», прислушиваешься к себе, — как там, в недрах организма рыбка хвостиком тебя задевает. Мозг в голове размягчается, и всё время хочется плакать из-за невыносимого осознания нарождающейся в тебе жизни.

И вот сижу я в нашей лаборатории в таком почти сомнамбулическом состоянии, дожидаясь конца рабочего дня и слышу сзади, думаю, вы уже догадались: «Тоня, привет».

Опа, это снова Сашка! Но что я вижу?! Где наш восхитительный джинсовый костюм? Где наш заграничный лоск и уверенность в себе? Почему опять очки на верёвочке вместо черепаховой оправы? Саша, что с тобой? Да ты снова заикаешься?!

И что я услышала?!

В далёком городе Владивостоке Александр, как и все околонучные сотрудники, которые хотели сделать карьеру, должен был заниматься какой-нибудь общественной деятельностью. Сашка вступил в «Общество знания» и в один ничем не примечательный день поехал читать лекцию в какой-то заштатный дом культуры, а может быть, и вовсе в дом престарелых, на тему «Есть ли жизнь на Марсе».

Прочитав свою лекцию ещё засветло, наверняка радуясь освободившемуся дню, Сашка погрёб домой. А надо сказать, была зима, снегопад, сугробы, нечищенные дороги.

Железнодорожный мост для прохождения электричек прилично сокращал дорогу. Возможно, из-за своих 100-диоптрийных очков Сашка не заметил вдали идущую электричку и

пошёл по этому мосту. Но судьба легкомыслия не прощает. Чтобы не попасть под приближающуюся электричку, он перемахнул через ограждение моста и повис на перилах. И в какой-то момент сорвался. В сознание пришёл не сразу и не понял, сколько времени пролежал в сугробе под мостом. У него диагностировали перелом позвоночника и заковали в гипс. Сашка долго лежал на вытяжке, на восстановление ушло почти два года.

За это время семья куда-то подевалась. Его рабочее место заняли другие. Всё, что он так старательно создавал и к чему стремился с детства из своей сельской глубинки, рухнуло. Как начать всё сначала?! Где найти вторую жилу?!

Александр уехал залечивать душевные и физические раны к родителям в старый посёлок. И вот, сидя на завалинке, созерцая тихую и однообразную сельскую жизнь, он вспомнил, что есть у него такой сердешный друг, который поймёт его наверняка лучше других и примет таким, каким он стал.

Боже мой! Как жизнь ломает и корёжит, и как Иван Сусанин, заводит в тупик. Даже сейчас я вспоминаю момент нашей встречи со странным болезненным чувством, которое не могу более толково описать, ведь я вам не Макс Фриш какой-нибудь.

Прослушав его длинный и путаный рассказ, говорю: «Саша, я вышла замуж и сейчас на шестом месяце беременности, — даже кофточку на себе обтягиваю, показываю живот, будто мне не верят. — Давай пойдём к нам домой, я тебя с мужем познакомлю, можешь у нас остановиться на пару дней».

Если есть судьба, то зачем она пыталась вернуть мне то, что уже не нужно?!

В общем, Александр ушёл, и больше я его никогда не видела.

А может быть, этого ничего и не было? Может, мой начинающийся склероз даёт такие фантомные воспоминания?

Одно я знаю твёрдо, и этому знанию меня научила жизнь: для успеха в жизни мало быть умным, трудолюбивым и пробивным, необходима ещё и удача. И если кому-то повезло, пусть пойдёт в храм той религии, в какую верит, и помолится за тех, чья удача, возможно, случайно досталась ему. ■

Родилась в Зеленодольске. Окончила факультет иностранных языков Казанского педагогического института и юридический факультет Казанского федерального университета. Работает туристическим агентом. Публикуется впервые.

Эльвира Маркова

«СМОТРЕТЬ НА РАДУГУ И НЕ ПРЕДВИДЕТЬ ГРОЗ...»

– Здравствуй, Марина! Зачем ты вернулась сюда?
Лучше б как прежде, на рынке в прозрачном Париже
Подбирать тебе луковки, мокрые после дождя,
Отирая подолом от грязной рыночной жижи.

А ведь был почти дом, где устойчивы стол и каштан.
На окне, замерев в ожидании сумерек, лампы
Затевали игру полутенью, и старый диван
Обнимал тебя ночью, приняв в свои мягкие лапы.

– Ариадна, зачем ты уехала? Сон и покой –
Всё с собой унесла, только радостный смех обронила
Там, у моря вдали. И он звал и манил за собой...
Кто мы спорить с судьбой? Я лишь зову его уступила...

...В Гавре мокрая пристань. Вослед ни цветов, ни венков.
Вам не дали проститься. И больше уже не вернуться...
Никому. Никогда. Только, может, чрез сотню веков
Через тысячу жизней, свободной и яростной птицей.

В моём доме рябина. Люблю её горечь и цвет.
(Ты сказала однажды, что нет тебе большего счастья,
Чем рубиновый куст, полыхающий солнцу вослед)
...И браслетик из ягод себе повяжу на запястье.

Уходить до предательства кажется мудрым, но всё же,
Даже нащупав фантомный рубец от свинца,
Даже предчувствуя, что не предать он не сможет,
Кажется честным пройти этот путь до конца.

И, как послушная крыса, идти, вдоль обрыва,
Чувствуя кровь на губах пополам с чабрецом,
Всё же молиться ему, неумело и криво...
Дай ему, Господи, силы не стать подлецом.

ОТОДВИГАЮСЬ

Ты не заметил? Я отодвигаюсь.
На робких цыпочках иду отсюда прочь.
И, кажется, совсем не напрягаюсь.
Вот так и думай. Так и думай. Ночь

Укроет всех. Все кошки будут серы,
Ошибки не заметишь до утра
А там – рассвет закрасит окна мелом,
И я давно шагаю дальше смело,
С лицом, в ночь запрокинутым и белым,
Отчаянно, отчаянно не та.

Я так боюсь невольно подсказать дорогу,
случайным жестом указать тебе на выход,
что кажется – ещё совсем немного,
и я лишусь меня предавших рук –
взлетающих, в кольцо тебя берущих,
не спрашивающих больше разрешения,
не ждущих темноты и одобренья,
людей не замечающих вокруг.

...Кто, так фигуры двигая бездумно,
вдруг посадил меня играть за чёрных?
И без того уже не слыть мне умной
там, где весь мир на клетки разделён.
И, партию сыграв до середины,
я встану, бережно вернув фигуры.
Храни вас Бог от неумелой дуры.
Надеюсь, что ущерб не причинён.

НАСЧЁТ ДУШИ

Я не знаю, куда мне вот эту любовь отнести:
На гамбургский счёт души или всё-таки тела?
С одной стороны, в ней столько моей души,
С другой стороны, и тело в ней не без дела.

В ней столько греха, что святою не назовёшь,
И настолько она бескорыстна, что не назвать пороком.
Может быть, когда-то Иисус нас любил вот так
Прежде, чем стать однажды простым пророком?

Может, и он когда-то хотел понять,
Что же не так с ним лично и с этим нелепым телом,
Почему вдруг телу так хочется полетать,
А душа, напротив, к белым камням прикипела?

Ну, так вот, о любви.
Что за чёртова страсть опять
Записать в две колонки, плюсики поставив?
Если мы с тобою друг у друга в крови,
Не прибавить и не отнять
Нас к друг другу,
Увы,
Не прибавить.

НА УЛИЦЕ ВЕТРЕНО

На улице ветрено. Не удержать тепло.
Не успеешь пальто запахнуть, как любовь и уверенность,
то есть то, что с тобой неожиданно в жизнь пришло,
превращает из данности ветер в какую-то самонадеянность.

И ты думаешь горько – разве можно любить меня,
вот такую, с морщинками и всё время с сухими губами,
Без какого-то допинга, скажем, в виде бокала вина,
Будучи в трезвом уме, глядя выпавшимися глазами.

Если город полон красивых и лёгких дев,
Тех, чьи губы нежны, не взирая на снег и ветер,
Они ночью спят, днём безумно много успевают,
И от них рождаются такие же чудные дети.

Он же не сумасшедший. Просто вежлив и слишком добр?
Может, я случайно, вовсе не помня об этом,
Заклучила с чёртом губительный договор
И теперь владею страшным каким-то секретом?

...Трудно верить в счастье, просто принять любовь.
Этот глупый опыт, словно мешок с камнями,
Снова давит на плечи, пускает всё вкривь и вкось,
И всё строит и строит препятствия между нами.

А я что? Как дура, сижу и пишу опять,
Синяки под глазами, опять не помыта посуда.
И у сына двойки, и дочь не пришла ночевать.
Только ветер стих. И вернулась любовь. И чудо.

ПЕРЕПУТАНЫ КЛЮЧИ

Тридцать три раза просил – помолчи.
Перепутаны ключи, заморочены головы.
Половинкой яблока сверкают в ночи
Души запахнутые, тела голые.

Думали раньше – ах, как мы смелы!
Такие взрослые, страстные, дерзкие,
И вот оба мы испепелены –
руки трясущиеся, глаза детские.

Всё новолунье, шальная тоска.
Не можешь иметь, то что любишь, люби, что имеешь.
Над одиночеством тонкой полоской доска:
Если пройдёшь, будешь счастлив. Проверь, ты сумеешь?

НЕ БОЙСЯ, МИЛАЯ

Не бойся, милая.
В печи поставлен хлеб.
Пока мы вместе, он не зачерствеет.
Не бойся, милая.
Не избегать нам бед,
Но рук не размыкай, пока не засинеет
рассвет за окнами.
Порошей путь укрыт.
Следы мои ясны. Разбит бокал на плитке...
Не бойся, милая.
Не потревожив сны,
Цепочкою следы ведут к твоей калитке.
Мой тихий ангел,
нежностью и сном
укутаю. И пусть никто не видит,
Осколками сложу я под окном:
«Мой ангел,
пусть никто нас не обидит...»

УМЕНИЕ НЕ ПЕРЕВОРАЧИВАТЬ СТРАНИЦУ

Умение не переворачивать страницу,
Покуда не прочтёшь последней строчки,
Даётся нелегко. До самой точки
Дописывать сюжет! Лишь единицы
Искусством этим овладели в жизни.

Но как судьба учила их!.. Возможно,
Науки этой вы не захотели б,
Когда бы знали, что почти смертелен
Бывает тот урок. Дай Бог вам осторожно

Шагать по мху, не стряхивая рос,
С куста снять ягоду, пчелы не потревожив,
И жить, ничью печаль не преумножив...
Смотреть на радугу и не предвидеть гроз.

Родилась 4 декабря 1994 года в Казани.
Окончила лицей им. Н.И. Лобачевского
при КФУ в 2013 году и Казанский
государственный медицинский
университет (стоматологический
факультет) в 2018 году. Живёт в Казани,
работает по специальности.

**Арина
Тильмичева**

«ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ С ДУШОЙ, ПРОВОДНИК?»

Не против дождей я, не против метелей,
Но всё ж без огня не спускаюсь во тьму,
Ведь раз у кого-то сердца опустели,
Не стало от этого легче уму.

Я проклятых книг повстречала немало,
Они видят душу твою наперёд.
Я к дьяволу им убираться сказала,
Теперь на распутье, наверное, ждёт.

Давай улыбнёмся с тобою пошире,
И звёздная ночь никогда не пройдёт.
А станет вдруг скучно в уютной квартире –
Хоть дьявол, хоть случай тебя позовёт.

Наверное, люди не зря обещали,
Что будет непросто в сиянии дня.
И всё ж без огня посиди-ка в подвале,
Подальше от сердца сомненья гоня.

Тогда я представлю закат над горами
И вспомню, как кожу ласкал океан,
И даже казалось, что где-то над нами
Отыгрывал мессу церковный орган.

ЙОНА

Что мне делать с душой, проводник?
Что смогу я с тобою найти?
Перед нами лежит материк,
И мне страшно сбиваться с пути.

Сделай что-нибудь с этим огнём,
Что пылает вокруг до зари.
Рад заснуть бы я в доме своём –
Вдоль дороги спешат фонари.

Не ругайся, что часто молчу,
Не привык понимать я людей,
Но работы не дам палачу,
Будь спокойна, его я быстрей.

Кто хозяин, тому и служу,
Не привязывай сердце ко мне.
Тонким лезвием я провожу
Поселенцев к далёкой стране.

Не ненавижу я танец в крови,
Но вопросы оставлю творцам.
Поскорее меня позови,
Полетели к прекрасным мирам.

Говорят, бабушка Евгения Евтушенко по материнской линии была татаркой. Но не это навсегда связало поэта и Казань. Безусловно, поэт обессмертил Казанский университет, написав о нём поэму. Впервые она была прочитана в Актовом зале университета. Возможно, руководство альма-матер когда-нибудь увековечит имя Евгения Евтушенко. Предлагаем читателю поэтическую подборку, связанную с Казанским университетом.

Николай Лобачевский

ЦАРИЦА РЕК В ТОРЖЕСТВЕННОМ ТЕЧЕНЬЕ...

Царица рек в торжественном теченье
К далёким Каспия обширным водам.
Ты уклоняешься к Казани на свиданье
С сей древней матерью татарским городам!..
Её со всех сторон, как друга, обнимаешь,
И трепетной струёй приветствуешь луга,
И тихо с голубых рамен дары слагаешь
На оживлённые Булака берега...

Евгений Евтушенко

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

(отрывки из поэмы)

1. МОСТ

Спасибо, девочка из города Казани,
за то, что вы мне доброе сказали.

Возникли вы в берете голубом,
народоволка с чистым детским лбом,
с косою жгутом, с осанкой благородной, –
не дочь циничной бомбы водородной,
а дочь наивных террористских бомб.

Казань, Казань, татарская столица,
предположить ты даже не могла,
как накрепко Россия настоится
под крышкою бурлящего котла.

И в пахнущий казарменными щами,
Европою приправленный настой
войдут Державин, Лобачевский, Шапов,
войдут и Каракозов, и Толстой.

Шаляпина ты голосом подаришь,
и пекаря чудного одного
так пончиками с сахаром придавишь,
что после Горьким сделаешь его.

...

3. ЛОБАЧЕВСКИЙ

Что за юнец с локтями драными,
буян с дырявыми карманами,
главарь в студенческой орде,
так заговорщицки подмигивает
и вдруг с разбега перепрыгивает
профессора, как в чехарде?

Что за старик над фолиантами
и с перстнем царским бриллиантовым,
руке мешающим писать?
Соизволения не испрашивая,
через эпоху ошарашенную
он тайно прыгает опять.

Да, он таким остался редкостным
полустудентом-полуректором.
Адью, мальчишества пушок!
Достойней, чем прыжок для зрителей,
прыжок невидимый, презрительный –
угрюмой зрелости прыжок.

Легко в студентах прогрессивничать,
свободомыслием красивничать,
но глядь-поглядь – утих левак,
и пусть ещё он ерепенится, –
уже висят пелёнки первенца,
как белый выкинутый флаг.

Кто титулярные советники?
Раскаявшиеся студентки.
Кто повзрослел – тот «поправел».
Но зрелость гения не кается,
а с юностью пересекается,
как с параллелью параллель.
...

4. ТОЛСТОЙ

Юными надменными глазами
глядя на билет, как на пустой,
держит по истории экзамен
граф Лев Николаевич Толстой.

Знаменит он – едок и задирист –
только тем, что граф и вертопрах,
тем, что у него орловский выезд,
тем, что у него шинель в бобрах.

Граф молчит, угрюмый, диковатый,
как волчонок, худ, большеголов,
ну а перед ним дундуковатый
враг его – профессор Иванов.

Зависть к титулованым запрятав,
он от жёлчи собственной прокис.
Мерзок дундукизм аристократов,
но страшней плебейский дундукизм.

А от графа запахом дворянским
хлещет раздражающе, остро:
чуть одеколоном, чуть шампанским,
лошадьми, пожалуй, даже «трор».

Иванов бы сам хотел так пахнуть
и, за это тайно разъярён,
«Нуте-с, что же вам подскажет память?» –
графа сладко спрашивает он.

На лице плебействует сиянье –
ни полслова граф не произнёс.
«Изложить великие деянья
Николая Первого» – вопрос.

Скучно повторять за трепачами.
Скучно говорить наоборот.
Пожимает граф Толстой плечами
и другой билет себе берёт.

Но билеты – словно осмеянье.
Как их можно принимать всерьёз?
«Изложить великие деянья
Анны Иоанновны» – вопрос.

Кто вы, составители билетов,
если, пряча столько в тени,
о деяньях просите ответов,
а о злодеяниях – ни-ни?

Припомадят время и припудрят
и несут велеречивый вздор.
Кто сейчас историк – Пимен мудрый
или же придворный куафёр?

Как Катюшу Маслову, Россию,
разведя красивое враньё,
лживые историки растлили –
господа Нехлюдовы её.

Но не отвернула лик фортуна, –
мы под сенью Пушкина росли.
Слава богу, есть литература –
лучшая история Руси.

Шмыгает профессор мокроносо.
«Нуте-с, не пора ли, граф, начать?»
Граф Толстой выходит. На вопросы
граф Толстой не хочет отвечать.

И профессор нуль ему как выдаст!
Долго ждал счастливой той поры:
на тебе за твой орловский выезд,
на тебе за все твои бобры.

Нуль Толстому! Выискался гений!
Нуль Толстому! Жирный! Вауля!
Тем, кто выше всяких измерений,
нуль поставить – праздник для нуля.

А Толстой по улицам гуляет,
отпустив орловский выезд свой,
а Толстой штиблетами гоняет
тополиный пух на мостовой.

Будут ещё слава и доносы,
будут и от церкви отлучать.
Но настанет время – на вопросы
граф Толстой захочет отвечать!

А пьянчужка в драной бабьей кофте
вслед ему грозит кулаком:
«Мы ещё тебя, графьёныш, к ногтю...»
Эх, дурила, знал бы ты – о ком...

Лучшие из русского дворянства –
фрак ни на одном не мешковат! –
лишь играли в пьянство-дуэлянство,
тонко соблюдая машкерат.

Были те повесы и кутилы
мудрецы в тиши библиотек.
Были в двадцать лет не инфантильны –
это вам не следующий век!

Мужиком никто не притворялся,
и, целуя бледный луч клинка,
лучшие из русского дворянства
шли на эшафот за мужика.

До сих пор над русскими полями
в заржавелый колокол небес
ветер бьёт нетленными телами
дерзостных повешенных повес.

Вы не дорожили головою,
и за доблесть вечный вам почёт.
Это вашей кровью голубую
наша Волга-матушка течёт!

И за ваше гордое буянство –
вам, любившим тройки и цыган,
лучшие из русского дворянства, –
слава от рабочих и крестьян!

...

6. ЛЕСГАФТ

...

«К чему заклинанья магические –
не спустятся духи с высот.
Вмешательство лишь хирургическое
Россию, быть может, спасёт». –

«Кромсать по живому?
Опасности
не видите?» –

«Вижу. Я трезв.

Но следует

скальпелем гласности
решительный сделать надрез...» –
«Да где вы живёте,

Пётр Францевич?

Забыли, наверное,
где.

В России –

о братстве и равенстве?!

Попросит сама о кнуте!

Цензура размякнет хоть чуточку –
что будет печататься?

Мат?

Распустим полицию?

Чудненько!

Все лавки в момент разгромят.

И стукнет вас,

крякнув озлобленно, –

очки ваши вроде не те! –

ваш брат угнетённый

оглоблю,

как символом «фратерните».

Всё это –

холодный мой рацио,
плоды размышлений –
увы!

Но в будущем нашем,

Пётр Францевич,

скажите,

что видите вы?» –

«Я вижу Россию особенной –
Россию без власти кнута,
без власти разбойно-оглобленной –
мне чужды и эта, и та.

Но будет в ней власть не ублюдочная,

а нации лучшая часть...» –

«Наив...

Ни сегодня, ни в будущем
не может народной быть власть.
Народ – это быдло,

Пётр Францевич,

и если порою народ
ярмом недоволено потряхивает,
то вовсе не в жажде свобод.

Ему бы –

корма образцовые,

ему бы –

почище хлеба...

Свобода нужна образованному,

неграмотному – жратва.

Зачем ему ваши воззвания?» –

«Борьба за свободу – сама

великое образование...» –

«А может, лишь смена ярма?!» –

«Стращаете?

Я – с оптимистами.

Ещё распахнётся простор,

ещё государыней Истина

взойдёт на российский престол.

Конечно, немножко мы варвары,

конечно, немножко зверьё,

и мы из истории вырваны,

но сами ворвёмся в неё.

Наследники Пушкина,

Герцена,

мы – завязь.

Мы вырастим плод.

Понятие "интеллигенция"

сопьётся с понятием "народ"...» –

«Да будет мне вами позволено

спросить на нескромный предмет, –

вы с кафедры вроде уволены,

а держитесь, будто бы нет?

Простите вопрос этот каверзный,

но я любопытен –

беда...» –

«А я –

гражданин.

С этой кафедры

уволить нельзя никогда».

10. АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ

Ау, либералы!

Так бойко выпендривались

и так растерялись вы,

судари!

Какая сегодня погода в империи?

Гражданские сумерки.

Когда прикрывали

журнал Щедрина

правители города Глупова,

Щедрин усмехнулся:

«Ну хоть бы одна

свинья либеральная хрюкнула...»

Прощайте,

«Отечественные записки»!

Завяли курсистки,

коллеги закисло.

Какая

в империи нынче картина?

Тина.

Хитря,

прогрессистки прячутся в омут:

«Быть может, не тронут».

Спасенье одно –

под коряги,

на дно.

Но так ли премудро

пескарство,

когда всё равно,

всё равно,

всё равно

найдёт и на дне

государство.

Журнал проглотило оно,

не давясь,

а завтра проглотит,

читатели, вас.

В постели Щедрин.

Он измученно жёлт,
 и мысль неотвязная
 давит и жжёт:
 «Неужто наивностью я одержим?
 Неужто,
 российский читатель,
 ты только заёмным умом гражданин,
 а собственным –
 обыватель?»
 Но в двери звонят.
 Провороты звонка
 то дерзостны,
 то нерешительны.
 Хозяин встаёт:
 «Молодая рука...
 Надеюсь,
 не утешителя...»
 Но кто же он –
 юноша в косоворотке,
 с пушком на крутом волевом подбородке,
 с манерами
 чуточку провинциальными,
 с глазами
 такими нацеленно-дальними,
 горящими
 всполохом грозovým?
 Читатель России,
 её гражданин.
 На лбу ни морщинки ещё,
 ни усталинки,
 но тень обречённости,
 словно клеймо.
 «Не жмите так руку...
 Мне больно...
 Я старенький...» –
 смеётся Щедрин,
 но ему не смешно.
 Он, может, предвидит,
 жалея любовно,
 что Саша Ульянов –
 и зря и не зря –
 оклеит бумагой когда-нибудь бомбу,
 по образу книги её сотворя.
 И вот среди снежного свиста разбойного
 петляет в проулках,
 заросших паршой,
 мальчишка с отчаянным ликом Раскольникова
 и хрупкою наичистейшей душой.
 Но топот за ним,

будто здания рушатся, –
 тот самый, державный.

Россия, доколь?
 Ах, Саша,
 твой конь карусельный –
 игрушечен,
 но есть ещё медный,
 безжалостный конь.

...

12. ТАТАРСКАЯ ПЕСНЯ

...

А Володя вспоминает Кокушкино,
 бич с прилипнувшими колючками,
 колокольчиков колыхание,
 пастуха-татарчонка Бахавия.
 И, картофелину печёную
 из ладони в ладонь перекидывая,
 запевал Бахавий

печальную
 свою песню
 под рокот ракитовый:
 «Сары, сары, сап-сары!
 Сары чечек, саплары!
 Сагынырсын, саргаирсын,
 кильсе сугыш, чеклары.
 Вы желты, желты, желты
 не от горя ли, цветы?
 Помертвеешь, пожелтеешь
 от войны, от маеты...»

И в костёрке ветви похрустывают,
 и так больно
 от родственной боли.
 До чего эта песня русская –
 потому что татарская,
 что ли?

А империя,
 мать уродов,
 воплотившись в двуглавом орле,
 стала страшной тюрьмой народов,
 да и русского в том числе.
 Но с хвостами
 и русские черты,
 и татарский шайтан
 с хвостом...
 Минарет над казанской мечетью
 поднят старческим бледным перстом.
 Здесь укрытое от государства

государство печалей и ран,
и морщины на лицах татарских –
это русским понятный Коран.
И в мечеть забредает Володя,
где на каменных пыльных полах
перешёптываются лохмотья
позабывших тобою,

Аллах.

А во храме Христа недалече,
на пол капая сотнями слёз,
перешёптываются свечи
позабывших тобою,

Христос.

Разобщённо качаются тени,
к небу общему руки воздев.
Враг единый у всех –

угнетенье,

только разные боги у всех.

Рай еврейский пророчит ребе,
поп сулит православнейший рай,
но, не веря в спасенье на небе,
скажет с горькой усмешкой Тукай:

«Святую правду, веру, честь

не выше золота все чтут, –

оно сильнее, чем Коран,

Евангелие и Талмуд».

...

14. ПЕШКОВ

По Казани купецкой, кабацкой,
азиатской, такой и сякой,
конокрадской, законокрадской,
полицейской и шулерской,

по Казани крамольной, подпольной,
где гектографы и бунтари,
по рабочей и подневольной,
ну а всё-таки вольной внутри –

мимо щёлкания орешков,
мимо звонких пролёток господ
Алексей по фамилии Пешков
хлеб в корзине студентам несёт.

Он идёт по Проломной, Горшечной,
и, не зная о том ничего,
каждый встречный и поперечный
заграбастан глазами его.

Это горьковские истоки –
собирательство лиц и судеб.
Пахнут хлебом горячим листовки
и листовками свежими хлеб.

Пахнет утро поющим рубанком,
и рассвет у дверей кабака
парусит золотою рубахой
отплясавшего Цыганка.

С детства в люди, как в нелюди, отдан,
Пешков знает, как знает суму:
в умилении перед народом
есть частица презренья к нему.

И он видит народ не всеправым
мудрым богом с подъятым перстом,
а шальным Цыганком кучерявым,
надорвавшимся под крестом.

Но в аду мыловарен, красилен
и в цехах под гуденье станков
пролетарское племя России
зарождается из Цыганков.

И с ухваткою мастерового
примет Пешков тот крест на себя,
и он в люди отдаст своё слово,
на дорогу его осеня...

16. СХОДКА

В Москве или Казани,
нафабривши усы,
преподают казаки
историю Руси.

Студентов кони давят,
и, сжата в пятерне,
нагайка смачно ставит
отметки на спине.

И что призыв к прогрессу,
и что наивный бунт,
когда в нагайке весу,
пожалуй, целый фунт.

Нагаечка, нагайка,
казаческая честь.
В России власть – хозяйка,
пока нагайка есть.

И против нагаек,
штыков,
государственной
страшной махиницы

студенты,
мальчишечки.

Но если боится чего-то
такая махина,
то, значит, лишь сверху тверда,
а внутри – как мякина.

От страха –
в ручищах лабазников ломы и гири.

От страха – цензура,
от страха – остроги Сибири.

Боятся суков,
на которых сидят,
своих же шпиков
и своих же солдат.

И Зимний дворец –
как штыками утыканный торт,
где морды сидят
за оградой из морд.

Гитара поёт,
притишая струну,
в студенческой тесной каморке:
«О, если б все морды сложились в одну
и дать бы по морде
той морде!»

И кто-то кричит в молодом озорстве,
заусенцы кусая:

«Пощечину славно вlepили в Москве,
а что мы, безруки в Казани?!»
На сходку!

Ещё не загнул народ,
пока среди рабства и скотства
в нём дочь новгородского веча живёт –
студенчества русского сходка!» –

«Хотят кнутовище нагайки
засунуть нам в глотку?» –

«На сходку! На сходку!» –
«Россию навек уподобить хотят околотку?» –

«На сходку! На сходку!» –
«ПолитзаклЮченнЫх по тюрьмам
вгоняют в чахотку?» –

«На сходку! На сходку!» -
«Забрали и право и власть,
а народу оставили водку?» –

«На сходку!
На сходку!»

И юная лава,
кипящая неудержимо,
и слева, и справа
летит на Помпею режима.

...

ЭПИЛОГ

Спасибо, стены города Казани,
за то, что вы мне столько рассказали.

Мне вновь планида оказала милость,
и, вновь даря свой выстраданный свет,
как в Братской ГЭС,
Россия мне раскрылась
в тебе, Казанский университет.

Фантазия моя весьма слаба.
Я верю только фактам. Я не мистик.
История России есть борьба
свободной мысли с удушением мысли.

История – не в тезоименитствах,
а в скрытых соках матери-земли,
и сколько ни рождалось бы магницких,
в России Лобачевские росли.

...

1970

Елена Окорокова (Москва)

Держалась Казань не одним лишь Гаврилой Державиным.
Хвалилась казноу Зиланта, и кто не завидовал!
Её небеса минаретами в тучи ужалены.
ЗастрЯл Лобачевский в пространстве её неевклидовом.
И горько ей с Горьким, да Хлебников хлебом поделится.
Пугает её Пугачев небывалыми сказами.
Шаманит Казань, шамаханская красная девица,
Казанкою мутной под белую грудь подпоясана.

Родился 27 июня 1962 года в Казани. Окончил филфак КГУ, учился в Москве в литинституте имени М. Горького, на Высших литературных курсах (семинар критики В.И. Гусева, 1991–1993). Автор 8 книг стихов: «Весеннее счастье» (1989), «Шалаш в раю» (1990), «Улица Грина» (1993), «Бой с тенью» (2004), «Рецепт невесомости» (2005), «Проза жизни» (2007), «Эффект красных глаз» (2011), «Вишнёвый сайт» (2017). Лауреат литературной премии им. Максима Горького (2008), Волошинской, Григорьевской поэтических премий, а также Республиканской премии имени Гавриила Державина (2018). Член Союза писателей РТ. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Интерпоэзия», «Урал», «Сибирские огни», «Ното Legens», «Дети Ра».

Алексей Остудин

РЕЦЕПТ НЕВЕСОМОСТИ

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Я вышел из детства, в чём был, ты меня не рожала –
я выскользнул искрой в трубу из ночного пожара!
Гудящее пламя казанских проулков и скверов
вылизывало, будто сука, нас – сырых и серых.

Я вышел за квасом с бидоном в июльское утро
во двор, где на лавках – портвейн, а в кустах – камасутра.
Где пеной пивной поднялись тополиные кроны
и старый фокстрот подавился иглой патефонной!

Я вышел в открытый киоск с сигаретами «Космос»,
где люк на асфальте и глюк состыкованы косо.
Где шишел и мышел, копейки сшибающий хроник...
Где, Дороти, твой, сволочей убивающий домик.

Там вечный ремонт и о стены шершавые гулко
котом загулявшим скребётся монтажная люлька.
Дворовый Шумахер с руками в порезах и цыпках
играет джаз-рок на горячей трубе мотоцикла.

Невольники чести, сражались в оврагах, как психи –
разменные карты «козла», «петуха» и «зассыхи»...
Я вышел из детства, а был запечатан в колоде,
но детство само до сих пор из меня не выходит!

ЧЕРЁМУХОВЫЕ ХОЛОДА

И. Абдуллину

Кто ночью, натрескавшись в пыльных кустах,
освоил Вселенную в узких местах,
опять упакован в плаценту,
с гвоздикой кометы по центру –

ему левой кистью раскрашивать лень
цветы, но совсем распустилась сирень –
не слушает старших, а справа
черёмухи зреет отрава,

товарищ с Луны – ещё тот антидот,
расскажет по крошке ржаной бутерброд,
держа, как губную гармошку,
и дуя в него понарошку:

когда, наконец, запоют соловьи
расправив над миром созвездья свои,
от чувства винила не спится –
дымится заевшая пицца...

Под утро не вспомнишь, что было потом,
вдруг ливень по окнам ударил кнутом –
столовка и старая дева,
где пиво и то – с подогревом.

НЕСВАРЕНИЕ МИРА

Создан мир из картонных коробок,
где и ты паковать изволь –
выдающийся, как подбородок,
упоительный, как алкоголь.

Набирая цвета понемногу,
за тобой подтянулись след в след –
куст сирени на босую ногу
и на скорую руку рассвет.

Как часы, переводишь дыхание
над блуждающим нервом свечи.
Смерч, такая пружина в диване,
нагибай – и до неба скачи,

но объём не вмещается в плоскость,
значит, снова система крива.
Зеленеет берёза от злости
и качает права-мурава.

Почему, как расстёгнут ошейник,
контролёру на всё наплевать –
отвечающий за освещенье,
бросил свечку и лезет в кровать?

Выбирая другую основу,
на потеху друзьям-босьякам,
надеваешь свой фартук фартовый
в день, когда пал последний секам.

СТУДЕНТКА

В троллейбусе доехали не скоро,
она в шершавых стёклах золотых
протаивала пальцами узоры
щекотные, как буквы для слепых.

Бежали через двор, большой и зябкий,
когда из сумки выскользнула вдруг
жестянка леденцов – такая взятка,
чтоб из общаги выкурить подруг.

Обкусывали с варезек ледышки,
мигал на подоконнике утюг.
Такая вот любовная интрижка,
а не роман какой-нибудь вicktюк.

СТИПЕНДИЯ

Козырёк подъезда обходя,
могод и по-прежнему лукав,
закрываешься портфелем от дождя,
в лужу ускакав на каблуках.

Паниковский, вздрюченный, слепой,
всё-таки к окошечку пролез:
надоело жрать яйцо со скорлупой,
запивая чаем «Геркулес».

Снова «Дружба» с пеной из пивной,
по Лесной на Пушкина летя –
это мы с дождём освоили давно,
метод непрерывного литья.

Только так и держишься тайком...
заглянув в общаге под кровать:
обнаружен чёрный ящик с коньяком –
не спеши его расшифровать.

ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ СЖЕЧЬ

Исчерпано дыхание – клюв в клюв,
теперь, на виражах теряя перья,
щебечешь, по ошибке заглянув:
простите, я ушиблась этой дверью.

А то остришь, так пальцы режет нить,
и, невдомёк – откуда эта злоба.
Тебе я постараюсь уступить,
но мы тогда неправы будем оба.

Хоть облака, как слизи на стекле,
расслаблены над нами и пологи,
давно в пернатой жизни не секрет,
как ближнего обути и – сделать ноги.

С улыбкой заиграешься в Гюго,
пока на серпантине в Карло-Монте
водитель не пристёгнут, а его
автомобиль нуждается в Вермонте.

В эпоху электронных сигарет
надеемся, по-разному невинны,
любить зубную пасту «фторчермет»
и отбивную в форме Украины.

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Воспаление свежей накладки –
отражаются звёзды руки.
Бурлаки-вурдалаки из Волги
тянут жилы и пьют из реки.

Перегар сотворения мира.
Млечный пот прирастает к плечам.
Им служить бы командой буксира,
чтоб не выть, а гудеть по ночам.

Скрип уключин создателя вкрадчив,
нате вам, что потом – разберусь.
До сих пор ни покоя, ни складчим,
хоть построена в складчину Русь.

Может, чёрт не по чину помянут –
чешут репы волхвы на Дону?
Мышка с дедушкой тянут-потянут.
Вот и я свою лямку тяну.

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК

Вселенная черна и голодна,
мы, падая, ей подаём на бедность.
И вот опять на дне её одна
моя инструментальная валентность.

Я жду начала света, я – в конце:
в сознании – ни сна, ни промежутка.
От стронция давно в моём свинце
Израиль мозга и Катар желудка.

Пока следил, с мешками на груди –
отвалится вставная челюсть люка –
уже того, кто плакал впереди,
благословил пинком инструктор-злюка.

Лети по вертикали стилем брасс –
внизу земля, её сплошная Мекка,
где все друг друга съели много раз
и сплетены из этих же молекул.

РЕЦЕПТ НЕВЕСОМОСТИ

Тимуру Алдошину

На старом пепелище нету прока
лакать текилу – только горе мыкать.
Мне ближе укусить тебя за локоть,
когда мы на паях не вяжем лыка.
Я твой соратник в деле хлопотливом
пытаться левитировать в колодце.
От тяжести избавит водка с пивом –
тут важно точно выставить пропорцию.
Без закуси всё будет шито-крыто,
стакан гранёный – пропуск в ноосферу
заточенному в космос неофиту,
инкогнито покинувшему терру.
Два пальца – аварийный сброс балласта.
Страдая от нехватки кислорода,
повяжешь «стелз», как пионерский галстук,
и выйдешь, как Леонов, из народа.

КАДА НИ ПАВИЗЁТ

Ловлю себя за миг до роковой ошибки,
за рваный воротник:
скатиться не рискнул с горы, с болгарской «Шипкой»
в зубах, и жив, старик.

Подъём страны, в пылу летят огня обрывки
и, страшно невесом,
ловлю себя за миг до *ломомпозагровку*,
достав сквозь чуткий сон.

Но медным тазом вдруг Вселенная накрылась,
с крылатым в небесах
ослабла связь, видать, испытывая милость,
взял больше впопыхах.

Так пёс репейный хвост свой не догонит, пряткий –
сел на него и сник,
ловлю себя за миг до следующей попытки
поймать себя за миг.

ВОЗРАСТ

Но другого Оленька помнила соколика

Даже Станиславскому не верю я,
лицедеям свойственно, наверно,
щекотать уснувшую артерию
эхом заблудившегося нерва,

даже – журналистам независимым
от всего, что подло и ущербно –
если доигрались до фортиссимо,
стало быть, управятся с крещендо,

я же – рядовой сотрудник города,
воровская сыть его и пена,
седина упрямо лезет в бороду,
бес – в Рембо, но это у Верлена,

поскорей сыркком закусишь плавленным,
выпив водки, с привкусом резины –
недосуг мне выглядеть подавленным,
словно помидор со дна корзины.

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

С осанкой прямой монгольфьера
дождусь ли терпением струны,
когда голубая Венера
закатится в лунку луны,
последний любитель с балкона
высматривать утром до слёз
сквозь чёрный бинокль махаона
морзянку холодных стрекоз.
Сложилась карьеры стремянка.
Пирке – это капелька лишь,
в душе не зажившая ранка.
На сердце подкидыш-голыш.
Стрельнуть бы на стройке карбида,
наделать гремучих бобин.
Закончились «Джоплин» и «Битлз»,
на донышке – «Лед Цеппелин».
Кто знает, в чью память заброшен
по-прежнему жить с кондачка,
сквозь небо гребу огорошенно
в байдарке сухого стручка.

АЛГА*

Вдохновенье настанет, но прежде
электричеством даст по рукам:
расписавший нефритовый стержень
попадёт не впросак, а в канкан!

Чем избыточней тем – тем противней:
ты один, в окружённой среде,
контргайкой зажат на штативе,
а вокруг – бедуины в беде.

Надоело скрипеть парусами
на зубах или хлопать дверьми!
Только мир заводной вместе с нами,
не поймёт, куда катимся ми...

Что там зиждется – тлен или завязь,
тишина, или снова пальба –
разберёшься, на небо взбираясь
по кудрявому стеблю боба.

Не грядёт ли кабацкая драка:
то заноеет скула, то – поддых....
Бог не выдаст по полной, однако,
задолжает сто грамм боевых.

Обернётся правителем шизик,
брызнет солнце в кромешную ночь –
ничего нет причудливой жизни,
даже то, что представить невмочь.

СВОЁ

Нос ботинка из чёртовой кожи
чертит круг над пустой головой –
это я, будто ангел, на лонже
пролетаю в глуши цирковой,
невесом в облаках из попкорна.
Но сегодня, программкой шурша,
сам сию, испугавшись притворно,
а под купол взлетает душа.
Бьёт прожектор, как шприц под лопатку,
воют волки оркестру назло.
Если ты в этой жизни подсадка,
кто оценит твоё ремесло?

Алга * (тат.) – только вперёд

Понимаешь, пронирылив, как стронций,
совольерник беззубых зверей –
недостаточно здешнего солнца
для зарядки твоих батарей.
Жизнь тряхнёт и поставит на место
наблюдателем из-за кулис,
где ковёрный, впадающий в детство,
умирает от смеха на бис!

ПОКОЛЕНИЕ

Даже дворники смотрят влюблённо –
не чатланин, зачётный пацак,
нахватавшийся звёзд из бульона,
выхожу, сукин сын – весь WhatsApp,

путь кремнистый блестит, как бетонка,
только миг, за него и держись,
нос похож на зародыш цыплёнка
из журнала «Наука и жизнь».

Ко всему, что возможно исправить,
сам давно оборвал провода,
обновить бы короткую память –
надоело сгорать со стыда.

Иногда пробивает на жалость
к тем, кого оболгал WikiLeaks,
мы попкорном, как кони, заржались,
кока-колой под нимб упились.

Пусть светило, и больше не блещет –
не спешим уходить на покой,
хоть ломаемся чаще, чем вещи,
и гарантии нет никакой.

В ИТОГЕ

В глазах стрекозы воздух теребят,
прессует солнце корку апельсина.
Нечистой силе верится в тебя,
поэтому где только не носило,

чтоб выяснилось в юности тупой –
любой порядок гладит против шерсти.
Любимая, не бойся, я с тобой,
хотя мы никогда не будем вместе.

За душу, не ушедшую в печать,
обложит матом облачность литая.
Пришла пора цыплят пересчитать –
но осень так упорно не считает,

проводит жёлтым ногтем по уму
и высадит у мусорного Баха.
По-русски новый дворник ни му-му,
одна печаль – кастрюля и собака.

Мы, словно ртуть, гуляем по кривой –
кому сказать, мол градусник стряхни нам?
Травиться будем осенью – листвой,
что с веток осыпается стрихнином.

Над головою птица ореол
за воротник закладывает галсы.
А я архива так и не завёл –
пытался, только ключик потерялся.

Родился в 1936 г. Композитор, философ, поэт, педагог. Основатель и руководитель казанского андеграундного поэтического объединения «ПоСоХ» (поэтическое сообщество им. В. Хлебникова, 1973–1985 гг.). Автор книг стихов «Наведение мостов» (М., 2005), «Три мира» (М., 2007), «Из ПО+. Стихостаси» (М., 2015).

Лоренс Блинов

1. ПРЕЛЮДИЯ

– До восьми. Не более того, – она сказала.
Когда ж это было? – «До восьми».

...Ни боли, ни того зала,
где оно звучало, – это **ДО**
и вся музыка эта;

ни той **ДО**роги, ни куста того,
где мы стояли
и где она сказала тихо:
– **ДО** возьми. Не более того.

2. КАБАЛЕТТА

Под небеса взметнулся поезд.
Дуга за насыпью легла.
В мятущуюся даль угла
слились огни, не успокоясь.

Медведицы небесной кость
дышала жаром интеграла,
и радуга слегка играла,
и вдаль созвездие несло.

Весь мир движением объят!
Блестя на стреле единства,
миг – в бесконечность устремлён.

И в дебрях мозга рыщет зверь.
И сердца трепетная дверь
тончайший источает яд.

3. КРЕДО

Как Вещь бесчисленностью граней
внушает вечность бытия,
так я – тем больше постоянен,
чем более изменчив я...

Мне не вместить себя – в себя,
как луч – не спрятать во Вселенной:
весь мир являя плотью брэнной,
мне душу в ней укрыть нельзя...

И ни на миг не удержать
скользящей истины мгновенье!
И всякое стихотворенье –
преображения печать.

4. ИНВЕНЦИИ

С невозможностью – в ладу,
с недоступностью – в доверьи:
в мире радостно иду.

У Природы – добрый зверь я:
к свету обратив лицо,
беспредельностью лучась,
слышу изначальный глас,
и ловлю за озерцом
дивный зов ПРЕОБРАЖЕНЬЯ.

Обращаюсь: в корни трав,
и в текущие туманы,
и в гнилушку светляка.
Обращаюсь: в звенья звёзд,
и в личину короода,
в тушу мощную быка...

И – в нагар свечи безгласной,
в рассыпающийся прах,
в сон утёса безучастный;

в сеть серебряных озёр,
и в пучину новолунья,
и в багровые миры –
кровь, летящую по жилам;

и – в степной колючий ветер,
в овселенный полёт –
в пропасти без направлений...

И – в значенье слова «гений»,
и – в совсем наоборот;

в лёд реликтовый безмолвный,
тьнь предвечного Креста,
света мировые волны,
в истину, что так проста.

Внятен мне Язык Творенья –
недомолвки мудрецов
сходятся в конце концов
в ясный тихий луч прозренья.

...День – безумен и – велик.
Изунительно-прекрасен.
Волн луноязыкий лик
с вечера – огнеопасен.

В чаше, меж седых колонн,
масло жертвенное блещет;
в сумрачные входит вещи
океана мерный сон.

Звёзд огнистая вода
увлекает в заглубинье...
Гроты осеняет иней,
радость – душу (иногда).

5. ИНТЕРМЕДИЯ I

Я себе давно не верю –
верю ясному лучу,
верю в тихую потерю –
в то, что разом улечу...

Мудрости не захочу.
Разум – предоставляю зверю.
Беспредельность – не измеряю.
Тишину – не растопчу.

Обнажённость! Вот она –
дверь спасительная – к свету,
всем нам – верная тропа.

Выспренность – всегда глупа!
У Природы – нет ответа.
Лишь Вопросы глубина.

6. ЭЛЕГИЯ I

Остыла голубая речь
почти безоблачного неба.
Мы всё глядим вперёд,
а с тыла
подкралась осень –
рушить, жечь.

Зелёных сосен и огня
не выправить противоречье –
уже сутулит осень плечи,
едва палитру приподняв.
Но клён всё ярче, всё светлей...
Седым предчувствием задета,
синица ищет меж ветвей
последние крупницы лета.

Внезапно сгинул звон стрижей.
В полях – грачей хорал картавый.
Кочуют лунные октавы
между забытых рубежей.

И не к чему уже стеречь
желтеющую песнь поляны.
...Поэт бормочет, словно пьяный,
про остывающую печь,
про догорающие клёны,
про тайну чёрных лебедей,
про пруд, морозцем остеклённый,
не чуя, что скользит по склону,
сгорая,
собственная тень.

Всё суета! –
устало море, устали травы
шелестеть.

А осени – не всё равно ли:
сжигать поэта
или – степь...

7. ЭЛЕГИЯ II

Осені меня, осени лист.
Осені меня сном и свободой.
Осені своей тихую одой,
морозящей судьбы пианист.

Осені светом солнца в прожилках,
лёгким отзвуком давних надежд.
Знаю: трудно считать старожиллом, –
кто так ветрен в листве и промеж

этих листьев, и этих падений,
этой жаждой истлеть до конца! –
между медленным жаром прозренья
и – внезапным ледком у крыльца.

Ты мгновенен. И – всё-таки – вечен!
Вечен твой обнажённый полёт –
и тогда, когда светом отмечен,
и тогда, когда иней падёт.

...Осені меня инеем писем –
тех, что, может, меня не найдут.
Первый снег будет чист, независим.
Ровно не было этих минут.

8. ANDANTINO

Как отзвук золота в изломанной воде,
дробясь и растворяясь в тьме падения,
осенние листы в неспешной суете
ложатся тяжело
на дно
осеннее.

И тихо светится печальный сев
печальных дум в невидимом парении –
и ты отмечен дивным озарением,
внезапно сам куда-то полетев.

И всё слилось: дыхание коней,
и бересты берёзовой дрожанье,
и талой пади обуюнный бег...

В душе искрится отдалённый снег –
и взор твой тонет в бездне мирозданья,

как в золоте листы – струенье дней.

9. ИНТЕРМЕДИЯ II

Снова песни перепел
перепёл.
Север сыпал перьями –
свирил.

Сколько ж это нужно извести
известí!
Вьюга метит избы все
и – свистит.

Кем-то мысли велено
спеленать...
Снежной кистью бёлена
беленá.

Не дожидаться, видно, лиственной
вести нам.
Снова рядом – истина
и – стена!

10. ПАССАКАЛЬЯ

Меня однажды осенит
родившийся в иных широтах,
сквозь тьму и лунную дремоту
разрядов сея резкий треск,
вращающийся Южный Крест.

И мир перевернётся в ночь;
и ковш арктических медведиц,
стремясь мой окоём изведать,
с небес потянется на дно...
И вспыхнут за стеной воды
ввысь уводящие следы.

Душа спокойна и легка:
я вдруг проснусь и стану частью
неизречённой чистоты –
где ни печали нет, ни счастья,
где льётся неизбывный свет.
И нет вопросов. Лишь – ответ.

Гали Рахим

Гали Рахим (настоящее имя Габдрахимов Мухамметгали Мухамметшакирович, 1892–1943) – татарский писатель и поэт, автор романов, повестей и рассказов, историк, переводчик. Окончил Казанское коммерческое училище и Московский коммерческий институт. Работал в Восточном педагогическом институте, Казанском государственном университете (в должности консультанта отдела редких книг и рукописей научной библиотеки), являлся одним из организаторов Общества истории, этнографии и археологии, был сотрудником Государственного банка в Казани. Печатался в дореволюционных татарских литературно-художественных и общественно-политических журналах «Белый путь», «Женщина Востока». Среди его произведений – повесть «Волга», сказки-новеллы «Гульчачак», «Дед Абдрашит», комедия «Дачные страсти», лирические стихотворения и сонеты. Переводил на татарский язык сочинения арабо-персидских классиков. Был репрессирован и реабилитирован посмертно. На русский язык литературные произведения Г. Рахима не переводились. Рассказ «В тоске» в переводе Рината Бекметова – публикуется впервые.

Ринат Бекметов родился 6 февраля 1980 года в г. Семипалатинск (ныне – Семей) Казахской ССР (Республика Казахстан). В 2002 году окончил факультет русской филологии Казанского государственного педагогического университета. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета. Автор более 50 научных и методических работ, в том числе 1 монографии. Занимается художественным переводом (с татарского, английского, китайского). Публиковался в журналах «Дальний Восток», «Идель», «Аргатак. Татарстан», альманахе «Спутник». Живёт в г. Казани.

В ТОСКЕ

Рассказ

На душе тоскливо...

За окном дует холодный ветер. Деревья в саду непрерывно шумят беспокойной листвой. Всё уныло вокруг, серо, неразлично. И деревья, и травы кажутся окрашенными в серый цвет. Даже солнце скрылось за горизонтом!..

На душе тоскливо...

Одиночество поглощает меня. Оно заполняет каждую частицу моего тела. Я не могу найти себе места. Беру в руки книгу — и кладу её, ибо не хочу читать. Душа моя — там, за окном, и сейчас, чтобы вырваться из плена тревоги, она ищет человека, друга. Книга таким другом стать не может. Когда я начинаю читать, моя голова ноет от боли. Мне нужен человек — рядом, во весь рост, живой, осязаемый, могущий говорить.

Одиночество...

Так вот что это такое!.. До сих пор я понимал его смысл превратно. И только теперь осознаю — с излишком, по-настоящему. Я бесцельно заглядываю в одну комнату, в другую. Выхожу в сад, возвращаюсь в дом, а людей вокруг как будто бы нет. Они шумят, смеются, весело торопятся по своим делам, но — не со мной. Куда ни взглянешь, везде пустое, ровное поле. В пятидесяти верстах вокруг не найдёшь ни лесочка, ни крохотного холма. Одиночество моё затеряно в огромном, как море, пространстве. Я слышу голоса этих мест, я вижу этот простор, он меня о чём-то вопрошает, и я ему отвечаю. Но преодолеть моё одиночество ему не по силам.

Надежды...

Вселенная дышит надеждой, храня её в себе, как под покрывалом. Надежды всегда призрачны; они редко осуществляются, оставаясь простыми чаяниями. Ты счастлив до тех пор, пока питаешь надежду. Когда вера в надежду угасает, ты умираешь...

И почему же мне так безрадостно? Отчего я тревожусь? Оттого, что надежды мои одна за другой разбиваются в прах...

Разве мог я вообразить, что, приехав вторично в эту усадьбу, буду, как Робинзон, одиноко грустить? Нет, совсем другие надежды питали меня!

Я вспоминаю, что было в этой усадьбе пять-шесть лет тому назад. Я был тогда ребёнком, мальчиком, всё происходившее воспринималось мною сквозь волшебное стекло. Мир я видел в таинственных отсветах, все вещи, окружавшие меня, казались иными, словно их заколдовали, как это бывает в сказках.

В усадьбу, помню, я приехал перед самым заходом солнца. После ста шестидесяти вёрст на дребезжащей повозке усадьба показалась настоящим раем. Незадолго до моего приезда прошёл дождь, и в воздухе висела приятная прохлада. Тёплый ветерок нёс тончайшие душистые ароматы; их источали цветы, росшие в ближнем саду. Наступила ночь. Возшла луна. Я незаметно вышел в сад. В лунном свете, неясном и колеблющемся, весь сад, вся листва в нём показались мне выточенными из серебра. Цветы, затерянные между деревьями и кустами, в ртутном блеске отражали свет луны. И сад, и воздух, и весь мир излучали такую красоту, которую в словах передать нельзя. А я стоял, погружённый в эту невыразимость, и жадно вкушал её.

В тот приезд я видел Её. Она тоже была ребёнком, чуть младше меня. В памяти хорошо запечатлелась одна подробность. Она сидела на лестнице около двери и перебирала собранные стручки зелёного гороха. Заметив меня, подняла загадочные тёмно-синие глаза:

— Ибрагим абый! Вас угостить горошком?

Тогда ребяческая гордыня не позволила мне взять протянутую горсть. Беря вещь у девочки, не унижаю ли я тем себя? Я ответил резким отказом, повернулся и ушёл. А ведь она предложила мне от чистого сердца...

С тех пор прошло пять или шесть лет. Сейчас она стала взрослой. Я тоже повзрослел. Мне невдомёк, почему, встречаясь со мной, она скрывает лицо. Прошлая встреча с ней была короткой. Я, чем-то раздражённый, входил в комнату, а она, ни о чём не подозревая, выходила. Шла, сосредоточенно глядя вперёд, и, вероятно, по этой причине сначала не обратила на меня внимания. Приметив, остановилась в смущении и секунду смотрела мне прямо в лицо. Ее тёмно-синие глаза имели

необыкновенную притягательную силу и, как и раньше, скрывали загадку. Прядь волнистых пшенично-пепельных волос закрывала лоб и виски; поверх волос был надет маленький калфак, делавший её более изящной. Когда наши взгляды сошлись, лицо моё покрылось краской. Оно горело, а сердце в груди учащённо билось. Она, покраснев, повернулась ко мне спиной и, прикрыв руками волосы, стремительно выбежала из комнаты. С этих самых пор я с ней не встречался.

Да!.. Она избегает меня!.. Но по собственной воле или по требованию близких? Это страшно сердит меня...

Я — на балконе, хожу в тревоге из стороны в сторону и проклинаю старинный, патриархальный уклад татарской жизни. Мои мысли — только о Ней. Я размышляю о ней, собрав всю силу мыслительной энергии. Я заклинаю её прийти ко мне. Магнит своей души я направляю к ней, чтобы с его мощью привлечь возлюбленную. Конечно, тоскующей душе это служит слабым утешением...

Но, чу!.. Она как будто безмолвно входит в комнату, примыкающую к балкону. Разумеется, входит просто так, проходя мимо. Сердце моё снова, как по команде, учащённо бьётся. Я почти начинаю верить в то, что сердца живых людей способны общаться друг с другом. Я быстро встаю, открываю балконную дверь и вхожу в комнату. Увидев меня, она смущённо краснеет, закрывает шарфом лицо и тут же выбегает. Ну, хватит! Прекрати! Разве ты действительно боишься остаться со мной наедине?

...Светит луна. Мы сидим в лодке на озере. Она — на корме, я — у самых вёсел. Волны вокруг играют бликами лунного света. Она, на-

клонившись, смотрит на меня тёмно-синими, как поздний вечер, глазами и о чём-то спешно говорит...

...Зной уже слегка спадает, небо в лучах заходящего солнца становится огненно-красным. Мы вместе с Ней медленно идём по длинной прямой садовой дорожке, по обеим сторонам которой высажены липы. Мы смотрим друг на друга и хохочем. Смех наш вызван не предметом разговора... Нет, мы смеемся потому, что именно в эту минуту чувствуем себя самыми счастливыми на свете людьми.

Вот это и есть прекрасная мечта.

С Ней я встречался несколько раз, но она избегала меня. Даже скрыть лица по-настоящему не может: закутывает голову в шаль, чтобы не заметил. И это уже совсем не мечта, а чистая правда! Недавно я узнал, что сторонится она меня всё-таки не по своей воле, а по требованию родных. Выходит, что и её сминает наш уклад, лишает свободы. Что ж тут поделать!..

За окном воеет ветер, несмотря на то, что сейчас середина лета. Холодно. Тучи огромными массами движутся над озером, как тёмная завеса дыма. Ветер с силой колеблет ветви на деревьях; их тревожный шелест похож на взмахи человеческих рук. Кругом всё серое: и небо, и ветер, и даже озеро, которое ещё недавно располагало к поэтическому настроению и казалось таким чарующим...

Я не останусь здесь, завтра же покину усадьбу... Хочу всё забыть... ■

1913

*Перевод с татарского Рината
Бекметова*

СОН О КАЗАНИ

Вдруг опознать себя на остановке -
во сне -

в полузабытой обстановке:
осенний дождь,
колючий, как щетина...

Я вспомнила:

здесь жизнь моя жила!

И временами так неспешно шла,
на вузовский учебник налегая,
как будто предстояла жизнь другая,
как будто я жила взаймы и впрок.

Всё быстро миновало -
вышел срок.

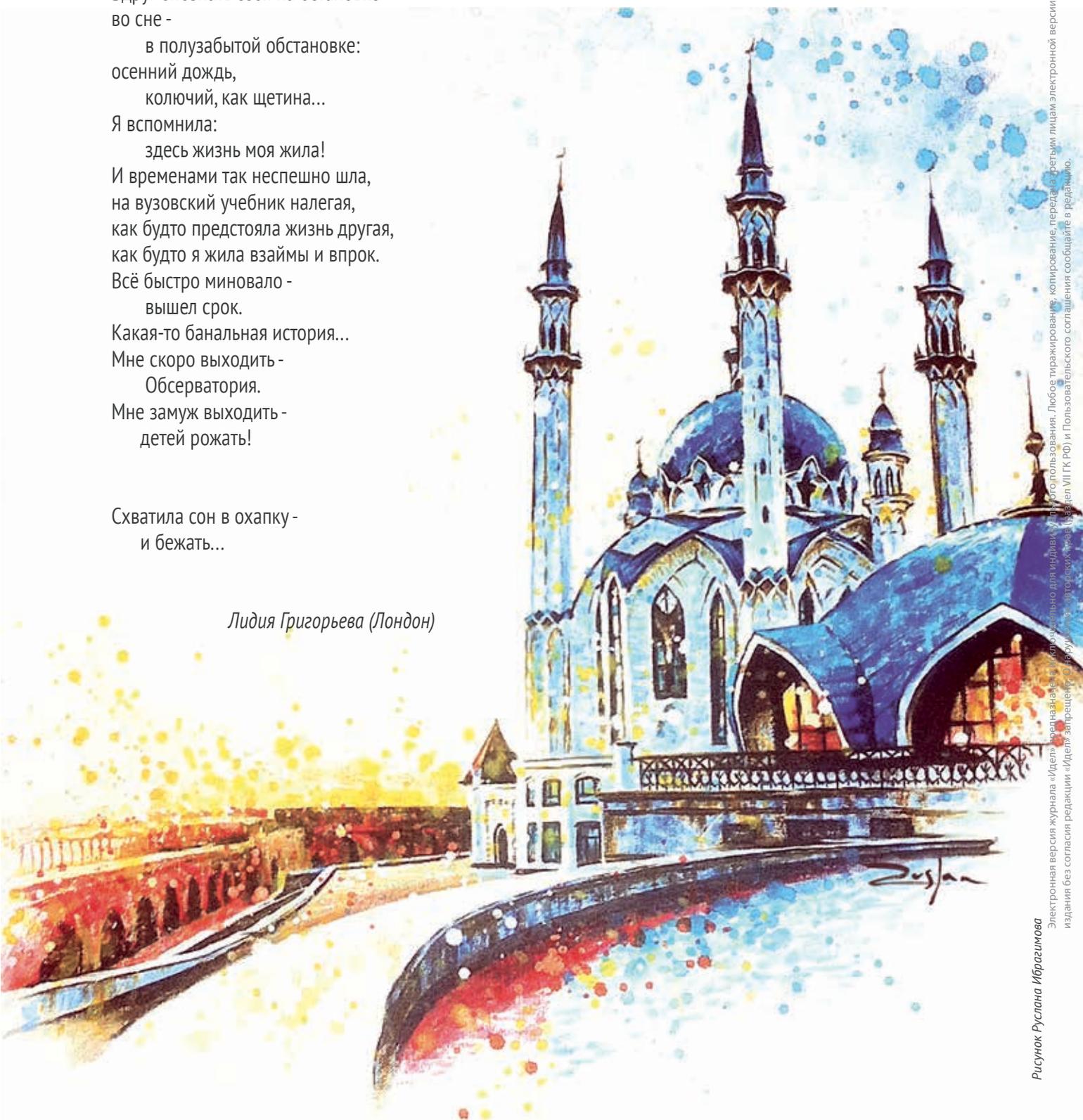
Какая-то банальная история...

Мне скоро выходить -
Обсерватория.

Мне замуж выходить -
детей рожать!

Схватила сон в охапку -
и бежать...

Лидия Григорьева (Лондон)

ОФОРМИ ПОДПИСКУ И ВЫИГРАЙ

телевизор

1

ВЫПИШИ не менее трех изданий АО «ТАТМЕДИА» до **30 декабря 2018 г.** (ознакомься с изданиями по акции на сайте tatmedia.ru)

2

ПРИШЛИ копии подписных квитанций с пометкой «Акция» (**обязательно укажи телефон!**)
Адрес: 420066, г. Казань, ул. Декабристов, д.2 или podpiska@tatmedia.ru

3

ВЫИГРАЙ телевизор,
3 фотоаппарата,
15 одеял из шерсти
и другие призы

**Заявки принимаются
до 25 января 2019 г.**

Розыгрыш
призов
15 февраля
2019 г.

призы!

